АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЯ РККА
им. ДЗЕРЖИНСКОГО

В. Г. ФЕДОРОВ

ИИЭС 20
Ф 295

ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ

(Работы оружейника 1900—1935 гг.)

Часть II

ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО В ПЕРВУЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

ИЗДАНИЕ
Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского
МОСКВА
1939

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЯ РККА
им. ДЗЕРЖИНСКОГО

В. Г. ФЕДОРОВ

ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ

(Работы оружейника 1900—1935 гг.)

Часть II

ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО В ПЕРВУЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

ИЗДАНИЕ
Артиллерийской ордена Ленина академии РККА им. Дзержинского
МОСКВА
1939

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ИЖС 20
Ор 295

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ ЦК КПСС
294333

ГЛАВА 1

Общий взгляд на подготовку к мировой войне. Различие в интенсивности подготовки к русско-японской и мировой войнам. Значение неудач русско-японской войны. Общие мероприятия в отношении поднятия оружейного дела: организация Ружейного полигона, реорганизация Оружейного отдела, оживление деятельности периодической печати и выход различных научно-технических трудов по оружейному делу как следствие наметившегося среди командного состава стремления к под'ему военных знаний. Реорганизация «Общества ревнителей военных знаний». Издание газеты «Военный голос». Отдельные мероприятия по поднятию оружейного дела в армии: усиленная организация пулеметных команд, увеличение запасов комплектов патронов. Недостаточность отпуска финансовых средств для реформ в армии, в особенности показательная в отношении мероприятий по усилению артиллерийской части. Краткое перечисление этих мероприятий как пример общего положения перед войной в отношении недостатка средств на надлежащие реформы в армии. Заключение о военной и военно-политической подготовке к мировой войне.

Тяжелые поражения, понесенные русской армией на полях Манчжурии с непрерывными отступлениями, начиная от Тюренчена и кончая Мукденом — без единого удачного боя за всю кампанию, со взятием Порт-Артура и с позором Цусимы, — не могли, конечно, остаться без влияния на реорганизацию русской армии во всех ее отраслях, а в том числе и в нашем оружейном деле. В подготовке к войнам: русско-японской и мировой было, ввиду этого, громадное различие. В первом случае все ограничивалось только созданием на Дальнем Востоке большой эскадры и постройкой крепости Порт-Артура, а также в медленном перебрасывании войсковых частей, причем надо было всемерно затягивать все переговоры с Японией, чтобы иметь время на переброску сил; все эти передвижения войск производились притом по возможности скрытно — не путем перевода отдельных частей, а главным образом, переформированием двух-батальонных полков восточно-сибирских стрелковых бригад в трех-батальонные полки стрелковых дивизий при постепенной отправке маршевых команд по сибирской магистрали. Насколько все это делалось медленно можно видеть хотя бы из того, что даже спустя шесть месяцев после об'явления войны, на Дальнем Востоке, удалось сосредоточить армию всего в 160 батальонов, 100 эскадронов и сотен и 450 орудий [1].

---

[1] За всю кампанию 1904—1905 гг. на Дальний Восток было переброшено всего 15 пулеметных команд. Перед русско-японской войной пулеметы Максима были подвергнуты войсковым испытаниям в количестве 5 команд по 8 пулеметов в каждой: одной команды в 3 восточно-сибирской стрелковой бригаде и четырех — в войсках Варшавского военного округа, откуда они и прибыли на войну летом 1904 г.; кроме того в течение 1905 г. было сформировано еще 8 команд и 2 команды из 12 крепост-

Реорганизация армии и подготовка к мировой войне велись совершенно другими приемами — нам самим, т. е. тому кругу, где я вращался, пришлось все это видеть, все это переживать и во многом принимать непосредственное участие.

В нашем оружейном деле — в организационном его отношении — необходимо отметить образование Оружейного полигона при Стрелковой школе, произведенное немедленно после войны взамен совершенно неудовлетворявшей своему назначению Комиссии для опытов по оружейной и патронной части; далее происходит реорганизация ведения всех дел в Оружейном отделе с установлением в нем такого же более целесообразного порядка рассмотрения вопросов, который был принят в других отделах Артиллерийского комитета, со внесением готовых проектов журнальных постановлений на общее обсуждение отдела; в 1906 г. образуется комиссия для разработки остроконечного патрона, в 1908 г. — комиссия для разработки автоматической винтовки, работы которой ведутся с небывалым для того времени размахом. Для удовлетворения — возросшего среди командного состава после неудачной войны — стремления к под'ему знаний — происходит оживление периодической военной печати и в том числе наших оружейных журналов: «Вестника стрелковой школы» и «Оружейного сборника». Группой офицеров предпринимается капитальная работа по составлению Военной энциклопедии взамен прежней Энциклопедии военных и морских наук, изданной под редакцией проф. Леера, которая считалась по тому времени уже совершенно устаревшей. К этому же времени относятся и мои работы по составлению ряда выпусков под общим заглавием «Нововведения в вооружении иностранных армий», в которых я задался целью знакомить командный состав со всеми новейшими достижениями в заграничных армиях; руководящим лозунгом к этим выпускам стоял эпиграф: «Одной из главных причин наших неудач в последнюю войну является слишком малое знакомство с силами противника». Ввиду намечавшегося интереса и спроса на военную техническую литературу в это время были изданы мои труды: «Основания устройства автоматического оружия» (изд. 1907 г.) и «Основания устройства холодного оружия» (изд. 1906 г.). Упомяну также о своих исторических трудах: «Вооружение русской армии за XIX столетие» и «Вооружение русской армии в Крымскую кампанию», целью которых было — поднять интерес к ручному оружию, а также обратить внимание на самый больной в русской армии вопрос, а именно на ее постоянную отсталость в деле вооружения [1].

ных пулеметов крепости Владивосток; кроме того, в самом конце войны было сформировано несколько конно-пулеметных команд при кавалерийских полках, вооруженных ружьями-пулеметами Мадсена, но им не пришлось участвовать в военных действиях.

[1] Во введении я обращал внимание на то, что «причины этой отсталости русской армии заключаются в малом развитии конструкторского дела, в малом числе своих конструкторов и изобретателей, что заставляло принимать все образцы вооружения из-за границы. «Лета 1389 вывезены на Русь арматы из немец и от того часу уразумели из них стреляти», — повествует Голицынская летопись и такой вывод, такое заимствование образцов оружия — с громадным каждый раз запаздыванием по сравнению с иностранными армиями — проходит путеводной нитью через всю историю оружия. За исключением трехлинейной винтовки все образцы оружия в России были предложениями иностранных изобретателей. Достаточно отметить винтовки Бердана, Карле, Крика, Терри-Нормана, а также револьвер Смита и Вессона, прежнее нарезное оружие с пулями Минье и Тиммерганса, гладкоствольное оружие с пулями Нейслера. Первый ударный образец ружья 1845 г. почти полностью заимствован из Франции. Первые улучшенные образцы нарезного оружия — двухнарезные Литтихские штуцера обр. 1843 г. также были заграничного изобретения; крепостное ружье

Необходимость распространения военных знаний после всех неудач русско-японской войны выразилась между прочим и в реорганизации «Общества ревнителей военных знаний», имевшего в то время громадное значение и устраивавшего свои доклады, лекции и собеседования в Собрании армии и флота. Доклады производились по всем отраслям военных знаний, причем главное внимание было обращено на использование опыта русско-японской войны; недостатка в докладчиках, конечно, не было, так как в Петербурге были сосредоточены все лучшие ученые и учебные силы военного ведомства с его военными академиями, училищами, офицерскими школами и всеми высшими административными и учеными инстанциями вроде нашего Арт. комитета. Упомяну здесь еще об издании в 1906 г. первой в России частной военной газеты «Военный голос», посвященной реформам в армии, в издании которой я принимал живейшее участие вместе с моими товарищами во главе с Апушкиным (нас было всего 30 человек) и в которой я вел отдел, относящийся к ручному оружию. Мы считали, что издававшийся военным министерством «Русский инвалид» в данное время совершенно не удовлетворяет своему назначению — на страницах этой казенной газеты, конечно, нельзя было ожидать никакой обличающей критики всех непорядков, царивших в армии, — казенная газета не допустила бы этого на своих страницах [1].

Оживление периодической военной печати, усиленный выход трудов по всем отраслям военных знаний и в том числе и по оружейной дея-

---

1839 г. заимствовано из Франции, ружье 1851 г. представляет голландский крепостной стержневой штуцер, крепостное ружье 1875 г. представляет собой систему Крнка. Ген. Куропаткин в своих «Итогах войны» указывает, что только начиная с середины прошлого столетия русская армия стала отставать в своей готовности и в технических средствах от западно-европейских. По поводу этого заключения необходимо, однако, отметить, что в отношении вооружения Россия, идя в хвосте своих западных соседей и заимствуя все из-за границы, естественно, не только с середины прошлого столетия, но и всегда должна была отставать в деле своевременного перевооружения новыми образцами оружия. Факт постоянного вывоза «армат из немец» должен был сказываться на такой отсталости не только теперь (это писалось в 1910 г.), но и раньше. Правда, что теперь этот факт имеет более важное значение, он связан с более неблагоприятными последствиями. В прежнее время, при малом развитии технических средств перевооружения армии происходили довольно редко. Достаточно вспомнить, что кремневое оружие в русской регулярной армии просуществовало около 150 лет. В настоящее же время, в век технических изобретений и усовершенствований русской армии чаще приходится отставать от своих соседей. Как было это ранее, так будет и теперь при надвигающемся перевооружении автоматической винтовкой, если не будут приняты какие-либо исключительные меры. И казалось бы, что если у нас все военные прониклись бы той мыслью, что после знамени для всякого военного дороже всего состоящее на вооружении армии оружие, то может быть нам и удалось бы не отстать в этом отношении от наших соседей»...

[1] Издание было совершенно частное — «Военный голос» издавался исключительно на средства, собранные его участниками. Душою всего дела и фактическим редактором был военный юрист Апушкин. Из других участников память сохранила мне: Коровиченко — военного юриста, бывшего при Временном правительстве командующим войсками Казанского военного округа, Друцкого — профессора Военно-Юридической академии, фон-Шварца — военного инженера, известного порт-артурца, выдержавшего всю осаду, во время же мировой войны отличившегося в качестве коменданта Ивангорода, генерального штаба полковника Ф. Новицкого, капитана 2 ранга фон-Шульца; из артиллеристов припоминаю Башинского, Жерве и Тавастшерна. Имелся у нас и «отсиживающийся редактор», так как, ввиду невозможности для нас платить частые штрафы за некоторые статьи, которые в высших сферах считались предосудительными, редактор обязан был вместо штрафа отсиживать наказания, налагаемые на «Военный голос», под арестом. Решительная критика наших военных порядков и настоятельные требования реформ в армии и флоте, однако, не прошли для газеты безнаказанно со стороны высших — настроенных реакционно — военных кругов. 5 сентября 1906 г. «Военный голос» был прикрыт.

тельность «Общества ревнителей военных знаний», конечно, не могли не иметь влияния на весь ход работы военного министерства после русско-японской войны.

Бросив общий взгляд на характеристику эпохи в отношении оживления деятельности по военному делу, перехожу к изложению реформ, проведенных в армии.

В отношении стрелкового вооружения прежде всего необходимо отметить, что с конструктивной стороны все образцы оружия, состоявшие в армии: винтовка обр. 1891 г., револьвер обр. 1895 г. и пулемет Максима со вновь введенным и разработанным на основании опыта войны станком А. Соколова — в общем удовлетворяли своему назначению и с этой точки зрения не вызывали особых опасений.

В отношении отдельных мероприятий по оружейному и пулеметному делу в армии, относящихся к этому времени, необходимо указать на нижеследующие четыре момента.

1. Проведение усиленной организации пулеметных команд. Каждый пехотный полк и каждая кавалерийская дивизия получили такую команду из 8 пулеметов. В отношении числа пулеметов на дивизию Россия имела наибольшее их количество, заняв первое место среди иностранных армий: Россия — 32 пулемета, Австро-Венгрия — 24, Италия — 8, Германия — 24, Англия — 24, Франция — 24, Америка — 18.

Но, однако, по опыту мировой войны и этого количества оказалось совершенно недостаточно, и русская армия, не имея возможности получить необходимое число пулеметов ни от своих заводов, ни от союзников, оказалась в этом отношении в самом бедственном положении.

2. Введение для армии остроконечных патронов, значительно повысивших баллистические качества оружия (соответствующие работы Оружейного отдела изложены мною выше в первой части). Необходимо при этом отметить, что приспособление 3-линейных винтовок под остроконечный патрон, ввиду недостатка средств, было растянуто на несколько лет; в конце 1913 г. на эту потребность необходим был отпуск в 2.826.000 рублей, в счет которого на 1914 г. было ассигновано лишь 200.000 рублей; вся переделка была рассрочена до 1920 г.

3. Значительное увеличение запасов патронов боевого комплекта. Этот вопрос обсуждался в мобилизационном комитете ГУГШ в 1907 г., причем за основание был принят расход 3-линейных патронов в японскую войну, главным образом только в трех больших сражениях под Мукденом, Ляояном и на Шахэ, в которых максимальный расход составлял около 880 патронов на винтовку. Мобилизационный комитет установил следующие нормы:

на каждую винтовку полевой и резервной пехоты	1.000	патронов
на каждый войсковой пулемет	75.000	„
на каждую винтовку в крепостях	от 1.500 до 2.000	„
на каждый крепостной пулемет	от 30.000 до 50.000	„
на каждую винтовку государственного ополчения	200	„
на каждую винтовку местных конвойных команд	30	„

Военный министр согласился с мобилизационным комитетом и указанные нормы были утверждены в 1908 г. По сравнению с прежними нормами до русско-японской войны — новые были увеличены в два раза.

4. В 1910 г. особой комиссией под председательством пом. воен. министра Поливанова были выработаны новые нормы запасов оружия, т. е. те нормы, которые были во время мировой войны одной из самых главных причин катастрофического положения дел на русском фронте.

Мобилизационных запасов ружей было установлено шесть разных категорий: 1) 10% — для пополнения убыли винтовок во время войны (в этих запасах состояло 207.085 винтовок); 2) 5% — для той же цели — 105.000; 3) для второго комплекта запасных батальонов — 293.350 (всего в этих трех запасах состояло около 600.000 винтовок) — их хватило, однако, всего на 3 месяца войны; 4) крепостной запас; 5) запас учреждений, формируемых в военное время; 6) запас для государственного ополчения.

Всего во всех этих запасах состояло 1.491.525 винтовок.

Пулеметов положено было содержать в запасе 10% от числа состоящих в войсках, т. е. 454 пулемета.

Общее количество оружия, содержавшееся в войсках и складах по нормам 1910 г., видно из следующей таблицы [1]:

Наименование оружия	Положено содержать в войсках и запасах	Состояло в войсках и запасах к началу войны 1914 г.	+ —
3-линейные винтовки пехотные	3.270.320	3.427.077	+ 156.757
3-линейные „ драгунские	464.405	540.272	+ 75.867
3-линейные „ казачьи	189.598	204.394	+ 14.796
Итого	3.924.323	4.171.743	+ 247.420
3-линейные карабины	286.259	118.657	— 167.602
4,2-линейные берданки	348.421	362.019	+ 13.598
Всего ружей	4.559.003	4.652.419	+ 93.416
Револьверы	436.210	424.434	— 11.776
3-линейные пулеметы Максима	4.798	3.901	— 897

Из приведенной таблицы видно, что наличное количество винтовок в войсках и складах превосходило штатную их потребность. Что касается недостатка карабинов и пулеметов, то он об'ясняется тем обстоятельством, что кредиты для доведения этих образцов оружия до штата были распределены на несколько лет и к 1914 г. перевооружение еще не должно было быть закончено; карабины при этом требовались для вооружения некоторых чинов артиллерии и эта мера была решена только незадолго перед войной [2]. На окончание изготовления пулеметов в запас и для некоторых частей второй очереди в количестве 897 экз. еще в конце 1913 г. требовалось около 1 миллиона рублей, в счет которого на 1914 г. было отпущено 570.000 рублей.

Насколько вообще недостаток финансовых средств задерживал проведение насущных реформ военного ведомства нагляднее и рельефнее всего видно из печальной истории отпуска средств на усиление артиллерийской части; поэтому небезинтересно привести здесь хотя бы самую краткую справку в этом отношении, поскольку это необхо-

[1] Барсуков. Подготовка России к мировой войне, стр. 126.
[2] См. часть I моего труда, главу XII, стр. 181.

димо для выяснения общего положения в подготовительный к войне период.

Как известно, немедленно после русско-японской войны было обращено особое внимание на артиллерийскую часть, причем в течение времени с 1906 г. по 1914 г. в Главном артиллерийском управлении (главным образом, в Артиллерийском комитете, где я работал) проводились непрерывные мероприятия по усилению артиллерии.

На основании опыта русско-японской войны, в ГАУ еще в 1906 г. был разработан обширный перечень реформ по усилению артиллерийской части, потребовавший в общей сумме единовременного расхода в 895 миллионов и ежегодно 42 миллионов рублей. Однако, ввиду тяжелого финансового положения России после войны и революции, кредиты были ассигнованы совершенно недостаточные, а именно только на единовременные расходы и то в размере 167 миллионов рублей. В полевой легкой артиллерии в это время, т. е. уже в первые годы после войны, вводятся панорамные прицельные приспособления к 3-дюймовой пушке, безоткатные лафеты со щитами, 3-дюймовые фугасные гранаты, 48-линейные гаубицы обр. 1909 г. (взамен 6-дюймовых полевых мортир), а также новейшие горные пушки обр. 1909 г. В 1910 г. утверждаются образцы орудий полевой тяжелой артиллерии: 6-дюймовые гаубицы и 42-линейные орудия, а также 6-дюймовые пушки тяжелой осадной артиллерии.

Вопрос о комплекте артиллерийских огнеприпасов на основании опыта русско-японской войны впервые рассматривался в 1906 г. в особой комиссии из строевых артиллеристов, главным образом, участников войны под председательством генерал-инспектора артиллерии. В основание был принят средний расход снарядов на 1 орудие за всю войну, определившийся в 720 снарядов, а также расход снарядов за время крупных боев: Ляоян,—190, Шахэ—25, Сандепу—88, Мукден—387. Было решено в 2 раза увеличить прежний комплект на 1 орудие, доведя его до 1000 выстрелов. Дополнительными соображениями при определении этой цифры служили установившиеся в то время мнения о скоротечности, молниеносности войны, а также сведения, что иностранные государства имеют почти такие же комплекты снарядов (Германия — 1200 экз.). Эти нормы были одобрены мобилизационным комитетом, а затем и военным министром в 1908 г.

В 1910 г. в связи с реорганизацией русской армии, предпринятой по инициативе военного министра Сухомлинова, был проведен целый ряд мер и в отношении артиллерии.

Необходимо, однако, отметить, что проект реорганизации армии в целом по указанию высших инстанций базировался на двух основаниях: «а) новая организация должна быть осуществлена в пределах численности армии в мирное время, чтобы не увеличивать тяготы населения по выполнению воинской повинности; б) преобразование армии не должно увеличивать государственный бюджет новыми постоянными расходами» [1].

Пришлось реорганизацию армии производить за счет сокращения некоторых войсковых частей. Как известно, в пехоте были упразднены отдельные резервные и запасные части, а также крепостные войска и за их счет сформировано новых 6 корпусов; кадры же резервных частей согласно новой организации входили в полевые действующие полки.

[1] Барсуков. Подготовка России к мировой войне, стр. 63.

Согласно такой директиве и в артиллерии пришлось упразднить резервные и запасные бригады, вылазочные батареи в крепостях — всего 154 батареи, 108 парков и 5 осадных арт. полков. За счет этого сокращения удалось сформировать гаубичную артиллерию, снабдив каждый корпус дивизионом из двух батарей по 6 орудий 48-лин. гаубиц; после проведения этой меры кроме имевшихся 96 легких полевых орудий на корпус приходилось 108 орудий; количество это однако было совершенно недостаточным по сравнению с германской армией. Реорганизация коснулась и полевой тяжелой артиллерии: было решено сформировать 8 полевых тяжелых дивизионов, разворачивавшихся в военное время в 20, на что требовалось всего 76 42-линейных пушек и 164 6-дюймовых гаубиц. Относительно тяжелой армейской (осадной) артиллерии организацией 1910 г. было намечено образование 4 полков такой артиллерии— для нее разрабатывались мощные орудия: 42-линейные и 6-дюймовые пушки, а также 8-дюймовые гаубицы и 11-дюймовые мортиры. На окончание изготовления орудий полевой тяжелой артиллерии, а также на заказ осадной пришлось все-таки требовать всего 81 миллион, причем в виду недостатка средств советом министров было признано необходимым рассрочить этот кредит до 1920 г.

Еще хуже обстояло дело с отпуском средств на крепостную артиллерию и вообще с вопросом об усилении крепостей, которые при существующем их положении считались — как это указывалось в докладе ГАУ — «источником не силы, а слабости русской армии». Этот вопрос был одним из самых больных вопросов подготовки к войне, причем, ввиду неимения кредитов и полной невозможности оборудовать надлежащим образом имевшиеся крепости, ген. Сухомлинов настаивал на упразднении значительного их числа на границе с Германией. На нужды крепостей и главным образом крепостной артиллерии был исчислен кредит в 485 миллионов, распределенный на 20 лет с окончанием всей реорганизации 1930 г.

Балканские войны 1912 г. и появление на сцену сильных армий славянских государств — Болгарии и Сербии, разгромивших Турцию, были толчком для нового усиления армий Германии и Австро-Венгрии, а затем и Франции; эта энергичная деятельность не могла не иметь следствием и новой реорганизации русской армии. Все вновь разработанные мероприятия под названием «большой военной программы 1913 г.» были внесены в Государственную думу, получив ее утверждение 24 июня 1914 г.; царская армия к 1 января 1917 г. должна была состоять в мирное время из 1.730.000 человек; новая реорганизация коснулась главным образом артиллерии, причем на корпус предполагалось уже дать 156 орудий. Русская артиллерия по этой программе должна была несколько подойти к германской. Ввиду об'явления войны организация осталась только в проекте.

Это одно краткое перечисление различных мероприятий по усилению русской армии показывает, что интенсивная подготовка к мировой войне безусловно была, причем она велась даже в сравнительно бо́льшем размахе, чем во все прежние подготовительные к различным войнам пе́риоды.

При всем том необходимо, однако, отметить:

1) что все эти реформы вырабатывались слишком медленно, так как даже и после неудачной русско-японской войны не изменилась прежняя

патриархальная система ведения всех дел, причем реорганизация армии к началу мировой войны не была закончена;

2) что на затяжку и неудовлетворительное проведение всех реформ имел громаднейшее значение недостаток денежных средств; колоссально важные мероприятия не могли быть осуществлены ввиду урезывания и, главным образом, ввиду распределения кредитов на долгие сроки времени вплоть до 1920 и даже 1930 гг.

Русская армия не была вполне готова к войне, но она была готова безусловно лучше, чем за все предыдущие свои войны, которые она вела ранее — все что полагалось по штатам 1910 г. за редкими исключениями было заготовлено.

С точки зрения военно-политической война была подготовлена более энергично. Необходимо отметить, что политическая обстановка в начале XX столетия, принимая во внимание взаимные противоречия империалистической политики различных государств, складывалась для царской России довольно благоприятно. Россия в 1914 г. была участницей громаднейшей коалиции, силы которой во много раз превосходили силы тройственного союза. Англия из опасения германского флота и стремлений к его уничтожению, временно отказалась от своего векового противодействия России в южном направлении и примкнула к русско-французскому союзу. Вообще необходимо отметить, что министерство иностранных дел вело в это время в высшей степени энергичную политику; здесь развивалась кипучая деятельность: в 1907 г. последовало соглашение с Японией, развязавшее России руки на востоке, в том же году было заключено соглашение с Англией, временно уладившее все спорные вопросы на юге — в Персии и Тибете. В 1909 г. последовало свидание с итальянским королем в Раконидже и соглашение с Италией по вопросу о Триполии и о Константинополе; далее министерство иностранных дел целым рядом мероприятий вплоть до попытки заключения брака между представителями царствующих династий (наследник престола Кароль и старшая дочь Николая II) стремилось установить более дружеские отношения с Румынией — вся эта политика была проникнута одним лозунгом, одной идеей об изоляции Германии. Всюду, а не у нас одних только, — ожидалось распадение двух «больных» государств, доживавших, — как это предполагалось в это время и слишком часто высказывалось на страницах шовинистически настроенной периодической печати,— последние годы своего существования: лоскутной Австро-Венгрии, которая не могла далее существовать в своем прежнем виде, и распадавшейся Турции. Захватническая политика с дележкой наследства этих государств сулила значительно усилить империалистическую Россию — тут предполагались и ключи от Босфора, и единение вновь образованных славянских государств вокруг России, и воссоединение галицких русин. Все эти мечтания туманили голову националистически настроенной русской бюрократии и заставляли закрывать глаза на все отрицательные стороны того положения, в котором находилась русская империя, доживавшая в то время, как это оказалось в действительности, свои последние дни. Эти взгляды о возможности значительного усиления царской России высказывались и заграницей, что подтверждается теперь различными мемуарами, выпущенными некоторыми государственными деятелями иностранных государств. Как характерно мнение министра иностранных дел США, относящееся к 1914 г. и помещенное в мемуарах Ллойд-Джорджа. «Победа тройственного

союза, — указывалось в этом мнении, — будет служить лишь к дальнейшему усилению германского милитаризма, победа же Антанты прежде всего — к колоссальному усилению деспотической России — и то и другое для США является в высшей степени нежелательным»[1]. Ллойд-Джордж указывает, что Америка содрогалась при мысли о каком-либо сближении с русским правительством, — грубым, тиранническим, развращенным, действительно прогнившим.

Итак, с точки зрения военно-политической, — подготовка к мировой войне была проведена соответствующим образом; это доказывают соглашения империалистических хищников, основанные на временном прекращении их взаимных противоречий. Однако, со стороны чисто военной Россия вряд ли могла воевать с могущественной армией Германии — все ее надежды были на громадные силы союзников. Одним из самых слабых мест русской армии была при этом медленность русской мобилизации — отсюда понятны чрезмерные панические опасения в этом отношении, а также стремление во что бы то ни стало начать мобилизацию ранее Германии. Это последнее обстоятельство и было причиной того рискованного шага, который привел к европейской войне в тот момент, когда русское правительство не могло еще считать себя вполне готовым к разрешению своих мировых империалистических задач (через месяц после утверждения большой военной программы). Желание, кроме того, устрашить Австро-Венгрию русской мобилизацией и заставить ее принять в ее конфликте с Сербией какое угодно третейское разбирательство, на что так надеялось министерство иностранных дел во главе с Сазоновым, на самом деле не удалось осуществить и оно было одной из главнейших причин молниеносного возникновения европейской войны. Молниеносность ее и выразилась только в одном этом — обратно всем расчетам верхов русского военного министерства, надеявшихся на непродолжительную скоротечную войну.

---

[1] Ллойд-Джордж. Военные мемуары, стр. 442.

ГЛАВА 2

Об'явление войны. Командировка в Японию. Миссия Э. Гермонпуса для приобретения орудий, снарядов, винтовок и патронов. Приемка мексиканских и японских винтовок. Положение русской армии в отношении оружия в конце 1914 г. Дальнейшие заказы оружия американским заводам.

С момента об'явления мобилизации все высшие учебные заведения были закрыты — все было брошено в армию; была закрыта и наша Артиллерийская академия и Офицерская стрелковая школа, где мне пришлось читать лекции по ручному оружию. Прекратились различные опыты по оружейной и патронной части, которые велись на Оружейном полигоне — часть его личного состава вошла в формировавшийся полк стрелковой школы.

Все опытные работы на заводах также были немедленно прекращены — надо было бросить все силы для борьбы с Германией.

Все мы знали, что представляет собой Германия в военном отношении.

Мы знали, что нигде, как в этой стране, не была так сильна подготовка к войне; нигде, как в Германии, не были так хорошо известны любимые слова погибшего в 1905 г. на «Петропавловске» адмирала Макарова: «Помни войну»; немцы любили повторять изречение своего Мольтке: «Продолжительный мир — это мечта и даже — не прекрасная мечта; война же есть существенный элемент божественной системы мира».

Мы знали слова руководителя германской внешней политики фон-Бюлова: «Наихудшая вещь в политической жизни — это апатия и душная атмосфера всеобщего спокойствия. Покой позволителен только тому, перед кем не стоят невыполненные задачи; ни одна нация не может сказать этого о себе, тем менее германцы, которые так недавно вступили на новый путь с достижением новых целей. Количество разрешенных нами проблем с 1870 г. ничтожно сравнительно с теми, которые еще ждут нашего разрешения...».

И мне хотелось здесь только отметить ту мысль, которая бродила в момент об'явления войны и у меня, и у очень многих, хорошо знавших Германию, — мысль о том, что нам предстоит борьба с серьезным, смелым и искусным врагом, с каким за тысячелетнее существование России, за исключением разве гения Наполеона, — ни разу не сталкивалась русская армия.

Через несколько дней после об'явления войны я был вызван к начальнику Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмину-Караваеву, который приказал мне отправиться в Японию для переговоров

по снабжению армии оружием и патронами, а также и для приемки всего того, что будет уступлено нам японским правительством.

Полагая, что война должна затянуться и что при таком положении в русской армии может оказаться недостаток в винтовках, несмотря на наличие в артиллерийских складах всего положенного по штату оружия, Д. Д. Кузьмин-Караваев тогда же, в самом начале войны, по своей собственной инициативе, решил принять некоторые меры для пополнения запасов оружия.

Во главе миссии в Японию был поставлен заведующий Артиллерийскими приемками Э. К. Гермониус; в качестве специалиста по артиллерийским орудиям и снарядам был командирован делопроизводитель Артиллерийского комитета М. П. Подтягин, как специалист по оружейной и патронной части — я и в качестве секретаря и переводчика — делопроизводитель Комитета А. Я. Задде, служивший так же, как и я, в Оружейном отделе комитета.

Мы ехали в Японию совершенно неподготовленные к стране; ни один из нас, конечно, не знал ни одного слова по-японски; мы не успели захватить ни словаря, ни самоучителя; ввиду спешности от'езда у нас не было никаких книг или брошюр об Японии; каждый из нас знал только вооружение ее армии, ее материальную часть, знал конструкцию и главные данные их орудий, снарядов, ружей, пулеметов, но этим и исчерпывалась вся наша подготовка.

В отношении ручного огнестрельного оружия у меня была надежда получить старые винтовки обр. 1897 г. системы Арисака, бывшие на вооружении ее армии во время войны с Россией и, вероятно, уже замененные новой системой обр. 1905 г. того же Арисака. Несмотря на то, что винтовки эти были в войсках уже долгое время, старая система Арисака могла считаться удовлетворяющей своему назначению — она отличалась от новой лишь своим затвором, который был довольно сложен по устройству и имел много мелких частей, а также пружиной подавателя магазина, которая в прежней системе была проволочной, в новой же пластинчатая, более прочная и надежная. Ведь не надо же было забывать, что русская армия вооружена системой еще более давнего изобретения, а именно 1891 г., а потому, в случае, если удастся получить от японского правительства винтовки 1897 г., — необходимо лишь обращать более строгое внимание на то состояние, в котором они находятся.

Через несколько недель пребывания в Японии—после долгого ожидания — нам предложили приобрести мексиканские винтовки и карабины в количестве около 30.000 шт. с 200 патронов на каждый экземпляр оружия. Мексиканские винтовки были одинаковой системы с японскими, а именно Арисака 1905 г. или по японскому летоисчислению 38 года Мейдзи; отличались они от японских лишь своим калибром в 7 мм, тогда как японские были 6,5-миллиметрового калибра. Они были спроектированы для маузеровского патрона и заказаны около года тому назад для мексиканской армии; часть винтовок уже была отправлена по назначению и предложенные нам представляли собой последнюю партию заказа; приемка ее заканчивалась особой мексиканской комиссией.

Предложение это не имело для нас большого интереса, так как винтовка требовала особого патрона, отличного от нашего 3-линейного; если же принимать другой патрон, то во всяком случае и количество винтовок должно было бы быть более значительным. Закупать же малые пор-

ции различных систем винтовок с разными патронами — не представляло особых выгод. С другой стороны и количество отпускаемых нам патронов было совершенно недостаточно. Комплект патронов был установлен у нас 1000 на каждую винтовку; по данным русско-японской войны были бои, когда из винтовки расстреливалось до 300 патронов в полчаса горячего боя. Из Петрограда было получено приказание о необходимости немедленной покупки — эта телеграмма нам показала, что вопрос с винтовками в армии, вероятно, значительно ухудшился... Так как цена со штыком и кожаным ремнем для носки была очень низкая, а именно до 30 иен, т. е. около 30 рублей, тогда как наша 3-линейная винтовка на наших оружейных заводах в мирное время стоила от 37 до 45 рублей, то было приступлено к немедленной их приемке; около 10% винтовок на выдержку были осмотрены мной самым детальным образом— и затем они были отправлены в Россию.

Что касается японских винтовок, то решение об их уступке русской армии все откладывалось и заставляло подозревать о нежелании японского правительства оказать союзническую помощь русской армии; все происходившее подтверждало некоторые, может быть и неправильные, наши соображения; нам казалось, что японцам невыгодно усиливать нас, непосредственных соседей. События происшедшие впоследствии, а именно японская интервенция 1918—22 гг. и агрессивная политика по отношению к СССР со стороны японского правительства показали, что эти подозрения были правильны.

Из частных источников, между тем, мы узнали, что идет отправка этих винтовок для английской и французской армий, причем нам сообщили даже название пароходов, на которых была произведена их отправка. Впоследствии это известие подтвердилось. Япония скрыла от нас, что прежде всего она помогала Англии и Франции.

Наконец был получен ответ от японского военного министерства. Ответ был для нас очень неутешительный. Правда, нам отпускалось довольно большое количество старых японских винтовок системы Арисака, обр. 1897 г., т. е. 30 года Мейдзи, и при том по очень низкой цене, но однако количество патронов на каждую винтовку давалось крайне незначительное, а именно по 100 патронов; нас предупреждали, что патроны будут старых годов изготовления — часть из них придется собирать из гарнизонов Кореи. Первая партия в 70.000 винтовок будет приготовлена к сдаче в октябре; из них 15.000 в Моджи, 15.000 в Осака и 40.000 в Токио; вторая партия в 115.000 и третья в 95.000 экз. будут сданы примерно в конце декабря месяца...

Задержку в сдаче японское министерство об'яснило необходимостью снимать винтовки с вооружения полков, высылая для них новые винтовки обр. 1905 г. По мере снятия с вооружения их надо сосредотачивать в склады для осмотра и исправления, что займет много времени.

Такое об'яснение казалось мне очень странным, так как кроме винтовок, состоящих в полках на руках, должно было быть весьма значительное число оружия в складах и если бы японское военное министерство пожелало бы действительно помочь русской армии, то оно и могло бы дать эти винтовки, а по мере перевооружения пополнить склады винтовками из полков.

В японском Артиллерийском управлении нам, кроме того, указывали, что все винтовки могут быть разделены на три категории: 1 — совершенно новые, 2 — малодержанные и 3 — сильно поношенные. Это по-

следнее обстоятельство, однако, не вызывало особых опасений, так как одновременно мною был возбужден вопрос о снабжении запасными частями, а потому при взаимозаменяемости частей винтовки всегда можно было произвести необходимые исправления; что касается изношенности стволов, то с влиянием этого фактора на ухудшение меткости при массовой стрельбе во время боевых действий приходилось мириться.

Вопрос о патронах безусловно был наиболее важным, наиболее неблагоприятным...

Было ясно, что японское военное министерство не желало ослаблять себя уменьшением запасов своих патронов, считая, вероятно, что война с Германией и окончательная победа над ней вряд ли входит в число задач, которые могли бы стоять перед Империей Восходящего Солнца. Ослабление западного соседа России вряд ли приносило непосредственные выгоды Японии; взятие же Циндао, конечно, было для японцев только вопросом времени.

Наши настойчивые хлопоты в Токио имели следствием лишь обещание пересмотреть вопрос о патронах, причем после долгих ожиданий нам обещали увеличить комплект на каждую винтовку на 25 патронов. Это было, конечно, равносильно отказу. Я, тем не менее, полагал, что японские винтовки могли бы быть даны на вооружение различных частей второстепенного назначения; этапных батальонов, ополченских частей, обозных команд, требующих малого количества патронов; состоящие же в вышеперечисленных частях 3-линейные винтовки могли бы быть переданы в части 1-й линии.

Одновременно, кроме принадлежности к винтовкам, были приобретены еще и следующие предметы:

1) запасные части (по особому списку, который был составлен) с особым чехлом для их носки,
2) ножка к штыку,
3) кожаный ремень для носки винтовки,
4) кожаные сумки и патронташи для патронов,
5) серия войсковых калибров для осмотра винтовок и
6) перевод описания винтовки и правил стрельбы.

Обо всем было донесено в ГАУ — последовало согласие на покупку винтовок по 16½ иен за экземпляр со всеми перечисленными предметами и перевозкой до Владивостока, т. е. почти даром, принимая во внимание цены военного времени.

Вскоре началась давно ожидаемая приемка. Но тут произошла с нами новая катастрофа... Нами была получена шифрованная телеграмма из ГАУ, в которой сообщалось для руководства новое приказание военного министра: прекратить всякие покупки и приемку винтовок, которые не обеспечены полным комплектом патронов, т. е. 1000 штук на винтовку. Японское военное министерство уже предприняло некоторые работы для передачи нам 280.000 экземпляров оружия — оно свозилось в склады, началось его исправление и т. п.; теперь приходилось отказываться от всего этого, что безусловно ставило нас в неловкое положение; мы всеми мерами домогались отпуска оружия, мы, вероятно, надоели всем нашими постоянными и настойчивыми просьбами, мы дали согласие на заказ и через некоторое время берем наше слово обратно. С другой стороны, я считал безусловно неправильным последовавшее решение, так как вряд ли во всем мире мы могли бы достать винтовки с требуемым количеством патронов — надо было изворачиваться иными

способами: приобретение винтовок в Японии и последующий заказ для них патронов в Англии давал надлежащий выход из создавшегося положения.

Много было впоследствии нареканий на военного министра генерала Сухомлинова; всякий помнит суд над ним за измену и предательство. Но было бы неправильным искать в указанном выше его приказании такой измены и предательства; дело обстояло гораздо проще. Причина была в скоропалительности решений без внимательного, детального и строгого продумывания каждого вопроса. Главное управление Генерального штаба зачастую брало на себя решение артиллерийских вопросов без сношения о том с ГАУ.

Как бы то ни было, из создавшегося положения надо было выходить. Приказание военного министра может быть теоретически и правильное, в данном случае было безусловно нецелесообразно; оно ставило притом русских представителей заграницей в крайне неловкое положение. Мы решили приемку продолжать, немедленно донеся обо всех наших соображениях в ГАУ, а также через военного агента в ГУГШ (Главное управление генерального штаба) и через посла — министру иностранных дел для доклада министру военному. Вопрос этот вскоре был урегулирован согласно нашим представлениям, а потому я и продолжал приемку винтовок.

На завод я обыкновенно отправлялся с переводчиком генералом в отставке Ватанабе, занимавшим ранее должность военного агента во Франции; Ватанабе был моим неизменным руководителем во всех моих путешествиях по заводам и арсеналам и много помог мне в моих скитаниях и странствиях; кроме того, зачастую при нас ехал особый офицер от военного министерства, везший специальное разрешение на пропуск меня на завод, без которого немыслим был вход туда ни одного иностранца. Насколько такой вход был недопустим по понятиям японцев и какое исключение делалось в этом отношении для нас, можно было понять хотя бы из тех бесчисленных наставлений, которые сопровождали меня при моих посещениях завода. Первое наставление было передано мне нашим военным агентом от имени японского военного министерства, в котором была указана просьба никуда не входить и никуда не засматривать, кроме строго отведенного помещения, так как производство всякого оружия находится в Японии в самом строгом секрете. То же самое просил меня соблюсти и переводчик Ватанабе.

Перед воротами завода, когда я только что вышел из автомобиля, я был остановлен каким-то японским офицером, который уже в третий раз через ген. Ватанабе вновь мне передал о тех строгих правилах, которые существуют в отношении иностранцев на предмет посещения военных заводов. На все это я отвечал неизменно согласием строго выполнять все положенные правила, присовокупляя, что я отлично понимаю ту помощь, которую оказывает японское министерство русской армии; в душе же вся эта процедура прямо меня смешила, так как я нисколько не собирался что-либо высматривать, считая что вряд ли в японских заводах приняты какие-нибудь более совершенные способы массового лекального изготовления ружей, чем те, которые были распространены всюду. Дальше было еще хуже. Пройдя через ворота завода и вдоль нескольких заводских зданий, мы вышли на громадный двор, по середине которого было отгороженное проволокой место, как для скота; меня ввели в это место, причем я вновь был предупрежден, что из его

пределов выход мне строго запрещен, равным образом меня просят не смотреть в окна зданий — надо при этом отметить, что от проволоки до ближайшего окна, вероятно, было около 150—200 шагов.

Если в этом отношении были безусловно некоторые крайности по отношению к офицеру союзной страны, то ведь не надо же забывать, что у нас в бывшей России очень часто бывали совершенно противоположные крайности, когда мы показывали направо и налево всем желающим все наши секреты, — а если не секреты, то во всяком случае результаты трудов инженеров и техников, выполнявших ту или иную установку производства — и давали возможность безвозмездно заимствовать их другим.

Несмотря на все эти предосторожности мне, однако, пришлось увидеть одну новость, в отношении укладки патронов, весьма полезную для армии; позже на фронте я встретил подобную же укладку и в германской армии. Дело заключалось в том, что в деревянном японском ящике заключалось 1440 патронов, уложенных в картонные пачки по 15 в каждой; переносить такой тяжелый ящик довольно затруднительно, а потому после раскупорки пачки распределялись между несколькими стрелками, что было не совсем удобно; для бо́льшей легкости переноски патронов до цепи стрелков под огнем противника лежащие в ящике пачки — путем обвязывания их тесьмой — были соединены в три пакета, снабженные удобными петлями из той же тесьмы для захватывания рукой; вместо тяжелого деревянного ящика с 1440 патронами получались три более легких пакета. Я, конечно, оценил это удобство, когда был вынут только первый пакет и не мог не поделиться своею мыслью с ген. Ватанабе. К моему удивлению ящик с патронами с новой укладкой был немедленно спешно утащен, равно как и другие принесенные с ним ящики; наступила пауза, вероятно, для того, чтобы осмотреть предварительно укупорку тех ящиков, которые предназначались для моего осмотра и для дальнейшего отправления на фронт военных действий.

Для приемки винтовок посередине отгороженного места был натянут тент для защиты от палящего солнца, расставлены стол и стулья, вокруг были подготовлены ящики с уложенными в них винтовками; из них я выбирал некоторое количество винтовок для контрольного их осмотра; при этом я, главным образом, обращал внимание на годность их к службе в боевых условиях; я поверял правильность взаимодействия подающего механизма, заряжал винтовку по очереди двумя пачками поверочных патронов, одновременно поверял действие затвора, возведение боевой пружины и спуск ударника; осматривал канал ствола на отсутствие раздутостей и других резких повреждений; поверял прицел, прочность сидения мушки, легкость примыкания и отмыкания штыка, не сильна ли качка примкнутого штыка, годность его к бою — несколькими ударами и правильность его отточки; далее производилась неполная разборка: разбирался затвор, вынимался подающий механизм и осматривались детально их части. Поверку калибрами и приборами я производил только в отношении выяснения следующих обстоятельств: разношенность канала ствола — помощью соответствующих калибромеров, расстояние между обрезом ствола и дном чашки боевой личинки — подлежащими шашками, силу боевой пружины (во избежание осечек) — помощью особого прибора и силу спуска (для отбраковывания слабых спусков во избежание нечаянных выстрелов) — прибором вроде безмена. Такой порядок выработался на основании опыта проверки винтовок. Из-

194333

ИМЭЛ

вестная часть винтовок поверялась стрельбой на особом стрельбище, бывшем также на окраине Токио; все было всегда тщательно подготовлено; деревянные мишени заранее расставлены, пристрелочные листы прибиты, стрелки на месте; для защиты от страшного, нестерпимого зноя всегда развешивался небольшой тент.

Приемка подвигалась довольно быстро и 23 октября 1914 г. первый транспорт с винтовками на пароходе Добровольного флота уже был отправлен во Владивосток.

Винтовки принимались мною как в самом Токио, так и в Осака, а также в Моджи. Кроме винтовок необходимо было принимать штыки, запасные части, принадлежности, патронные сумки, патроны. Моя роль — как приемщика винтовок от правительства — была довольно щекотливая, я стоял между двух огней.

С одной стороны, мне нельзя было забывать того, что Япония оказывает помощь России; 280.000 винтовок, ведь это — несколько корпусов пехоты, которые — в случае неимения винтовок от потери или постоянного прихода в негодность — вновь могли бы быть поставлены в строй. Япония почти даром отдавала нам эти винтовки, так как сумма в 16½ иен (почти столько же рублей) была слишком дешевой ценой за винтовку с учебными патронами, штык в штыковой ножне, запасные части, принадлежность, несколько серий войсковых лекал, кожаные сумки, ремни, перевод наставлений, печатание их, всю перевозку до Владивостока с заказом всей укупорки, осмотром и исправлением винтовок. Цена держанной винтовки и притом только одной винтовки без всего перечисленного выше доходила в это время уже до 50 руб., о чем мы знали на основании различных предложений некоторых фирм. Уступка винтовок была безусловно помощью русской армии; при этих обстоятельствах вряд ли можно было быть особенно требовательным, тем более, что японское военное министерство категорически заявляло, что оно может отпустить нам лишь держанные винтовки старого изготовления.

С другой стороны, я должен был знать, что винтовки поступят на вооружение русского солдата, который должен иметь вполне годное к бою оружие и которому нет и не должно быть никакого дела, является ли получение уступленных винтовок помощью иностранного правительства или покупкой у фирмы.

Недостатки в винтовках все таки были; правда, что оружие было годно к бою в широком смысле этого слова, но тем не менее неисправные винтовки, безусловно, могли затруднить действие с оружием. Были очень слабые спуски, при которых выстрел мог последовать от самого слабого нажатия на спуск, что могло повести к плохой меткости и даже нечаянному выстрелу; были, наоборот, тугие спуски. Были задержки в подаче патронов при проверке правильности этой подачи учебными патронами; попадались слишком туго передвигающиеся прицельные хомутики, что затрудняло установку прицела, а также, что в особенности важно, — туго открывающиеся затворы, что затрудняло стрелков, требуя большого от них усилия с уменьшением скорострельности оружия. Чаще всего случалось плохое закрепление крышек магазина — недостаток наиболее существенный, так как при потере крышки, к которой был прикреплен подающий механизм (подаватель с подающей пружиной), винтовка превращалась в однозарядную, заряжаемую, притом, с большими неудобствами.

Необходимо, однако, отметить, что до 70% винтовок были малодержанные, почти новые, вполне исправные; что касается остального оружия, то оно было довольно изношенное и около 10%, — судя по результатам контрольного осмотра, — нуждалось в некоторых исправлениях, правда, — мелких, очень незначительных. Моя цель заключалась в том, чтобы попутно с осмотром, выяснить все способы исправления японских винтовок; в случае, если встречалась винтовка с недостатками, она сейчас же показывалась присутствующему при осмотре японскому офицеру и он здесь же при мне производил ее исправление или сам — заменой неисправной части запасной, или путем опиловки и подгонки, для чего в его распоряжении было несколько слесарей.

В отношении об'яснения и показа способов исправления японские офицеры шли мне широко навстречу; здесь они не делали никаких секретов, сознавая, что факт наличия винтовок с различными недостатками, происходил, конечно, по их вине; что же касается всего прочего, то всякие мои, даже самые невинные расспросы, касающиеся организации их армий — например, вопрос о том, как организована у них починка оружия, имеется ли у них в каждом полку оружейная мастерская, какой ее штат, имеются ли штаб-офицеры, осматривающие оружие — постоянно вызывали перепуганные взгляды и ответы, что это все секреты, что об этом они не имеют права говорить.

В Японии все было секрет, о чем только там не задашь вопроса...

В последних числах декабря 1914 г. я вернулся в Петроград для доклада нач. ГАУ о результатах командировки в Японию.

Результат, конечно, не мог считаться вполне удовлетворительным ввиду крайне недостаточного количества отпущенных японцами патронов, но, тем не менее, приобретение японских винтовок было единственным положительным фактором из всех мероприятий, которые до этого времени принимались ГАУ в различных нейтральных и союзных странах для пополнения некомплекта винтовок в рядах армии.

Японские винтовки — по мере прибытия в Россию — назначались на вооружение ополчений, составлявших гарнизоны крепостей, а также, несших охрану тыловых учреждений и сооружений и частью вооруженных 3-линейными винтовками обр. 1891 г.; затем японские винтовки были переданы этапным батальонам, транспортам, обозам и другим второстепенным частям и тыловым формированиям, у которых не могло быть значительного расхода патронов. Мексиканские винтовки калибром 7 мм были переданы на вооружение Заамурского округа пограничной стражи. Состоявшие у всех этих частей 3-линейные винтовки поступили на пополнение убыли перволинейных частей войск и, таким образом, передача японских винтовок, которые распоряжением военного министра было сгоряча запрещено покупать, все же принесла пользу русской армии. Оставшемуся в Японии ген. Гермониусу было послано приказание добиваться дальнейших уступок японских винтовок, что и было им выполнено; кроме того, был предпринят ряд мер для заказа японских патронов в союзных странах.

Передача японских винтовок, однако, не изменила общего положения русской армии в отношении колоссального некомплекта винтовок, она оказала лишь временную пользу — потеря винтовок в это время доходила до 200.000 штук в месяц, а потому японские винтовки в количестве 300.000 могли дать лишь незначительную в этом отношении передышку.

Энергичные поиски винтовок ввиду этого продолжались; их искали всюду, во всех частях света, за исключением, пожалуй, лишь одной Австралии. Соответствующие попытки делали и в Северной, и в Южной Америке, и в Африке — в Абиссинии, и в Азии, помимо Японии, в Манчжурии и Монголии, не говоря уже о наших постоянных обращениях к европейским союзникам.

Необходимо отметить, что в предложениях закупить некоторые количества иностранных готовых винтовок — в это время — недостатка не было. Масса темных дельцов и всякого рода аферистов на перебой предлагала оружие, обращаясь как к нашим военным агентам заграницей и к посольствам, так и непосредственно к ГАУ.

Однако, в подавляющем большинстве случаев здесь было только одно желание сорвать значительный аванс, необходимый, якобы, на подкуп лиц, от которых зависело распоряжение на передачу оружия. Винтовки в больших партиях, конечно, нигде не могли принадлежать частным лицам, для передачи их необходима была санкция правительства, нейтральные же государства не имели права помогать своим оружием воюющим государствам.

Больше всего было предложений на покупку старых винтовок — в количестве 400.000 системы Краг-Юргенсона образца 1889 г., бывших на вооружении армии США и замененных винтовкой Спрингфильда, образца 1903 г. Калибр системы Краг-Юргенсона был такой же, как и нашей винтовки, а патронник мог быть несколько расшарошен под наш патрон. Несмотря на категорическое заявление правительства США, что эти винтовки находятся в военных складах и что ни одна винтовка не будет передана частному лицу, шум около этого дела не унимался, но ничего из этого дела не вышло.

В таком же роде были предложения и на поставку винтовок Маузера различными экзотическими южно-американскими республиками; все продавцы требовали уплаты некоторой суммы вперед, гарантий же серьезности предложений не было, причем обыкновенно ими не указывалось и местонахождение винтовок. В этом отношении выделялось предложение Парижского отделения «Петроградского международного коммерческого банка» о покупке в Бразилии двух партий винтовок Маузера в количестве 900.000 штук с 1000 патронов на каждую винтовку по цене 79 долларов. Винтовки по заявлению продавцов находились в Рио-Жанейро и были готовы к погрузке. Ввиду солидности предлагавших лиц ГАУ отправило в этот город приемщиков и зафрахтовало два парохода Добровольного флота, но никаких винтовок на месте не оказалось.

Делались, кроме того, попытки приобрести обратно наши старые 3-линейные винтовки, переданные русским правительством Абиссинии перед ее столкновением с Италией, а также уступленные Монголии и даже находившиеся у населения Манчжурии, взятые от наших убитых и раненых и вообще утраченные во время русско-японской войны. Но командированные лица по осмотре винтовок нашли их в таком запущенном виде, что скупать их у населения не имело никакого смысла.

Что касается до заказов новых винтовок, то к этому времени удалось разместить их несколько: два заказа в общем количестве в 300.000 винтовок заводу Винчестера в Америке, причем заказана была не наша 3-линейная винтовка, а система Винчестера под наш патрон. Несмотря на то, что эта система значительно уступала нашей, пришлось заключить

контракт на новую систему в виду того, что завод брался в этом случае закончить изготовление на несколько месяцев раньше. Кроме того, в начале 1915 г. ГАУ были заключены контракты с американскими заводами: Ремингтона на поставку 1.500.000 3-линейных винтовок и Вестингауза на 1.800.000 штук с началом сдачи небольших партий с ноября 1915 г. и с окончанием всего заказа к 1 апреля 1917 г. Американским же заводам были заказаны и патроны (заводу Винчестера — 300.000.000, Ремингтона — 2.750.000.000, Соединенной кампании — 200.000.000) — с началом поставки к концу 1915 г. В январе и феврале месяцах того же 1915 г. удалось разместить и небольшие заказы на пулеметы: 1000 штук системы Кольта и 1000 — Льюиса, причем в течение 1915 г. из Америки поступило всего 557 пулеметов [1].

Отсюда видно, что к летней кампании 1915 г. царская армия не смогла еще получить никакой помощи в отношении оружия и что на улучшение положения можно было рассчитывать лишь к лету 1916 г....

По возвращении из командировки я нашел положение с винтовками более катастрофичным, чем это можно было ожидать, находясь в Японии. Вообще, уехав из России в первых числах августа во время некоторого под'ема, вызванного надеждами на благоприятный исход войны, ввиду присоединения к франко-русскому союзу целого ряда стран, на возможность выступления которых были сначала некоторые сомнения — Англии, Японии и Бельгии, а также ввиду отказа Италии от выступления на стороне Германии и Австро-Венгрии, — я застал теперь — через шесть месяцев пребывания на чужбине — совсем другую картину. Вести с войны были очень тяжелые — неудачи в военных действиях на германском фронте, громадные потери, недостаток оружия — винтовок, патронов, пулеметов и артпарядов и что самое главное, в это время стала постепенно все более и более крепнуть мысль об отсутствии надежды на возможность добиться победного конца начавшейся войны.

---

[1] Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 91.

ГЛАВА 3

Осмотр и исправление оружия в военное время А. — Положение армии в отношении снабжения оружием и его исправления в начале войны (январь 1915 г.) Б — Выработка положений по организации передовых починочных мастерских, по сбору оружия с полей сражений и о штаб-офицерах по осмотру оружия. В. — Работы по организации передовых починочных мастерских в условиях военного времени. Г. — Осмотр оружия в войсках в условиях военного времени; состояние винтовок в военное время.

Настоящая глава содержит в себе изложение сведений, в каком неудовлетворительном состоянии находился в русской армии вопрос об исправлении оружия в военное время и в каком тяжелом положении оказалась армия вследствие отсутствия надлежаще разработанных и продуманных в этом отношении положений.

Полагаю, что излагаемые сведения могут представить некоторый интерес не только с исторической, но и с практической точки зрения как материал для разработки надлежащих правил и инструкций в наше время.

Глава подразделена мной на следующие отделы:

А. Положение армии в отношении снабжения оружием и его исправления в начале войны (январь 1915 г.).

Б. Выработка положений по организации передовых починочных мастерских, по сбору оружия с полей сражений и о штаб-офицерах по осмотру оружия.

В. Работы по организации передовых починочных мастерских в условиях военного времени.

Г. Осмотр оружия в войсках в условиях военного времени; состояние винтовок в военное время.

А. ПОЛОЖЕНИЕ АРМИИ В ОТНОШЕНИИ СНАБЖЕНИЯ ОРУЖИЕМ И ЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ (январь 1915 г.)

Через несколько дней после моего возвращения из командировки в Японию для переговоров с военным министерством в Токио о снабжении действующей армии японскими винтовками системы Арисака, нач. Главного артиллерийского управления приказал мне отправиться на фронт в распоряжение начальника Артиллерийских снабжений армий Северо-Западного фронта для организации починочных оружейных и пулеметных мастерских, сбора оружия с полей сражений, а также для осмотра оружия в войсковых частях.

Полученное мной при этой командировке отношение к начальнику Штаба главнокомандующего армиями Сев.-Зап. фронта представляется настолько важным, как рисующее положение русской армии в отноше-

нии оружия, что я считаю необходимым привести его полностью (отношение от 2 января 1915 г. № 5).

«Непрекращающиеся бои на обоих фронтах армий», — указывается в этом отношении, — «вызывают большие потери, а следовательно и требования в непрерывном притоке значительных пополнений.

«Запас ратников и новобранцев в России еще столь велик, что с этой стороны пока никаких препятствий не предвидится, но для того, чтобы всю массу пополнений можно было выслать в армию, требуется подготовить в достаточной степени всех призванных, одеть их и вооружить.

«Программа подготовки сокращена до крайнего предела, проходится лишь самое необходимое для подготовки бойца, и, если бы считаться лишь с одной подготовкой, то можно было бы высылать это время значительно более 300 тысяч человек в месяц, но количество обмундирования, снаряжения и теплых вещей ограничивает возможность высылки сразу слишком большого количества пополнений, и, в среднем, позволяет высылать только немного более указанной выше цифры.

«Согласно положения о запасных батальонах все эти пополнения следовало бы высылать вполне вооруженными, однако отсутствие запасов 3-линейных винтовок и весьма слабая производительность наших оружейных заводов не допускают высылки такого большого количества оружия.

«Первоначально, пока еще были некоторые запасы винтовок, маршевые роты высылались вооруженными на половину состава, затем последние два месяца высылаются вооруженными на одну треть, часть даже совсем невооруженными.

«Таким образом, исходя из цифры 300 тысяч ежемесячно высылаемых пополнений, пришлось бы высылать с ними только 100 тысяч 3-линейных винтовок, что представляется в настоящее время уже совершенно невозможным, так как приход винтовок весьма не велик.

«Единственным регулярным источником, дающим определенное количество новых винтовок, являются наши оружейные заводы, вырабатывающие теперь 42 тысячи винтовок в месяц. Военное министерство возлагало большие надежды на непрерывный массовый приток с театра войны неисправных и ломаных винтовок, для исправления которых приспособлены: Московский артиллерийский склад с производительностью до 2 тысяч винтовок в сутки, Петроградский — подобной же силы и сверх того Тульский, Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы, но, как показали первые пять месяцев войны, приток неисправных винтовок носит случайный характер и выражается весьма незначительными цифрами.

«До 1 января 1915 года, Главное управление Генерального штаба путем замены берданками и иностранными винтовками 3-линейных винтовок у различных тыловых частей и команд, искусственно повышало общую ежемесячную прибыль винтовок, доведя ее до 100 тысяч; в настоящее время все посторонние источники уже исчерпаны и остается лишь одна производительность заводов, между тем все имевшиеся запасы почти израсходованы, в запасных батальонах остается очень мало винтовок и если до 1 января 1915 года в запасных батальонах приходилась одна винтовка на 4 человека, то в январе, после призыва ратников и новобранцев 1915 года, одна винтовка будет приходиться на 10 человек.

«Признавая такое положение крайне тревожным, Главное управление Генерального штаба по соглашению со Штабом верховного главнокомандующего решило принять некоторые меры с целью облегчить и помочь армиям в деле более быстрого и полного использования винтовок, оставляемых войсками на полях сражений и для сего выработало нижеследующий порядок.

«На должности штаб-офицеров при Управлениях начальников артиллерийских снабжений армий фронтов, учрежденных приказом Главковерха за № 169, назначаются особые штаб-офицеры, специально знакомые с ручным оружием: на Северо-Западный фронт член Артиллерийского комитета полковник Федоров и на Юго-Западный фронт начальник Оружейного отделения Главного артиллерийского управления полковник Кирсанов, на которых возлагается специальная обязанность по общему руководству и об'единению мер, принимаемых в армиях соответствующих фронтов по сбору оружия с полей сражения, сортировке такового, исправлению в мастерских при армиях, а также и других мастерских, имеющихся в распоряжении фронтов, по отправке неисправного оружия в оружейные мастерские Петроградскую, Московскую (при окружных складах) и Тульскую (при оружейном заводе) и, наконец, по наблюдению за оружием, находящимся на руках стрелков.

«Возлагая эту задачу на указанных штаб-офицеров, Главное управление Ген. штаба полагает, что об'единяющая их деятельность должна оказать существенную помощь самим армиям в деле сбора и исправления оружия. К отправке же в мастерские внутренних округов будут назначаться по усмотрению тех же штаб-офицеров, лишь те винтовки, которые не могут быть исправлены в мастерских, расположенных в районе фронтов либо по сложности работы, либо по недостаточной мощности мастерских.

«В силу сказанного, на названных штаб-офицеров возлагается руководство деятельностью штаб-офицеров в армиях, назначенных согласно упомянутому выше приказу за № 169, а также и деятельностью всех мастерских, расположенных в районе фронтов, поскольку таковая касается ручного оружия.

«Считаясь с необходимостью быть постоянно осведомленным о количестве винтовок собираемых, используемых армиями и отправляемых для исправления в мастерские внутренних округов страны Главное управление Ген. штаба признало крайне важным обязать командируемых полковников Федорова и Кирсанова еженедельно по телеграфу сообщать непосредственно Главному управлению Ген. штаба о ходе работ, о чем эти штаб-офицеры, подробно ознакомленные с положением дела, поставлены в известность.

«Вместе с тем, считаю своим долгом просить не отказать в оказании указанным штаб-офицерам, отлично ознакомленным с той сложной задачей, которая на них возложена, полного содействия, так как вопрос о винтовках с каждым днем становится более острым, каждая же исправленная или собранная из лома винтовка даст возможность подготовить большое количество пополнений и с теми же пополнениями вернется в армию».

Отношение это до некоторой степени рисует т о к а т а с т р о ф и ч е с к о е п о л о ж е н и е, в к о т о р о м у ж е в т о в р е м я, т. е. в с е г о ч е р е з п я т ь м е с я ц е в в о й н ы н а х о д и л а с ь р у с с к а я а р м и я в о т н о ш е н и и с н а б ж е н и я о р у ж и е м.

Громадный некомплект винтовок, который так остро ощущался в это время, об'ясняется исключительно тем, что потеря винтовок в мировую войну,— во время непрерывных боев и в Галиции, и в Восточной Пруссии, — превзошла всякие ожидания и никоим образом не могла быть пополненной теми запасами — десяти- и пятипроцентными, а также для второго комплекта запасных батальонов, т. е. всего около 600.000 винтовок, которые были установлены для этой цели, а также тем выходом винтовок, который должны были давать наши оружейные заводы, т. е. 50.000 в месяц при максимальной их производительности.

Опыт войны показал, что для пополнения утери необходимо до 200.000 винтовок в месяц; эта цифра и была установлена впоследствии ставкой верховного главнокомандующего — так как 100.000 винтовок в месяц, — как это указывалось в приведенном отношении начальника Ген. штаба, — оказалось совершенно недостаточно; таким образом винтовок, хранившихся в положенных запасах, могло хватить всего на три месяца войны, а приняв во внимание предполагавшийся выход с заводов по 50.000 в месяц, — на четыре месяца, т. е. к 1 декабря должно было бы наступить катастрофическое положение в отношении снабжения оружием.

На самом же деле оружейные заводы, не получая в последние годы перед войной почти никаких нарядов на винтовки, не смогли сразу развить изготовление их в требуемом количестве.

Доказательством этому служат следующие сведения по Тульскому заводу: в 1914 году в январе было изготовлено 5 винтовок, в феврале — 5, в марте — 6, в апреле — 5, в мае — 1, в июне — 1, в июле — учебная винтовка.

В 1913 году Тульский завод по данным ему нарядам изготовил 2838 винтовок
„ „ „ Сестрорецкий . . . . . 3597 „
„ „ „ Ижевский готовил карабины в количестве . . . . 58600 „

Сколько изготовили винтовок наши заводы с начала войны до 1 января 1915 года, видно из следующей таблицы[1]:

Год, месяц		Тульский		Ижевский		Сестрорецкий		Итого		Всего
		Нов.	Испр.	Нов.	Испр.	Нов.	Испр.	Нов.	Испр.	
1914 г.	август	3.850	—	6.446	5.695	—	—	10.296	5.695	15.991
	сентябрь	6.653	9.900	16.036	15.436	—	—	22.689	25.336	48.025
	октябрь	10.255	10.100	21.031	26.536	1.130	—	32.416	36 636	69.052
	ноябрь	13.120	13.120	20.078	28.189	1.990	—	35.188	41.309	76.497
	декабрь	12.000	12.870	18.530	22.041	2.780	—	33.310	34.911	68.221
Итого . .		45.878	45.990	82.121	97.897	5.900	—	133.899	143.887	277.786

Таким образом, оружейные заводы даже в декабре 1914 г. дали все вместе только 33.000 новых винтовок вместо ожидавшихся 50.000 экз.; если же считать кроме новых и исправляемые, то поставленное требование было выполнено уже в сентябре 1914 г.

Причиной невозможности для заводов развить сразу требуемую производительность и с первого месяца войны установить надлежащий вы-

[1] А. Маниковский, «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 34.

ход винтовок, подняв его от 0 до 50.000 экз., служило главным образом то обстоятельство, что заводы не могли набрать крайне значительное количество новых рабочих и что самое главное—обучить их; недостаток опытных рабочих заставлял первое время пускать в работу небольшие партии винтовок без риска получить громадный процент брака при неумелых и неопытных мастеровых.

Особенно большие задержки вызывало отсутствие на заводах требующихся для развития полной производительности заводов надлежащих запасов металла, необходимого числа инструментов, приспособлений, лекал и запасов ложевых болванок.

Произведенная в начале войны мобилизация поставила заводы в крайне тяжелое положение — с заводов было взято значительное количество приученных к делу и опытных рабочих. Эта ошибка была исправлена лишь впоследствии, однако вернуть с фронта всех мобилизованных так и не удалось несмотря на все старания артиллерийского ведомства.

Приходится безусловно признать тот факт, что в России не была продумана и заранее подготовлена мобилизация промышленности, которая дала такие колоссальные преимущества Германии по сравнению с нами и нашими союзниками.

К началу 1915 года запасы оружия были уже израсходованы, а оружейные заводы еще не смогли развить свою деятельность, новые заказы, конечно, также не могли еще дать каких-либо результатов. Тяжелые вести с войны в отношении недостатка оружия, всевозможные невероятные слухи о хищениях оружия в артиллерийских складах, о том, что артил. ведомство высказало преступную халатность и не заготовило надлежащего количества оружия—ходили в обществе и в армии...

К моменту моего приезда на фронт — в январе 1915 года — на Сев.-Зап. фронте состояло 57 дивизий, причем некомплект оружия доходил до 320.000 винтовок, т. е. 21 дивизия числилась только на бумаге.

Приближалась летняя кампания 1915 года; с крайней тревогой ожидалось возобновление активных действий — в винтовках был громадный некомплект, пулеметов было слишком незначительное количество, артиллерийских снарядов недоставало; тяжелой артиллерии почти совсем не было. Никакой действительной помощи со стороны союзников не оказывалось. Приближался самый тяжелый год за все время войны...

Б. ВЫРАБОТКА ПОЛОЖЕНИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕДОВЫХ ПОЧИНОЧНЫХ МАСТЕРСКИХ, ПО СБОРУ ОРУЖИЯ С ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ И О ШТАБ-ОФИЦЕРАХ ПО ОСМОТРУ ОРУЖИЯ

(Приказ № 691—по армии Сев.-Зап. фронта)

Ко времени моего приезда в армию период интенсивных напряженных боев окончился; на фронте было временное затишье, прерываемое частичными короткими ударами немцев по линии нашего расположения, впереди Варшавы, на левом берегу Вислы, а также неудачными попытками X армии, расположенной по линии Мазурских озер, продвинуться вперед против германских армий.

Первые мои поездки во II, I, а также во вновь формировавшуюся XII армии в январе и в начале февраля, имели главной целью ознакомление со всеми имеющимися распоряжениями по сбору и исправлению ору-

жия, со всем тем, что уже было сделано войсками в этом отношении и с их нуждами, с целью установления наилучшего распорядка. Должен при этом отметить, что начальник арт. снабжений Сев.-Зап. фронта, ознакомившись с изложенным выше отношением начальника Ген. штаба, не признал возможным, чтобы я сносился непосредственно со штабом, о чем и доложил ген. Рузскому. Наше командирование на фронт с особыми полномочиями было признано начальником арт. снабжений умалением его прав.

Результатом всех этих поездок было выработанное мною положение о починочных мастерских и о сборе оружия с полей сражения.

Думаю, что вопросы эти могут представить некоторый интерес (при проработке данной темы в настоящее время), а потому и считаю необходимым привести хотя краткое изложение моих докладов, главным образом, — доклада от 25 января 1915 г. за № 1 и выдержки из приказа Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Г. А. Рузского от 23 февраля того же года за № 691, в котором были об'явлены эти положения.

В докладе от 25 января я, между прочим, указывал, что кроме малого количества запасов винтовок, определенного положением Мобилизационного комитета, одною из других причин ощущаемого в настоящее время недостатка винтовок служит и то обстоятельство, что перед войной не был достаточно полно и подробно разработан вопрос о сборе и исправлении оружия в армиях.

Об'явленное в начале войны «Положение о полевом управлении войск в военное время» грешило тем существенным недостатком, что в нем не было уделено надлежащего места заботе об оружии; несмотря на то, что штаты штабов фронта и отдельных армий отличались своим многолюдством, для означенных штабов не было назначено ни одного штатного места для лиц, имеющих специальную подготовку по оружейному и пулеметному делу.

В положении о полевом управлении войск имелись лишь следующие указания об оружии: прежде всего, было указано, что сбором оружия должен руководить инспектор артиллерии в корпусе, т. е. лицо, очень далеко стоящее от ручного оружия и не имеющее в своих руках никаких средств для того, чтобы установить в пехотных частях надлежащий его сбор.

Кроме того, имелось «Положение о сборе оружия с полей сражения» (приложение № 10 к полевому управлению войск), которым войска однако не руководствовались, так как оно не разрешало всех тех вопросов, которые выдвинули обстановка и практика военных действий.

Лишь в декабре 1914 года было признано необходимым в штат каждой армии включить штаб-офицера, осматривающего оружие, для заведывания сбором и исправлением винтовок, с организацией в каждой армии оружейной мастерской, а в штат главнокомандующего армиями фронта — по одному штаб-офицеру для поручений — для об'единения всех мер, принимаемых в армиях по сбору и исправлению оружия.

По этому поводу состоялся приказ по войскам за № 169—1914 г.

Таким образом, к моменту моего приезда в Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта для руководства войск имелись:

1) положение о сборе (приложение № 10), которым войска, однако, не могли руководствоваться, так как оно не разрешало всех их запросов и требований;

2) приказ № 169—1914 г., который не был еще приведен в исполнение, так как не были назначены штаб-офицеры, осматривающие оружие в армиях и не было выслано оборудование для армейских мастерских; было еще и большое, притом, сомнение, будет ли оно когда-либо выслано.

Все исправление оружия производилось в тыловых мастерских, в Варшаве, Двинске и Вильно, широко развивших свою деятельность и обслуживающих все армии фронта. Варшавская мастерская была организована с наибольшею производительностью до 3.000 винтовок в рабочий день, Двинская — с наибольшею производительностью до 2.000— полковником Гассельблатом и Виленская — капитаном Филипповым — до 300 винтовок; последняя производила, главным образом, исправление материальной части артиллерии и имела небольшое отделение для ружейного и пулеметного дела.

Кроме тыловых мастерских существовали еще этапные мастерские в районе армий. Означенные мастерские распоряжением штаба фронта признано было необходимым закрыть; к моменту моего приезда часть их была уже закрыта, часть же влачила свое существование без всякой поддержки и указаний от артиллерийской части. Открывались они явочным порядком, по инициативе самих войск при этапах, куда свозились собранные винтовки, где и производилась их чистка и замена неисправных частей новыми взятыми из запаса; запасные части давали от себя сами войска или они брались от разбираемых негодных экземпляров оружия. Необходимость таких мастерских показывала, таким образом, сама жизнь; они приносили большую пользу войскам и приказание об их закрытии я считал совершенно нецелесообразным.

Наконец, как указано выше, имелись еще армейские мастерские (на бумаге, но не на деле), предусмотренные приказом № 169.

Все винтовки, собираемые войсками с полей сражений на Северо-западном фронте, приказано было отправлять в тыл, в тыловые мастерские в Варшаве, Двинске и Вильно; войска не имели права оставлять у себя ни одной винтовки.

При таких обстоятельствах дело снабжения войск исправляемыми винтовками всецело находилось в руках Штаба главнокомандующего армиями фронта, так как тыловые мастерские были подчинены этому штабу, этапные же мастерские, находившиеся в распоряжении армий, как указано выше, постепенно закрывались. Всем этим предполагалось достигнуть полного «обезличения винтовки», т. е. чтобы была винтовка, принадлежавшая фронту, а не армии и не отдельному полку, который не имел бы права распоряжаться собранными винтовками и накапливать их у себя в ущерб другим частям, более нуждающимся в оружии.

При таком принципе «обезличения винтовки» была совершенно невыяснена и не понятна роль армейских мастерских, предусмотренных приказом № 169, так как такими мастерскими должны были распоряжаться сами армии и следовательно дело снабжения оружием выходило из рук штаба фронта, переходя в штабы отдельных армий. Строго говоря, при том порядке, который существовал в армиях Сев.-Зап. фронта, когда там приказывалось закрывать все мастерские в районе армий, приказ № 169, конечно, не мог быть выполненным.

Отсюда видно, что в отношении исправления оружия в армиях была невероятная путаница.

Ввиду всего изложенного, по прибытии на фронт для меня представлялось необходимым выполнить две задачи:

1) составить новое наставление для сбора оружия с полей сражений и

2) составить положение для мастерских, которое бы определило роль и взаимоотношения между различными мастерскими, о которых указано выше.

Особая трудность заключалась в том, что по моему мнению нельзя было ломать все то, что уже было сделано и налажено войсковыми частями, так как в военное время, всякая коренная ломка вредно отразилась бы на общем деле.

Положение о сборе

Надо было составить положение о сборе, предварительно ознакомившись с различными, уже проведенными в жизнь организациями для сбора, основанными на данных опыта и систематизировав все то, что с успехом применялось войсковыми частями при самой разнообразной обстановке военных действий.

Организации эти однако оказались настолько разнообразными, что мне нередко приходила даже в голову мысль отказаться от составления наставления, предоставив все попрежнему усмотрению самих войсковых частей.

Несмотря на все это, я признал, однако, более правильным провести ряд мер, чтобы урегулировать и улучшить дело сбора и исправления оружия, так как меры эти могли до некоторой степени увеличить число собираемого оружия и сократить срок его исправления и возвращения обратно в войска.

Переходя к изложению этих мер, прежде всего считаю необходимым отметить, что при рассмотрении вопроса о сборе оружия следует иметь ввиду характер боя; нужно различать: а) наступление, б) отступление и в) бои позиционного характера.

Само собой разумеется, что только при одном наступательном бое можно было рассчитывать на то, что почти все винтовки, за самыми редкими исключениями, будут подобраны; при отступлении винтовки могли получиться только от легко раненых. В последнем случае сбор имел чисто случайный характер, а потому все излагаемые ниже меры и касаются главным образом наступательных боев, а также позиционной войны, где при некоторых условиях также можно было рассчитывать на сбор весьма значительного процента оружия.

Наступательный бой. При об'езде выяснилось, что войсковые части при известных условиях могут собрать без всяких затруднений все оружие от убитых и раненых, но что у них нет никаких средств для его вывоза — из-за чего теряется масса оружия; в некоторых полках мне указывали, что винтовки обыкновенно привязываются сбоку повозок обоза, но само собой разумеется, что таким образом можно было подобрать очень незначительное количество. Если и имеются свободные повозки, то они все идут для вывоза раненых. Ввиду этих обстоятельств, общая просьба войсковых частей — помочь им в перевозочных средствах, в предоставлении им пароконных повозок, с категорическим обещанием не пользоваться ими ни для каких иных целей, кроме оружия, т. е. 1) для вывоза его из района действия части к штабу корпуса или к головному

этапу в зависимости от их расположения и 2) для перевозки того количества винтовок, которое разрешается иметь при полку, как заручное для немедленного вооружения безоружных.

Кроме того, в своем докладе я доносил, что базироваться на сборе оружия только одними войсковыми частями безусловно нельзя.

По образному выражению одного из начальников дивизий от полков осталась теперь одна ф и р м а; в офицерах громадный недостаток — были полки, где состояло налицо всего четыре офицера, где прапорщики командовали батальонами. В докладе я указывал, что значительная часть стрелков мало обучена и есть стрелки недостаточно дисциплинированные, вследствие крайне коротких сроков обучения. Рассчитывать при таких обстоятельствах на то, чтобы каждый стрелок был бы проникнут сознанием о важности сохранения своей винтовки, чтобы он сознавал, что после знамени для него должна быть выше всего, дороже всего, состоящая у него винтовка, конечно нельзя.

При посещении мной 1 армейского корпуса, начальник штаба ген. Новицкий, приведя цифры потерь корпуса (около 29.000 без вести пропавших, т. е. вернее пленных, около 4.000 убитых и 20.000 раненых за пять месяцев войны), высказал мысль, что при таких потерях очевидно немыслимо винить войска в малом сборе оружия; если число пленных оказалось около 29.000 человек, то винтовок, само собой разумеется, должно было быть растеряно еще большее количество.

Ввиду этих обстоятельств, по моему мнению, являлось настоятельной необходимостью привлечь к сбору оружия не одни только строевые части, но и различные тыловые организации, чтобы одни и те же полосы в районе боев проходил бы ряд учреждений, поставив целью, ч т о б ы х о т я б ы п р и н а с т у п л е н и и н е м о г л а п р о п а с т ь н и о д н а в и н т о в к а.

Кроме строевых частей ввиду этого сбор оружия должен быть организован штабом корпуса и местным населением.

С б о р, о р г а н и з у е м ы й ш т а б о м к о р п у с а. Такой сбор предусмотрен положением о полевом управлении войск в военное время (приложение № 10); он производится под руководством инспектора артиллерии корпуса, причем штабом корпуса назначается для заведывания сбором особый офицер и команда стрелков.

Об'езд частей выяснил, что в этом отношении желательно было бы ввести некоторые поправки, а именно: чтобы этим сбором оружия постоянно руководил бы один и тот же офицер, приобретший в этом деле известную опытность. Кроме того, так как к сбору должны привлекаться за некоторую плату окрестные жители (как рабочие) и от них же должны браться подводы для перевозки оружия, то необходимы лица, привыкшие иметь дело с населением по своей прежней службе. В этом отношении особенно целесообразен порядок, принятый в 1 армейском корпусе, где для сбора оружия был назначен особый полицейский офицер (подчиненный корпусному коменданту) с известным числом стражников пеших и конных, которые и являются наблюдающими за рабочими из местных жителей. Помимо приведенных выше двух выгод (один и тот же офицер, ведающий постоянно сбором и имеющий опытность в деле сношения с местными жителями, офицер, знающий притом местный язык, так как он назначался из числа полицейских чинов польских губерний) указанный порядок имел преимущество еще и в том, что от строевых частей не отвлекались ни лишний офицер для сбора, ни ко-

манда из стрелков. Я указывал на необходимость, кроме того, установить немедленную расплату с жителями за каждый рабочий день (например в размере одного рубля для взрослого и 50—75 коп. для малолетнего); лишь при условии такой немедленной расплаты можно было бы собрать необходимое число рабочих; при настоящих же условиях, когда эта расплата или совсем не делается или производится квитанциями, трудно будет в нужную минуту собрать необходимое число сборщиков. Для этой цели в распоряжение корпусных комендантов должен быть отпущен некоторый аванс.

Сбор местными жителями. Этот сбор можно было бы оставить попрежнему, категорически лишь оговорив:

а) что уплата денег производится за вполне исправную винтовку (как русскую, так и иностранную) со штыком и

б) что сбор оружия жителями разрешается лишь тогда, когда сбор этот будет окончен всеми войсковыми организациями и об этом будет сделано соответствующее об'явление корпусным комендантом. Относительно самостоятельного сбора оружия местными жителями я указывал в своем докладе, что он до настоящего времени почти не дал никаких результатов; жителями приносились лишь единичные экземпляры. С другой стороны сбор этот в некоторых случаях вел к злоупотреблениям; отменить совсем этот сбор однако не представлялось желательным, так как это произвело бы невыгодное впечатление на население, как отмена обещанной уплаты, но сузить случаи вознаграждения было безусловно необходимо, как это указано выше.

Позиционная война. При позиционной войне, в случае, если винтовки остались в районе расположения войск, сбор их не может представить каких-либо затруднений; с наступлением темноты винтовки собираются, сносятся в штаб полка и затем отправляются в штаб корпуса или на головной этап в зависимости от их местоположения. Совершенно другую картину представляет собой сбор оружия от убитых и раненых после контратак, в особенности, если они были неудачны. В таких случаях, когда сбор сопряжен с известным риском, некоторые командиры полков установили выдачу стрелкам денежного вознаграждения за каждую принесенную винтовку; эту меру некоторые полки практиковали с большим успехом. В ночное время стрелки, заявив офицеру о своем желании искать винтовки, отправлялись за окопы для сбора оружия. Во избежание злоупотреблений в тех же полках были приняты строгие меры за каждую утерянную винтовку. По отчетным данным о собранных винтовках в этих полках — мера эта оказалась очень полезной. Я указывал, что ту же меру желательно распространить и на те случаи, когда легко раненые, кроме своей винтовки, доставят на перевязочный пункт лишние винтовки, винтовки своих товарищей. Необходимый денежный аванс должен быть отпущен в распоряжение командиров полков.

Кроме всего изложенного, выяснилась необходимость:

а) подтвердить то, чтобы каждый легко раненый приходил на перевязочный пункт обязательно со своей винтовкой,

б) об'явить командирам полков о необходимости установить строгие взыскания за каждую утерянную винтовку,

в) усилить обыски в местечках и деревнях в районе бывших боев и в тылу расположения войск с поручением этого местной полиции и

г) обратить внимание полевого контроля армии на необходимость самой тщательной проверки счетоводства учреждений, ведающих приемом и перевозкой оружия.

Положение о мастерских

Переходя к вопросу о мастерских, в своем докладе я отмечал, что вопрос усложняется главным образом тем обстоятельством, что при организации армейских передовых мастерских должна сейчас же уменьшиться производительность тыловых мастерских, широко развивших свою деятельность. Тыловые мастерские могли выпускать до 3000 винтовок в день лишь при том условии, чтобы в районе самих армий совершенно не было бы починочных мастерских. Надо было выяснить вопрос, какие мастерские, тыловые или армейские (приказ № 169), являются более полезными и установить базис для решения, подробно определив взаимоотношения между ними.

В этом последнем вопросе, несмотря на широкое оборудование тыловых мастерских и ту громадную пользу, которую они принесли фронту, несмотря на мое нежелание производить какую бы то ни было ломку, мне все же пришлось стать на ту точку зрения, что организация передовых мастерских является безусловно более полезною, чем тыловых; таким образом, передовые мастерские должны были быть организованы несмотря на то, что неминуемым следствием этого будет постепенное замирание мастерских в тылу. Надо было только, хотя бы частично воспользоваться тем оборудованием и кадрами, которые имелись в тыловых мастерских, — для выноса их вперед, для непосредственной помощи войскам в районе самих армий.

В начале войны при отсутствии штаб-офицеров, осматривающих оружие в каждой армии, при невозможности получить запасные части было вполне естественным базирование на 2—3 тыловые мастерские, тем более, что оно значительно облегчало учет оружия; ввиду этого в армиях приказано было не оставлять ни одной собранной винтовки—все должно было свозиться в тыловые мастерские (Варшава, Двинск, Вильно), находившиеся всецело в распоряжении штаба фронта.

Порядок этот, существовавший до моего приезда, имел, однако, тот существенный недостаток, что он в корне противоречил стремлению войск распоряжаться тем, что составляло его собственность, т. е. винтовками, собранными от своих же убитых и раненых. Это обстоятельство имело неминуемым следствием то, что части стали скрывать находившиеся у них заручные винтовки.

Надо было еще иметь в виду и то, что порядок этот был крайне невыгодным для тех полков, которые проявляли наибольшую заботу об оружии. Некоторые полки прилагали все меры для лучшего сбора оружия, вплоть до выдачи наград из своих хозяйственных сумм за каждую принесенную винтовку; все это от них отнималось, все свозилось в тыл и распределялось между всеми; выигрывали конечно все те, которые меньше заботились об оружии и не прилагали надлежащих стараний для сбора. Это обстоятельство невыгодным образом отражалось на интенсивности сбора оружия.

При моих об'ездах по войскам фронта выяснилось, что несмотря на приказания свозить все в тыл, у войск иногда сохраняются запасы оружия для прибывающих безоружных; мне указывали, что из тыла фронта нет никакой возможности получить требуемое количество винтовок, которые расходуются там исключительно для подходящих из внутренних районов страны укомплектований (а не для безоружных, уже состоящих в армии).

Мне приходилось слышать постоянные сожаления по поводу приказания закрыть мастерские в районе армий и все винтовки свозить в тыл — в Варшаву и Двинск. Один из инспекторов артиллерии говорил мне, что мастерская, на которую было положено столько труда, согласно приказа прекратила свою деятельность, но что винтовки он не счел возможным отправить в Варшаву, так как они будут исправлены средствами полков и скорее попадут в дело, чем это можно ожидать при пересылке всего в тыл.

Из всего виденного и слышанного я вынес лишь убеждение в том, что какие бы приказания не издавались относительно закрытия этапных мастерских и сдачи всего заручного оружия в тыл, все равно эти приказания в большинстве случаев исполняться не будут. Вполне естественно, что каждому хочется прежде всего сделать для себя — для своей части, для своего полка и потом уже — для других и что принцип обезличения винтовки (т. е. чтобы всеми собранными винтовками распоряжался не полк, а штаб фронта или иными словами, чтобы была винтовка фронта) никогда не будет полностью проведен в жизнь, в особенности в тех частях, которые больше всего заботятся о своих винтовках и более всего берегут их.

Мне казалось, что наиболее целесообразным было бы поставить войска в такое положение, при котором они могли бы не скрывать наличия у них запасов оружия и при котором более широко можно было бы воспользоваться их стремлением собирать оружие.

Для этой цели мне и представляется наиболее подходящим об'явленный приказ о разрешении иметь не менее 1000 безоружных на корпус, назначаемых для рытья окопов и немедленного пополнения убыли при наличии винтовок. Раз в войсках постоянно будут безоружные, то никаких неиспользованных запасов, пропадающих для дела и скрываемых войсками, никогда не будет ни в частях, ни тем более в передовых мастерских.

Я обращал внимание на то обстоятельство, что войска считают безоружных страшным злом, хотят как можно скорее отделаться от них; они вооружают их при первой возможности. Для войск драгоценен каждый стрелок; при наличии винтовок безоружные сейчас же ставятся в строй, тем более, что для войск представляет много затруднений возить за собой оружие и заботиться о нем, периодически перечищая и смазывая его.

Я считал необходимым отменить прежние постановления, предоставив войскам право оставлять у себя некоторый запас винтовок, постепенно выдавая их для безоружных, которых штаб корпуса мог всегда себе требовать, руководствуясь указанным выше приказом. При новом порядке сами армии распоряжались всем собранным оружием, они были более заинтересованы в лучшем сборе и скорейшем исправлении своих винтовок в своих же передовых мастерских, которые должны были быть открыты.

Кроме того, новый порядок имел еще следующие выгоды:

а) при нем ускорялся кругооборот винтовок: «легко раненые» винтовки сейчас же «перевязывались» (чистились, смазывались, в них делались легкие исправления) на передовых «перевязочных пунктах» — передовых мастерских и немедленно возвращались в

строй. Долгим странствованиям по этапам в тыл подлежали лишь «тяжело раненые винтовки», т. е. требующие более солидных, трудных работ по исправлению;

б) винтовки, только что собранные с полей сражений, еще не столь заржавлены, очистка их производится более легко и быстро; при перевозке по этапам, попадая под дождь и снег они окончательно ржавеют; сваленные на фурманки, во время долгой перевозки по плохим дорогам, они получают различные повреждения; портятся прицелы, мушки, теряются штыки, антабки, плохо закрепленные шомпола.

Все это отпадало при существовании передовых мастерских; таким образом, при наличии их уменьшалась общая забота по исправлению винтовок. Ведь при закрытии мастерских совершенно годное оружие — только, действительно, ужасное по своему внешнему виду, покрытое слоем грязи и ржавчины, как пролежавшее некоторое время на полях сражений, — отправляли за тысячу верст для исправления даже на оружейные заводы; между тем, винтовки эти в большинстве случаев требовали одной простой чистки — здесь же на месте на передовых позициях; на все долгое время перевозки туда и обратно армия лишалась столь нужного ей в это время оружия, причем соответственно этому сокращался и численный состав войск... При отправлении винтовок для исправления в далекие тылы значительно затруднялся и замедлялся кругооборот винтовок, т. е. увеличивалось время от оставления винтовки на поле сражения до ее обратного возвращения в строй.

Дальнейшая статистика показала, что в передовых мастерских исправлялось до сотни тысяч винтовок в месяц, т. е. для нескольких корпусов. За время с половины марта по 15-е апреля 1915 года в передовых мастерских было исправлено следующее количество оружия:

Мастерская	Собрано с полей сражения	Исправлено в передовых мастерских и выдано войскам	Отправлено в тыловые мастерские	Оказалось негодных для исправления
Мастерская I армии	24.132	20.509	—	—
„ II „	9.369	9.465	5.119[1]	—
„ V „	8.252	3.605	1.197	
„ X „	47.143	30.792	7.588	—
„ XII „	34.193	22.911	8.122	—
Итого	123.089	87.282	22.026	13.781

Таким образом, раз дело снабжения армий оружием было передано в руки самих армий, раз главная масса безоружных вооружалась уже не в тылу, а в районе армий, то войскам приходилось прилагать всевозможные усилия для сбора оружия, для вооружения им уже состоящих в армии и вновь прибывающих безоружных.

[1] Из числа собранных за предыдущий отчетный период.

Постоянное наличие их в корпусах служило самым главным, самым интенсивным импульсом для организации лучшего сбора оружия.

Приказ № 691 1915 г. по армиям Северо-Западного фронта

Составленный мною проект положений о сборе оружия и о передовых мастерских был представлен в середине февраля в Управление нач. арт. снабжений армий фронта и об'явлен в приказе по войскам 23 февраля 1915 года за № 691.

Новая организация, установленная приказом за № 691, сводилась к нижеследующему.

Вдоль по всему фронту находилась цепь заведующих сбором оружия в дивизиях (бригадах) — цепь лиц, назначенных исключительно для этого дела; им были даны все средства для успешного выполнения возложенных на них обязанностей; в непосредственном их распоряжении находились 60 человек безоружных для сбора винтовок и пять конных земских стражников; им подчинены унтер-офицеры на перевязочных пунктах и в лазаретах, ведающие учетом оружия, приносимого ранеными и остающегося после убитых: им даются денежные авансы для немедленной расплаты с жителями, призываемыми в качестве рабочих для сбора, даются подводы; после боя им назначается по взводу солдат от каждого полка.

За всеми заведующими сбором оружия в дивизиях, т. е., приблизительно, за 6—12 офицерами [1], наблюдает штаб-офицер, осматривающий оружие в армии; первейшая обязанность штаб-офицера — контролирование, время от времени, лиц, заведующих сбором и ходатайство о немедленном удалении и замене офицеров мало энергичных. Сравнивая убыль людей в дивизии с числом собранного оружия и ознакомившись с обстановкой боя, всегда можно выяснить работу заведующего сбором.

На случай, если бы сбор, организуемый заведующими в дивизиях, по каким-либо обстоятельствам не мог дать надлежащих результатов, те же районы должен освещать сбор, организуемый корпусными комендантами. Наконец, третьим резервом для сбора является сбор населением. Все это установлено для того, чтобы по возможности собрать все до последней винтовки, исключая, конечно, случаи, когда поле сражения остается за неприятелем.

При осматривающем штаб-офицере находятся одна или две передовые мастерские, исправляющие все винтовки, требующие главным образом основательной чистки и легкого исправления и представляющие собой как бы передовые перевязочные пункты для «легко раненых винтовок».

Деятельность штаб-офицеров, осматривающих оружие, в свою очередь контролируется и об'единяется особым штаб-офицером при штабе армии фронта.

Наконец, в тылу, в Варшаве и Двинске находятся тыловые мастерские для «тяжело раненых» винтовок. Мастерские эти находятся в распоряжении штаба фронта, который таким образом и имеет в своих руках некоторый запас винтовок для регулирования дела снабжения оружием всех армий на случай, если бы по каким-либо обстоятельствам одна из армий нуждалась бы в оружии более, чем другие.

---

[1] При некомплекте офицеров пехоты назначались офицеры артиллерии.

В. РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕДОВЫХ ПОЧИНОЧНЫХ МАСТЕРСКИХ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

После разработки различных положений о мастерских, о сборе оружия, о штаб-офицерах, осматривающих оружие, я просил начальника артиллерийских снабжений назначить меня временно в XII армию для исполнения обязанностей означенного штаб-офицера, так как место это было вакантным; мне хотелось на практике самому провести организацию всего мной разработанного, чтобы еще ближе познакомиться со всем делом сбора оружия.

Согласно совещанию, бывшему в Седлеце в начале января 1915 г., ближайшей задачей войны было признано овладение Восточной Пруссией, для чего и было решено, кроме X армии (в составе 15 дивизий), расположенной против сильно укрепленной немцами линии у Мазурских озер, сформировать еще новую XII армию, которую намечалось двинуть на север с фронта Остроленка — Ломжа, в тыл немецким силам. Командующим армией был назначен ген. Плеве, причем в состав армии первоначально было назначено четыре корпуса, постепенно же в нее вошли: Гвардейский, IV Сибирский, V, XV и I армейские и III Кавказский корпуса.

Движение этой армии встретило упорное сопротивление противника, причем в особенности пострадал I корпус при наступлении у дер. Мацарже.

Вследствие этого на фронте XII армии наступило затишье, причем все внимание было сосредоточено на укреплении позиций и на укомплектовании численности полков. При таких обстоятельствах необходимо было возможно энергичнее заняться организацией починочных мастерских для исправления оружия, в котором войска сильно нуждались. Полагаю, что здесь будет уместно коснуться вопроса об организации мастерских, чтобы оставить какой-либо след о всем том, что было сделано, — как опыт и руководство для будущего.

В этом отношении необходимо отметить нижеследующее.

1. Число передовых мастерских в армии

Принимая во внимание, что в состав армии входит от 3 до 6 корпусов, следует считать достаточным иметь одну или две мастерских, причем в этом вопросе необходимо руководствоваться не только численностью армии, но и ее расположением или вернее растянутостью фронта; в случае сильно растянутого фронта даже при трех корпусах приходится организовать две мастерские.

2. Выбор места расположения мастерских

Выбор места всецело зависит от направления этапных линий, по которым идут укомплектования, получающие оружие из починочных мастерских. Располагать их ближе к позициям, чем штаб корпуса, не следует из опасения прорыва и потери столь ценного имущества, как винтовки; с другой стороны, далее штаба армии располагать их никоим образом не рекомендуется, так как при этом сильно затрудняется подвоз винтовок с позиций. Выгода расположения их при штабе армии заключается в том, что при этом: а) облегчается наблюдение за работой со стороны осматривающего штаб-офицера и б) в каждую данную минуту

штабу армии можно иметь сведения о числе годного оружия, сведения, облегчающие снабжение.

Наиболее благоприятным местом для мастерских XII армии по моему мнению были Ломжа и Остроленка, которые занимали центральное положение для правофланговых и левофланговых корпусов армии, причем через них проходили и этапные линии. Кроме того, в этих городах имело место обилие свободных помещений, среди которых легко было подобрать наиболее подходящие для мастерских.

В Ломже квартировал штаб гвардейского корпуса, а также и штаб армии, так как ген. Плеве обыкновенно располагал свой штаб на линии штабов корпусов.

3. Выбор помещения

В этом отношении приходится обратить внимание на близость от станции, если вообще через данный пункт проходит железная дорога; само по себе помещение должно быть по возможности каменное — в предохранение от пожара и светлое — для удобства работ; наиболее подходящими были бы казармы (как мастерская в Пултуске), манеж (как Варшавская починочная мастерская). В мастерской необходимы отдельные комнаты: а) для чистки оружия, б) для починки его, в) для склада неисправленных винтовок, г) для склада исправленных, д) кладовая для запасных частей, материала и инструмента и е) помещение для каптенармуса и его помощника, неотлучно живущих при мастерской.

В этом отношении выбор помещения для мастерской для меня не представлял никогда никаких затруднений, так как в районе военных действий всегда можно было найти массу пустующих помещений, удовлетворяющих перечисленным требованиям.

Совсем другое дело с вопросами, изложенными в нижеследующих пунктах 4, 5 и 9.

4. Личный состав мастерской

Комплектование личного состава представляло массу хлопот. Оружейных мастеров был всюду громадный некомплект; брать из войсковых частей, в особенности из пехоты, не хотелось; там всегда была работа для добросовестного, любящего свое дело мастера...

Что касается до кавалерийских полков, то там винтовок было раз в пять меньше, чем в пехотных полках; вследствие меньших потерь в кавалерии — винтовки были постоянно на руках; с наличными винтовками бойцы пошли в поход при мобилизации; в кавалерийских частях оружие было более исправное, чем то, которым вооружались маршевые роты пехоты, для которых винтовки брались «откуда попало». Поэтому оружейных мастеров пришлось брать, главным образом, из кавалерии, а также требовать из тыла.

Некоторые мастерские, в особенности тыловые, были очень богаты личным составом, в передовых же мастерских в этом отношении ощущался большой недостаток. В Варшавской мастерской, кроме начальника, на котором лежал весь технический надзор, был еще заведующий мастерской и три офицера, заведывавшие приемом оружия, его выдачей и рабочей командой; кроме того было 6 оружейных мастеров. Надо, однако, сказать, что и дело было громадное. Кроме мастеров необходимо было добывать оружейников — здесь опять-таки приходилось обращаться к войскам, к этапам, к тыловым мастерским, к складам; мало-

по-малу дело и в этом отношении налаживалось; кроме оружейников требовались обыкновенные рабочие для чистки винтовок — в этом отношении никаких затруднений не имелось, — необходимое число всегда можно было получить от ратников ополчения, от этапных батальонов или из числа безоружных в корпусе; чаще всего рабочих предлагали из слабосильных команд, причем от этих последних приходилось открещиваться всеми силами, так как в большинстве случаев это были инвалиды, годные только в богадельни.

5. Денежные средства

Еще хуже обстоял вопрос с денежными средствами для заведения всего необходимого для мастерской. Начальник артиллерийских снабжений армий фронта говорил, что это дело самих армий; заведующий этапно-хозяйственной частью армии со своей стороны указывал, что средства должны быть даны распоряжением штаба армий фронта. Положение раз'яснилось лишь после того, когда после долгих настояний на каждую исправленную в передовых мастерских винтовку стали отпускать по 7 коп. подобно тому, как уже был назначен отпуск в 10 коп. для винтовок, исправляемых в тыловых мастерских; уменьшение ассигнований было произведено потому, что в передовых мастерских производились исправления более легкие, сюда предполагалось доставлять лишь «легко раненые винтовки».

6. Приобретение инструмента, пакли, ветоши, ружейного сала

7. Изготовление столов для чистки ружей, станков для поверки правильности подачи

8. Изготовление шомполов, протиральников, щетинных щеточек, ершиков

После отпуска средств заведение всего перечисленного было произведено без особых хлопот.

9. Запасные части

В этом отношении пришлось обратиться к трем источникам: а) выписке с оружейных заводов, б) заимствованию из тыловых мастерских и в) сниманию с негодного оружия.

Оружейные заводы, заваленные непосильными для них нарядами, конечно, с громадными затруднениями отпускали запасные части войскам.

Наиболее действительным средством была разборка винтовок, совершенно негодных для исправления, т. е. с негодными стволами, с совершенно поломанными ложами, неподдающимися никаким подклейкам. Попутно с вопросом об организации передовых починочных мастерских, я подробно выяснял вопрос и о работах по исправлению оружия в самих войсках.

В своем докладе от 29 июня 1915 г. из Поневежа, где мне пришлось быть некоторое время для организации мастерских X армии, я доносил Оружейному отделу Арткома следующее:

«Одним из самых злополучных вопросов, которые передавались на рассмотрение Оружейного отдела и для разрешения которых неоднократно собирались различные комиссии и даже запрашивались мнения командующих войсками в округах, — был вопрос о табели инструмента для починки оружия в военное время.

«В этом вопросе одни считали для означенной цели совершенно достаточным иметь молоток и выталкивающую шпильку, как это установлено существующими законоположениями, полагая, что в военное время — при взаимозаменяемости частей нашей винтовки — никаких других исправлений, кроме замены неисправных деталей запасными, производиться не будет. Другие же, наоборот, отмечали, что боевые столкновения происходят не все время, что в промежутках между боями всегда будет время для более основательного исправления оружия и что вследствие этого необходимо брать с собой и другие инструменты кроме упомянутых выше молотка и шпильки.

«В виду таких разноречивых мнений, пользуясь своими об'ездами по фронту для устройства передовых мастерских и для осмотра оружия в войсках, я попутно занимался и этим вопросом.

«Должен при этом сказать, что разнообразие мнений и самых работ по исправлению оружия оказалось довольно значительным.

«Какие здесь исправления», — говорили мне одни — наш корпус занимает по фронту громадное протяжение; ведь у нас нет никаких частей в резерве — все сидят в окопах; ведь это все кабинетные измышления; ведь это могут только думать люди, никогда не бывавшие под огнем, и т. д. и т. д.; а затем начиналась критика различных правил и положений с общим указанием на то, что эти правила слишком далеки от жизни.

«А вместе с тем здесь же видишь, как другой полк устраивает себе где-нибудь мастерскую в одной или двух комнатках, где три — четыре оружейника отлично работают и все время постепенно и понемногу исправляют оружие.

«Как же я могу наблюдать за винтовками и исправлять их», — говорили мне некоторые заведующие оружием, — «ведь в моем ведении находится обоз первого разряда, нас превратили в начальников особой части, мы должны следить за внутренним распорядком, чтобы люди были накормлены; ведь у нас кроме обозных чинов — громадное число лошадей; всяких хлопот по горло, какое же тут исправление оружия... А с другой стороны, ведь нашу часть дергают по всему фронту — сегодня здесь, перед Варшавой, а там снова в Карпаты и т. д. Нет абсолютно никакой возможности заняться исправлением». Несмотря, однако, на такие заявления, сам видел некоторые полки, где заведующие оружием и при таких условиях находили и место, и время, и полную возможность исправлять свое оружие. Правда, что новая мера — совмещение должности заведующего оружием с оружейным мастером, вряд ли является полезною, в особенности во время войны, но ведь все, главным образом, зависит от самих людей.

«Один заведующий оружием, служивший и во время русско-японской войны и в настоящую кампанию, чистосердечно сказал мне, что своим прямым делом он ни в ту, ни в другую войну все равно не занимался, хотя в то время был особый офицер — заведующий, а теперь его нет. В бытность в Порт-Артуре он делал гробы, а теперь же все время хлопочет с обозом. В одном из полков, в котором я осматривал винтовки, заведующего оружием не было, а было 8 оружейников и так как командир интересовался этим делом, то оружейники были хорошие; сам я видел их работу по исправлению неправильности в подаче патронов и невыбрасывания гильз.

«Разнообразие мнений в отношении исправления оружия полками в военное время вполне понятно; слишком велика русская армия, слишком разнообразны в ней заботливость и отношение к своему оружию, слишком различна та обстановка, в которой приходилось бывать разным частям.

«На основании выяснения этого вопроса я лишь могу с полным убеждением указать, что очень часто войска имеют полную возможность исправлять свое оружие не одной только заменой частей, а потому для военного времени должен быть положен особый набор инструмента, а не одна только выталкивающая шпилька и молоток, как это установлено теперь.

«При этом необходимо отметить, что большая часть заведующих оружием, с которыми пришлось говорить, захватили с собой в поход и некоторый инструмент мирного времени, своевременно пополняя его по мере необходимости»...

Список тем работам, которые производятся в войсках в военное время по исправлению оружия, был приложен к моему докладу, откуда и можно было видеть, какой инструмент должен быть положен для военного времени.

СПИСОК

работ, производимых в военное время по исправлению оружия в войсковых частях

1. Правка штыка.
2. Заточка притупленного лезвия штыка.
3. Обжимка штыковой трубки (ударами молотка по венчику).
4. Развертка штыковой трубки (специальным инструментом).
5. Расклепка штыкового хомутика.
6. Зачистка побитостей мушки.
7. Правка старой (прямой) рамки.
8. Напайка пластинок под ложевые кольца.
9. Кернение винта нижней антабки.
10. Постановка болта с расклепкой головки при утере нижней антабки и ее винта.
11. Подгонка затвора при тугом его ходе в ствольной коробке.
12. Исправление дефектов в подаче патронов (помимо замены отсечки отражателя новою) подгибом подавателя и опиловкой отсекающего зуба отсечки.
13. Исправление невыбрасывания гильз (помимо замены выбрасывателя и отсечки) натягиванием отражающего зуба и подгибом пружины отсечки.
14. Завинтовка нижнего конца шомпола при его поломках.
15. Вынимание и прочистка шомпольного упора.
16. Исправление завинтованных отверстий.

Наиболее часто встречавшимися работами необходимо признать поименованные в пп. 5, 12, 13 и 15.

Некоторые исключительные части производили даже пристрелку винтовок, поверку прицела по лекалу № 7, производили вклейки в ложах и сами изготовляли верхние антабки, но эти работы представляли собой крайне редкое явление и не могут итти в расчет при обсуждении вопроса об инструменте для починки оружия в военное время.

ОСМОТР ОРУЖИЯ В ВОЙСКАХ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Г. СОСТОЯНИЕ ВИНТОВОК В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В ночь с 8 на 9 марта пал Перемышль — последний успех русского оружия в кампанию 1915 г. поднявший опять на некоторое время настроение войск, подавленное постоянными неудачами, и окрыливший надежду на благоприятный исход войны.

17 марта 1915 г. из-за несогласий со Ставкой во взглядах на ближайшие цели и задачи войны, Г. А. Рузский был заменен Г. А. Алексеевым, который вступил в командование армиями Северо-Западного фронта.

Почти одновременно изменилась и директива, поставленная войскам армий на громадном фронте от реки Пилицы до устья Западной Двины; войска перешли к обороне, закрепляя за собой занятые позиции — выдвинутый на левом берегу Вислы плацдарм, а также позиции по линии Немана, Бобра и Нарева — и накапливая силы и боевые припасы для последующего перехода в наступление.

Я продолжал свои работы, причем с весны я занялся, главным образом, осмотром оружия в войсках и выяснением того состояния, в котором находились винтовки в армиях в условиях военного времени. Думаю, что в этом отношении могут представить некоторый интерес те отчеты, которые я посылал в Оружейный отдел Артиллерийского комитета.

В одном из моих первых докладов в январе 1915 г. я между прочим, указывал на следующее:

«Первая мысль, которая приходит в голову при осмотре винтовок и по ознакомлении с крайне тяжелыми условиями их службы, — это то, что после войны придется забраковать громадное количество оружия. Достаточно указать лишь на ту обстановку, в которой находятся винтовки в настоящий период позиционной войны в Западной Польше.

На протяжении многих сотен верст вдоль Вислы, Бзуры, Равки через каждые два шага лежат в окопах многие сотни тысяч наших винтовок. Войска, несущие службу на позициях, терпят ужасные лишения. Все подступы к передовым позициям находятся в сфере действительного огня противника; до всех более или менее заметных пунктов у неприятеля измерены расстояния и сейчас же открывается огонь не только по командам, но даже по отдельным людям. Жизнь на позициях ввиду этого днем совершенно замирает; всякие передвижения — подвоз провианта, вынос раненых — производятся только ночью. Ввиду таких условий вряд ли можно требовать от войск надлежащего ухода и сбережения оружия и винить их за плохое состояние винтовок. Наоборот, необходимо даже отметить, что войсковые части прилагают все возможные усилия для поддержания оружия в порядке. От снега и дождя затворы поржавели, но это еще небольшая беда; главная опасность — засорение механизма. При соре и песке затрудняется действие затвором. Обходя передовые окопы, я видел много винтовок с особыми полотняными чехлами с тесемками, заведенными войсками своими средствами и покрывавшими ту часть винтовки, где находится затвор и ствольная коробка. Этим способом, хоть до некоторой степени, стараются предохранить от засорения затворный механизм. О сильном сплошном заржавлении каналов стволов говорить не приходится — это явление обыкновенное. Такие стволы по выводе ржавчины после войны в громадном проценте придется забраковать как неудовлетворяющие лекалам.

«Вообще надо считать, что после войны будет необходимо произвести массовую замену винтовок, замену настолько большую, что на нее надо смотреть, как на новое перевооружение. С другой стороны, следует отметить, что эта война показала полную несостоятельность тех расчетов запасов винтовок, которые ранее были установлены. Десятипро-

центный запас для пополнения убыли должен быть увеличен по крайней мере до 50%, чтобы не быть снова в таких условиях, в которых оказалась теперь армия, запасы винтовок которой не были рассчитаны на мировую войну.

«Это опять-таки указывает на то, что после войны придется вновь изготовлять значительное количество винтовок вроде полного перевооружения армии.

«Таким образом, для Оружейного отдела возникает вопрос первостепенной, огромной важности, а именно о необходимости иметь к концу войны готовый образец для нового перевооружения.

«Мысль о новом автоматическом образце надо совершенно оставить на основании следующих соображений.

«Во-первых, ни одна из систем автоматических винтовок не находится еще в таком состоянии, чтобы ее можно было бы принять к концу войны, как готовый образец. Автоматические винтовки находятся еще в периоде выработки. Имеющийся же срок до окончания войны слишком недостаточен [1]; хорошо и то, если удастся во-время скомбинировать улучшенный образец 3-линейной винтовки, устранив некоторые ее недостатки. Во-вторых, познакомившись с условиями службы винтовок во время войны, посмотрев на эти полузанесенные снегом и засыпанные песком винтовки, для меня приобрели совсем другой смысл известные всем и каждому требования от военного оружия, а именно его простота и прочность. Слишком много надо еще поработать с автоматическими винтовками, чтобы получить простую и прочную винтовку, обеспеченную безотказностью действия. Мне, как проработавшему десять лет с автоматическим оружием, может быть тяжелее чем кому-либо приходить к такому заключению, но тем не менее приходится с этим примириться. Лишь благодаря простоте и прочности наших 3-линейных винтовок исправление их в починочных мастерских армий из того, действительно ужасного вида, в котором они прибывают с полей сражений, представляет собой довольно простую работу. При автоматических винтовках исправление их в районе расположения армий должно, безусловно, представить более затруднений, потребовав и большего срока времени. Ведь одно коробление ложи в винтовках с подвижными стволами сейчас же сказывается на безотказности действия, а добавочный стальной желоб на деревянной ложе при таких ужасных условиях службы может оказаться и не вполне действительным...

«Необходимо отметить, что при армиях малообученного милиционного состава в бою к винтовке пред'являются значительно меньшие требования, чем это можно было бы предполагать в мирное время. От винтовки в бою, помимо качеств оружия для рукопашного боя требуется, главным образом, возможность производства выстрела для поражения известной площади, причем на те предельные расстояния, на которые нарезан прицел, стрельба производится лишь в исключительных случаях, и почти всегда ограничиваются значительно меньшими дистанциями.

---

[1] Этот доклад был написан в январе 1915 года. Говоря о сроке войны, я в то время ошибался точно так же, как и все другие; в то время никому не могла притти в голову мысль о том, что война может затянуться на 4 года.

«Конечно, надо считать, что армии в настоящее время являются милиционными, ввиду того, что подавляющее большинство солдат проходит курс обучения всего 6—8 недель; что было ранее, в начале войны при армии с хорошо обученным кадровым личным составом — мне неизвестно, но теперь большинство офицеров заявляет, что прицел в бою зачастую не переставляется и что, благодаря настильности полета остроконечной пули, на близких расстояниях результаты получаются удовлетворительные, стрельба же на дальние дистанции почти не производится. Все отзывы о нашей 3-линейной винтовке в общем хорошие, с кем бы и где бы не приходилось говорить по этому поводу».

В своем докладе я указывал, что «для будущего перевооружения после войны, ввиду малого срока времени, необходимо остановиться на этом образце, введя в него лишь некоторые улучшения. В этом отношении, по моему мнению, желательно, прежде всего, установить один образец, взамен существующих ныне винтовок — пехотной, драгунской и казачьей. Это различие в военное время не имеет ровным счетом никакого значения. Что значит в бою уменьшение начальной скорости на несколько десятков метров в секунду для драгунской винтовки по сравнению с пехотной. А между тем уменьшение ноши на ½ ф. с более выгодным расположением центра тяжести представляет собой уже некоторое преимущество. Для казачьих винтовок еще в прошлую русско-японскую войну решено было принять штык; в крайнем случае для казаков, — раз будет решено оставить их без штыка, — можно будет смело дать карабин, так как стрельба до 2000 шагов, до какового расстояния нарезан прицел карабина, в настоящее время достаточна даже для пехоты, а не только для кавалерии. За границей большая часть кавалерии всегда была вооружена карабинами. От существующего наличия трех образцов (пехотной, драгунской и казачьей) никакой пользы, кроме вреда, не имеется: надо иметь некоторые различные запасные оружейные части; выходит путаница при решении вопроса, на какой завод надо посылать для исправления кавалерийские винтовки. Разница же в баллистических качествах никакого боевого значения иметь безусловно не может. Всюду за границей имеется один образец винтовки и карабин.

«Желательно было бы у нас оставить один образец драгунской винтовки, вместо трех существующих ныне, причем в этом образце ввести следующие изменения:

1) принять клинковый штык, раз навсегда покончив с этим вопросом, который тянется у нас уже сорок лет при запрашивании мнений бесчисленного множества лиц; за образец штыка можно принять, не мудрствуя лукаво, любой из числа иностранных, принятых к винтовкам, введенным в последнее время;

2) принять для простоты изготовления прямую прицельную рамку например Г. Л. Холодовского ввиду большей простоты ее изготовления по сравнению с дуговой.

3) ложу упрочнить к шейке; масса лож сломана в шейке во время рукопашных боев; можно было бы усилить ее хотя бы боковыми металлическими пластинками или же сделать приклад отдельный, как в английской винтовке обр. 1889 г.; о ложах Г. Л. Холодовского с прокладками в военное время прямо смешно и говорить;

4) ствольную накладку утолстить и готовить ее обязательно из более плотного дерева; за образец можно взять любую иностранную, например, ствольную накладку японской винтовки;

5) кольца принять более солидные, взяв за образец опять-таки любые иностранные (японские, германские, греческие, бразильские);

6) упрочнить закрепление шомпола (теряется масса шомполов);

7) изменить постановку на предохранительный взвод;

8) сделать более широким зацеп выбрасывателя для более надежного зацепления гильзы при экстракции и

9) принять покрышку на затвор: в этом отношении необходимо отметить, что все образцы покрышек могут быть разделены на две категории: а) покрышки, постоянно соединенные с винтовкой — двигающиеся по пазам ствольной коробки — наподобие покрышки японской винтовки обр. 1905 г., и б) покрышки парусиновые, снимаемые перед стрельбой — наподобие применяемых в армии средствами самих войск. Первый образец безусловно более практичен, но он потребует больше времени для конструирования и испытания, почему и можно было бы ограничиться более простым парусиновым. Как известно, немцы во время войны также приняли покрышку для своей винтовки»...

Считаю не лишним привести здесь и следующий мой отчет о результатах осмотра оружия, отправленный мною в Оружейный отдел Артиллерийского комитета в апреле 1915 г.

«В настоящее время мной начат контрольный осмотр оружия в войсковых частях, находящихся в моем районе. Мною было осмотрено несколько полков 1 армейского корпуса, т. е. того корпуса, который я посетил при самом прибытии в армию еще во время расположения частей корпуса в окопах на Равке. С тех пор картина много изменилась; целый месяц в районе 1 армейского корпуса (теперь он переведен в состав XII армии) стоит относительное затишье — полки полностью укомплектованы; целый месяц продолжается хорошая погода — грунт отмерз; окопы теперь прямо не узнать — вместо неглубокой канавы, с трудом вырытой в мерзлом грунте с небольшой насыпью, едва прикрывавшей голову стрелка небольшого роста—с ложбинкой для винтовок— теперь всюду построены глубокие окопы с козырьками, предохраняющими от шрапнельного огня; вместо ложбинок — бойницы со стенками из кольев или мешков с песком. В таких окопах стрелок укрыт со всех сторон (ему опасен только огонь тяжелой артиллерии). Такие окопы безусловно способствуют хорошему спокойному прицеливанию. Всюду теперь дощечки с надписями, на которых указаны расстояния до хорошо видимых предметов; расстояния эти измерены и проверены стрельбой.

«По отзывам всех офицеров стрельба из таких окопов с заранее определенных расстояний производится теперь постоянно с прицелом; стрелок из небольшой бойницы может хорошо прицеливаться и правильно нажать на спуск; ему нечего беспокоиться за свою голову, совершенно открытую при стрельбе из низких окопов без козырьков, как это было зимой на Равке.

«Мною были контрольно осмотрены следующие полки: 85-й пехотный Выборгский полк, 86-й пехотный Вильманстрандский полк (оба полка из состава 22-ой пехотной дивизии), 3-й Кавказский стрелковый полк, 4-й Кавказский стрелковый полк 1-й Кавказской стрелковой бригады.

«Означенные части осматривались как в окопах на передовых позициях, так и в резерве; осмотр в окопах сопряжен с некоторыми труд-

ностями вследствие узости окопа; осмотр полков, находящихся в резерве, также далек от удобства мирного времени, ввиду того, что такие полки находятся в 2—3 верстах от передовых окопов и следовательно— в сфере действия артиллерийского огня противника; собирать людей для осмотра оружия невозможно; осмотр приходится производить или обходя халупы или же вызывая стрелков с винтовками небольшими группами, сзади сараев и домов. Осмотр выяснил следующее.

1. Состояние каналов стволов в общем удовлетворительное; принимая же во внимание те крайне трудные условия, в которых войсковые части находились в течение зимнего периода, а также и то обстоятельство, что война тянется уже 9 месяцев, необходимо притти к заключению, что войсками, безусловно, были приняты надлежащие меры для поддержания своего оружия в исправности; целый месяц затишья с массой свободного времени при хорошей теплой погоде имели непосредственным следствием то, что войска основательно почистили свое оружие. Совсем другой вид имели каналы зимой при частом снеге и дожде. Теперь ржавые черные стволы встречались крайне редко; довольно часто попадались лишь стволы с раздутостями в дульной части, как следствие употребления тряпочной затычки, забытой в дуле перед выстрелом. Такие стволы в виду крайнего недостатка в оружии не приходилось браковать не только в войсках, но и в передовых мастерских, мирясь с плохой меткостью.

2. Состояние затворов и прицелов хорошее; очень часто приходилось видеть винтовки, покрытые по затворам особыми чехлами, в особенности при нахождении частей в резерве. Дуговой прицел, на который было столько нареканий со стороны войсковых частей при его введении, выдержал опыт войны; необходимо, однако, сказать, что поверка высот прицела по лекалу № 7 во время войны конечно не производилась; неисправные прицелы с утерянными защелками, колпачками и пружинками встречались как исключительно редкие явления.

Считаю вместе с тем необходимым обратить внимание на следующее: в полках 1-ой Кавказской стрелковой бригады мною были осмотрены, между прочим, винтовки с прицелами, деления которых были окрашены желтой краской. По заявлению всех офицеров, краска ни разу не возобновлялась за время войны, а между тем она отлично сохранилась и много помогает стрелкам при установке прицела благодаря большей ясности цифр и делений. Насколько мне известно, наши заводы до сих пор не установили такую окраску, несмотря на указания Оружейного отдела.

«3. Относительно штыковых хомутиков необходимо отметить, что в войсках находится в среднем около 30% винтовок с плохо замыкающимися и болтающимися хомутиками. Большой процент винтовок с таким из'яном указывает на недостаточное внимание заведующих оружием, тем более, что был целый месяц сравнительного затишья, причем все винтовки постепенно могли бы быть исправлены.

«4. Относительно шомполов — кроме утери в среднем 10%, встречается и до 50% неввинчивающихся в шомпольные упоры вследствие засорения упора — явления, обычного при нахождении войск в песчаных окопах. Постоянная прочистка требует полной разборки винтовки, вынимания упора и довольно кропотливой работы. Наш шомпольный упор в этом отношении крайне неудобен.

«5. Неправильная подача патронов, доходящая в некоторых частях до 30%. Недостаток имеет крайне важное значение, ибо такая винтовка, в отношении скорострельности превращается в однозарядную. Большой процент таких винтовок в некоторых частях опять-таки указывает на небрежность заведующих оружием. Придавая громадное значение этому недостатку, я, — вернувшись из района XII армии, — немедленно выехал в штаб армии фронта в Управление начальника артиллерийских снабжений, где и просил об об'явлении секретного приказа[1] по фронту, обращающего внимание войск на указанный выше недостаток с предписанием в кратчайший срок произвести поверку правильности работы подающего механизма при заряжании винтовок боевыми патронами, ввиду отсутствия в войсках патронов поверочных. Во избежание случайных выстрелов и несчастных случаев, поверку в ротах производить отделенным и взводным начальникам под наблюдением офицеров.

«Все неисправные винтовки переписать и постепенно сдавать заведующему оружием, которому принять самые энергичные меры для немедленной починки оружия; отсечки отражателя нового образца, выписанные из Двинского артиллерийского склада, где их оказалось достаточное количество, будут выдаваться по требованиям войск. В проекте приказа предписано начальникам дивизий озаботиться о том, чтобы в тех полках, где нет заведующих оружием, помощь была оказана полками, имеющими таковых.

«6. Осмотр патронов в подсумках и патронташах указал, что войска небрежно хранят свои патроны, которые вследствие этого покрываются сором, пылью и грязью. Вид патронов прямо ужасный. Заряжание такими патронами крайне трудное, в особенности — при нашей обойме; иногда приходится вынимать один патрон из обоймы, и, нажимая им как рычагом на остальные патроны, проталкивать их в магазин. При опросах выяснилось, что стрельба в окопах производится патронами, лежащими в цинковых коробках, патроны же в подсумках и патронташах служат как бы неприкосновенным запасом, ввиду чего эти патроны освежаются крайне редко; некоторые стрелки говорили, что патроны в подсумках лежат у них уже 3—4 месяца.

«Ввиду этого, в упомянутом выше приказе по фронту я просил обратить самое настойчивое внимание войск и на необходимость чаще осматривать патроны, перетирая как патроны, так и обоймы, а также очищать патронные сумки, наполняющиеся в боевой обстановке сором и грязью.

«7. В войсках замечен громадный недостаток принадлежности; были роты, где число протирок доходило всего до 20—25 экз. Когда я уезжал из Петрограда в начале января 1915 г., то слышал, что принадлежность заказана частным заводам в количестве около полумиллиона; фронт однако до сих пор не имеет принадлежности. Так как нужнее всего протирка, то мы решили здесь снабжать войска шомполами — протиральниками по 8—10 на роту, изготовляя их самостоятельно в тыловых и передовых мастерских. Передовая мастерская 1 армии в Пултуске уже начала изготовлять их; конечно, заводы лучше изготовили бы такие протиральники, но дело в том, что мы вряд ли скоро получим их из оружейных заводов. Здесь нет подходящего материала — стали, приходится делать протиральники из железа; если бы и нашлась сталь в небольшом количестве, то все равно ее не удалось бы использовать в полной мере,

[1] Приказ по фронту от 8 мая 1915 г. за № 1186.

так как передовые мастерские не могут калить шомпола; щели для пакли приходится прорезать вручную; заводы могли бы легко установить пробивку их. Вообще, работа по изготовлению протирок не подходит для передовых и даже тыловых мастерских, но нужда в протирках громадная. Недавно приказом по одной из армий войскам было предложено немедленно приобрести необходимое количество принадлежности. Войска указывали, что деньги у них есть; хозяйственные суммы большие, — пусть лишь укажут им, где ее можно купить. Вопрос относительно принадлежности — крайне неприятен по той причине, что надлежащее ее количество, безусловно, могла бы обеспечить частная промышленность, ведь можно было бы заказать протирки и более простого образца, да и никаких особых трудностей изготовление ее не представит.

«8. Был замечен некоторый процент винтовок без ствольных накладок, а также без антабок; в настоящее время этот вопрос уже разрешен на фронте; тыловая починочная мастерская № 2, имеющая станочное оборудование, установила у себя производство накладок с ежедневным выходом 1000 экз., производство же верхних антабок из проволоки налажено почти во всех передовых и тыловых мастерских. Попутно считаю необходимым отметить, что войска сильно жалуются на недостаток ружейных ремней; при организации передовых мастерских я просил о том, чтобы в каждой мастерской был запас ремней для выдачи их с исправляемыми винтовками, но ничего не получил. В недавно посланной мной в Оружейный отдел коллекции оружия, собранного с полей сражений — я отправил и образцы ружейных ремней, т. е. различных тесемок и веревочек, которые желательно было бы не затерять, так как их легко принять не за ружейные ремни, а за простые веревки, которые можно выбросить и до осмотра. Интендантское ведомство снабжает теперь войсковые части брезентовыми ремнями. Удовлетворить нужды войск в отношении ремней, также как и в отношении принадлежности, безусловно могла бы частная промышленность.

«В кавалерийских частях состояние винтовок такое же, как и в пехотных за исключением значительно меньшего процента винтовок с неправильной подачей, что всецело об'ясняется тем, что кавалерия понесла меньшие потери, чем пехота, а следовательно потеряла и меньшее количество оружия. Большая часть винтовок полка не менялась с самого начала войны, в мирное же время винтовки были хорошо отлажены.

«Что касается холодного оружия, то состояние его оставляет желать очень многого. В каждом эскадроне около пятой части ножен требует исправления; кожа потерлась, склеенные деревянные щеки ножен разошлись, образовались щели, есть утерянные наконечники, концы клинков торчат наружу. Относительно пик необходимо указать на большой процент недостающих, утерянных и поломанных. В эскадронах оказалось от 37 до 45 пик, несмотря на то, что в поход были взяты даже все учебные; таким образом, недостаток пик доходит до 50%.

«В мастерских, исправляющих оружие, починка холодного оружия для частей I, II, V и XII армий производится в Варшаве, а для X армии в городе Гродно».

Полагая, что к моменту окончания войны, вследствие прихода в негодность значительного количества винтовок, нашим оружейным заводам придется давать довольно большие наряды оружия и считая, кроме того, что к этому времени образец автоматической винтовки, удовлетворяющий всем современным требованиям, конечно, не успеет еще устано-

виться в смысле окончательной разработки,—в своих докладах с фронта я обращал серьезное внимание на всевозможные недостатки нашей 3-линейной винтовки, исходя из соображений, что различные недочеты ее должны быть устранены при массовых ее заказах после окончания кампании.

Вопрос этот наиболее подробно рассмотрен в моем отчете от 26-го июня 1915 г. из Повенежа, где у меня была организована починочная мастерская для V армии.

Я, прежде всего, обращал внимание на неправильности подачи патронов и невыбрасывание гильз — вопрос, имеющий крайне важное значение и—в отличие от всех остальных недочетов — крайне неблагоприятно влияющий на боевые качества винтовки.

«Недостаток этот однако устраняется при правильной отладке винтовок и при введении особого чехла на затвор и магазин, почему для устранения указанного недостатка и не требуется каких-либо особых переделок в системе винтовки, которые, однако, необходимы для устранения всех прочих — хотя и значительно менее существенных — недочетов. Причины появления указанного выше недостатка, обнаруженного в некоторых полках в колоссальном количестве, доходящем до 30%, заключаются в следующем. Перед войной у нас были отлажены под острый патрон винтовки только первоочередных полков, т. е. в грубых цифрах около полутора миллионов; все же остальные винтовки, т. е. винтовки второочередных частей и все без исключения запасы, т. е. еще около двух с половиной миллионов — отлажены не были. Большая часть из них отлаживалась наспех, т. е. с вероятной погрешностью.

«Другой причиною упомянутого недостатка является загрязнение и засорение подающего механизма и гнезда для отсечки отражателя.

«По условиям военного времени — полная разборка винтовки производится редко; кроме того надо принять во внимание, что по нашим правилам вынимание отсечки отражателя должно производиться под наблюдением унтер-офицера; вследствие этого — чистка гнезда для отсечки отражателя имела место обычно только несколько раз за все время с самого начала войны. Необходимо, притом, отметить, что подавляющая часть мобилизованных является теперь малообученной; недавно я получил 50 человек для передовой мастерской в Поневеже — их пришлось обучать даже сборке и разборке затвора, слишком недостаточны были их знания[1].

«При такой постановке вопроса, подающий механизм нашей винтовки и отсечку отражателя возможно или вернее приходится оставить без изменений.

«Что касается до остальных недостатков, то я разделяю их на три категории:

1) недостатки, замечаемые в очень незначительном количестве, а потому и безусловно подлежащие устранению (при массовых заказах винтовки после окончания кампании),

2) недостатки, которые желательно устранить, но которые «по нужде» терпимы и

3) недостатки терпимые.

К первой категории необходимо отнести:

---

[1] При крайне недостаточном обучении, стрелки, имея винтовку с неправильной подачей, т. е. с задержками при движении затвора, даже не заявляют об этом своим начальникам, считая эти явления нормальными.

а) плохое закрепление штыкового хомутика — около 30% всех винтовок; недостаток слишком хорошо известен Оружейному отделу;

б) потерю верхних антабок, встречающуюся в громадном количестве, почему я и не занимался подсчетом винтовок с этим недостатком;

в) раскол и утерю ствольных накладок (накладка очень непрочна);

г) утерю нижней антабки с винтом и овальность дыр магазинной коробки;

д) засорение шомпольного упора и как следствие этого — невинчивание шомпола, — недостаток доходит до 50% всего количества винтовок.

«Все эти недостатки свойственны лишь нашей 3-линейной винтовке; ведь лишь у нас принят граненый штык со штыковым хомутиком; у нас лишь плохо разработаны все эти мелочи — как-то: накладка, антабки и т. д. В этом можно сразу убедиться, если взять нашу винтовку, с одной стороны, а с другой — или германскую обр. 1898 г. или одну из следующих: японскую обр. 1897 г. или 1905 г., бразильскую, греческую или любую из вновь введенных, а также австрийскую. Там все эти мелочи разработаны крайне прочно; у нас же, вследствие мелких недочетов винтовки, передовые мастерские, главным образом, и заняты: расклепкой штыковых хомутиков, прочисткой шомпольного упора, изготовлением верхних проволочных антабок (взамен утерянных), заменой ствольных накладок, постановкой шарнирных болтов с расклепкой головок (взамен болтов нижней антабки) и пр.

«Вот почему все эти детали необходимо было бы изменить, раз будет возбужден вопрос о массовом заказе винтовок после войны. Ведь и изобретать то здесь кроме штыкового хомутика ничего не приходится, а можно прямо взять лучшее с любой иностранной винтовки.

К недостаткам второй категории следует отнести:

а) скрашивание и поломку зацепа выбрасывателя и

б) погибы штыков.

Первый недостаток требует для своего устранения большого числа запасных выбрасывателей, второй же легко устраняется правкой штыков — работой легко выполнимой при всяких условиях.

К недостаткам третьей категории относятся:

а) потеря защелок и колпачков прицельного хомутика — встречаются лишь единичные случаи на роту;

б) разворачивание стенок ствольной коробки, причем затвор не удерживается задержкой — случаи сравнительно редкие;

в) поломка предохранительных взводов курков — случается редко;

г) слишком слабые или очень тугие спуски — встречаются в небольшом количестве.

Из всего изложенного видно, что требуют изменений и улучшений лишь детали нашей — в общем хорошей — винтовки, о которых мной уже указывалось в моем первом докладе и о которых уже не раз возбуждались вопросы в Оружейном отделе еще до настоящей войны».

В заключение я обращал внимание Оружейного отдела еще на следующие обстоятельства.

Незадолго перед войной в Оружейном отделе обсуждался вопрос об испытании обойм с пластинчатой пружиной — наподобие принятых

к иностранным винтовкам, причем решено было заказать для испытаний значительное количество таких обойм по чертежу ген. Залюбовского.

Только теперь, когда мне пришлось самому в условиях военного времени заряжать массу винтовок (для поверки правильности подачи патронов) я убедился в полной мере — насколько плоха наша обойма.

Заряжая запыленные винтовки запыленными же патронами, т. е. при нормальных условиях службы оружия, приходится прилагать крайние усилия, чтобы продавить патроны в магазин; лапки обойм загнуты, обыкновенно, на совесть, так как крепость держания патронов в обойме строго проверяется на патронных заводах, — и это еще более увеличивает усилие, необходимое для заряжания. Уже после нескольких заряжаний рука устает и скорость заряжания замедляется. Стрелки сознают это и более сноровистые из них часто прочищают свои патроны и, главным образом, — обоймы внутри между бортами, вынув предварительно патроны и разжав лапки; большая часть стрелков, однако, мало заботится об этом, в чем я не раз убеждался при осмотре и на что пришлось обратить внимание войск в особом приказе. После войны надо будет сразу отказаться от нашей обоймы как весьма неудовлетворительной.

Что касается до нашего трехгранного штыка, то позволю себе указать на одно его преимущество по сравнению с клинковым штыком, преимущество, о котором никак нельзя было предполагать в обстановке мирного времени.

Как известно, бóльшая часть собираемых с полей сражений германских и австрийских винтовок приходит в передовые мастерские и склады без штыков — ножей. Несмотря ни на какие приказы и строгости, клинковые штыки, представляющие собой хорошую хозяйственную вещь для домашнего обихода, расходятся по рукам в неимоверном количестве. Их разбирают и стрелки, и жители при сборе оружия; их посылают на память домой все причастные к войне — даже разные почтовые и телеграфные чиновники, чему сам был свидетель; они красуются иногда на поясах у фельдшеров и т. д. То же самое происходит и со штыками японских винтовок. В бытность мою в Ковно я осмотрел только-что собранные с полей сражения японские винтовки. Пятьдесят процентов винтовок оказались без штыков; они разошлись по рукам любителей. Наш граненый штык пользуется меньшею любовью с бытовой точки зрения — в том его достоинство.

Я позволю себе привести еще несколько выписок из моих донесений в Оружейный отдел, имевших практическое значение в отношении оружия и основанных на наблюдениях во время пребывания на фронте.

В одном из своих докладов я обращал внимание Оружейного отдела на то обстоятельство, что расход патронов находится отчасти в связи с количеством имеющихся в войсках осветительных средств. Днем войсковые части имеют возможность экономить патроны, открывая стрельбу лишь по хорошо видимым целям. Стрельба по окопам — как не приносящая пользы — почти не применяется; огонь открывается лишь при атаке, причем некоторые части, например сибирские стрелки, подпускают неприятеля на близкое расстояние и тогда лишь открывают ураганную стрельбу.

Совсем другая картина ночью, в особености при неимении осветительных средств; при таких условиях расстреливается совершенно напрасно громадное количество патронов. Неприятельские войска, как это

известно, и в этом отношении несравнимо богаче нас — у них на позиции прожекторы и значительное число осветительных пистолетов — все это дает ночью эффектную картину; у нас зачастую одни бочки со смолой и единичные экземпляры пистолетов. Много помогает нам «лишь божья луна», но, к сожалению, этот осветительный аппарат имеет столь много недостатков, что надеяться на него не приходится. Беспорядочное расстреливание патронов ночью при ложных тревогах могло бы быть значительно уменьшено, если бы при происходящей в то время мобилизации промышленности войска получили бы крайне необходимые им осветительные приборы различной конструкции.

Далее, относительно подноски патронов в бою, я обращал особенное внимание на способ, принятый в германской армии. В этой армии патроны укладываются на патронных заводах в ящики без герметической укупорки (цинковых коробок не имеется) — для патронов заведены особые патронташи — длинные холстяные ленты цвета хаки с карманчиками, в которые вкладывались обоймы с патронами на заводе; при такой укупорке значительно сокращалось время по раскупорке патронов в бою и получалось большее удобство по переноске лент с патронами, которые закидывались вокруг шеи или через плечо.

Такая укупорка, очевидно, была принята лишь во время войны, когда патроны сразу поступали с патронных заводов на театр военных действий.

Относительно осмотра японских винтовок системы Арисака обр. 1897 года, — первоначально поступивших лишь на вооружение ополченских бригад, этапных батальонов и других второстепенных частей и выданных на вооружение пехотных войск лишь впоследствии, когда английские патронные заводы установили у себя изготовление для нашей армии японских патронов — мне пришлось расследовать весьма неприятное дело, касавшееся крайне неудачного первого применения этих винтовок в бою.

В конце февраля 1915 г., во время моего пребывания в районе расположения войск XII армии впереди Ломжи, я получил телеграмму от начальника артиллерийских снабжений с приказанием выехать в V армию для осмотра японских винтовок и выяснить причины обнаруженных в них недостатков. На месте приезда выяснилось, что дружины 5-й ополченской бригады, попавшие в бой во время последнего наступления германцев на реке Пилице, в беспорядке отступили назад, побросав некоторое число ружей и патронов, причем ими указывалось, что японские винтовки почти сплошь давали осечки; кроме того у них выпадали крышки магазинной коробки.

Во время приемки ружей в Японии выпадение, а также слабое держание крышек мною было отмечено; что же касается до осечек, то означенный недостаток — несмотря на значительное количество стрельб произведенных во время приемных испытаний в Японии — совершенно отсутствовал. Капсюльный состав японских патронов к тому же более чувствителен, чем наш. Обнаружение осечек в столь значительном количестве, что оно повлекло за собой неуспешное действие ополченских частей, таким образом, совершенно расходилось с теми сведениями, которые у меня имелись о японских патронах и винтовках.

Опросом, однако, выяснилось, что ополченские дружины перевооружились японскими винтовками непосредственно перед самым боем и что у них совершенно не было времени на осмотр и обучение действию из

винтовок; в виду недостатка войск и энергичного наступления германцев, ополченские дружины пришлось двинуть несмотря на те условия, в которых они находились в отношении оружия — одна из дружин была двинута на передовые позиции даже без патронов, которые она получила лишь в непосредственной близости от неприятеля. При недостатке времени винтовки не были осмотрены и отчищены от густой смазки, которою они были смазаны в Японии. Между тем, густая смазка была необходима, ввиду предстоявшей японским винтовкам длительной перевозки как по морю до Владивостока, так и по всей Сибири; иначе можно было встретиться с заржавлением всех частей оружия. По доставке в ополченскую бригаду, — при полном отсутствии оружейников в дружинах, — винтовки из ящиков сразу же были выданы на руки без всякого осмотра и отчистки. Само собой разумеется, что при — сгустившейся, заполнившей все части затвора, — смазке неминуемо должны были получиться осечки в подавляющем количестве. Для осмотра мной было выбрано некоторое количество винтовок одной из дружин, расположенной в Гройцах. По отчистке ни одна из осмотренных винтовок не дала ни одной осечки, обнаружено было лишь несколько утерянных и слабо держащихся крышек магазинной коробки, причем были указаны меры для исправления этого недостатка (расклепка выступа крышки).

Моя дальнейшая деятельность на фронте после выработки различных положений и организации передовых мастерских и заключалась в периодических осмотрах оружия войсковых частей... Летняя кампания 1915 г., между тем, приближалась к концу.

Теряя массу пленных, теряя орудия, русская армия медленно отходила к востоку, очищая б. Царство Польское. 19 июля была взята Варшава; после перехода германцев через Вислу, падения Новогеоргиевска, оставления Ивангорода и движения противника на Варшаву с обоих флангов была потеряна всякая надежда на возможность сохранения этого важного политического пункта. Одно за другим происходило падение крепостей — 4 сентября в несколько дней была взята крепость Ковно. При переезде через Кобрин я получил телеграфное распоряжение от начальника Управления арт. снабжений армии Сев.-Зап. фронта — выехать в Венден в район сосредоточения XII армии, — вновь формировавшейся для предохранения путей к Петрограду, — для осмотра в войсках оружия, приведения его в порядок и организации мастерских... Все дороги были усеяны отступающими войсками. Боевой состав дивизий насчитывал в это время около 800.000 штыков, раскинутых на громадном фронте. То была ничтожная по количеству армия величайшего военного государства со 180.000.000 населения[1].

---

[1] Помнится мне, как во время одного из моих переездов я смотрел на идущие мимо меня походным порядком отступающие колонны войск. Впереди двигалась бригада артиллерии, ее вел седой генерал — седло, уздечка, все было новенькое, щегольское, конь играл и храпел под своим всадником. Лошади были в теле; амуниция — в порядке, офицеры — на местах, причем все это были кадровые, которых можно было узнать по их выправке. Потери в артиллерии были незначительные — офицерский состав сохранился; год войны, год боевой страды только сплотил и закалил часть — солдаты в подавляющем числе также были все кадровые, хорошо обученные. Здесь был начальник — был хозяин, часть была в руках, была дисциплина, бодрость и энергия, но не было самого главного — не было меча, которым можно было разить — в артиллерии не было снарядов.

То был живой труп в полном смысле этого слова.

Сзади артиллерии двигался пехотный полк: брела скученая, унылая серая масса — медленно тащились усталые, запыленные, плохо одетые стрелки; кадровых

До какой степени возрос недостаток винтовок к летней кампании 1915 г., видно хотя бы из следующих телеграмм нач. штаба верхглавнокомандующего Янушкевича военному министру Сухомлинову: «Армии III и VIII растаяли. В корпусах из трех дивизий по 5 тысяч штыков. Кадры тают, а пополнения, получающие винтовки в день боя,— на перебой сдаются»... «В XII корпусе из 7 дивизий — 12 тысяч штыков. Нет винтовок, и 150 тысяч человек стоят без ружей. Час от часу нелегче. Ждем от вас манны небесной. Главное нельзя ли купить винтовок»... В это время считалось отличным, если удавалось иметь в полках до 50% полагающегося по штату оружия — громадное число дивизий имело всего по 4.000—5.000 штыков, то-есть по существу представляло собой полки (см. приложение № 1 — «Боевой состав дивизий к 1 сентября — 1 октября 1915 г.»).

офицеров почти совсем не было, попадались главным образом прапорщики — ведь надо же было знать, что состав полка как офицеров, так и солдат за год войны, вследствие громадных потерь, менялся уже несколько раз. Кадровый состав давно полег на полях Восточной Пруссии, Западной Польши, Галиции и на Карпатах; офицеры и солдаты были мало обученные; последние проходили курс обучения всего несколько недель. Сзади на громадном протяжении тянулись отсталые, опираясь на палки, слабосильные с потертыми ногами, ехали телеги, нагруженные всяким скарбом, обсыпанные усевшимися отсталыми людьми.

Видно было, что в части мало порядка, часть не была в руках — не было дисциплины, энергии и бодрости; эти люди не были солдатами хорошо обученными, закаленными в боях.

Пехотный полк не был воинской частью — это был труп, живой разлагающийся труп, несмотря на то, что у каждого была винтовка, несмотря на то, что каждый нес на себе запас патронов.

Исход мировой войны в России уже определился.

ГЛАВА 4

Катастрофическое положение русской армии в отношении недостатка оружия летом 1915 г. Командировка особой миссии адм. Русина в Англию. Конференция союзников в Лондоне в 1915 г. Размер помощи, оказанной союзниками русской армии. Вопрос о винтовках Передача русской армии винтовок Гра, Гра-Кропачек и Веттерли. Распределение этих винтовок. Общее заключение о размерах помощи царской армии со стороны союзников.

Сентябрь месяц 1915 г. застал меня в районе XII армии, спешно формировавшейся для защиты подступов к Петрограду — сюда перебрасывались сильно потрепанные части для их приведения в порядок и укомплектования. Согласно распоряжению Управления начальника арт. снабжений армий Сев.-Зап. фронта мне пришлось срочно выехать в эту армию для осмотра оружия в войсках, его исправления и организации починочных мастерских.

Некомплект оружия в корпусах армии виден из следующей таблицы:

37 армейский корпус.	
79 пехотная дивизия (штат 14.400)—не достает до штата . .	11.272
1 отдельн. пех. бригада—не достает до штата	4.246
2 сибирский корпус.	
4 сибирская стрелковая дивизия—не достает до штата . .	7.489
5 „ „ „ „ „ „ . .	7.471
7 сибирский корпус.	
12 сибирская стрелковая дивизия—не достает до штата . .	2.263
13 „ „ „ „ „ „ . .	4.318
28 армейский корпус.	
60 пехотная дивизия—не достает до штата	10 621
3 стрелковая дивизия „ „ „ „	10.100

Итого некомплект винтовок: в войсках XII армии — 57.780 на 108.000 полагающихся по штату, т. е. 54%.

В Реммерсгофе — в штабе 2 сибирского корпуса — во время осмотра оружия в этом корпусе я получил телеграмму от начальника арт. снабжений с приказанием немедленно выехать в Петроград в ГАУ. На другой день я уже был на месте, причем из секретного пакета я узнал, что я назначен в состав миссии, едущей под председательством адм. Русина на конференцию союзников в Англию, созываемую для обсуждения различных вопросов по снабжению; от'езд миссии должен состояться на днях на английском крейсере, прибывающем за нами в Архангельск.

Инициатором созыва конференции союзников был фельдмаршал Китченер, который в особом письме на имя нашего военного министра указывал на пользу совместного обсуждения всех вопросов по снабжению армии предметами военного снаряжения; он обращал внимание на то, что только при личных словесных переговорах могут быть даны исчерпывающие об'яснения, а также, что при таком способе сношений можно будет избежать тех недоразумений, которые так часто случаются

теперь при письменных запросах, в особенности, когда они исходят из нескольких инстанций: от военного министерства, от ставки верховного главнокомандующего или от наших военных агентов, которые не всегда бывают в курсе всех потребностей русской армии.

Председателем миссии был назначен начальник морского генерального штаба вице-адмирал Русин, членами: от Главного инженерного управления ген. Савримович, от ГАУ — я, от действующей армии — ген. Кельчевский — командир одного из финляндских стрелковых полков, от канцелярии военного министерства — чиновник Терне, от морского генерального штаба — лейтенанты Романов и Любомиров.

Я знал, что главными вопросами, подлежащими обсуждению на конференции союзников, будут, конечно, вопросы артиллерийского снабжения, в котором так страшно нуждалась армия и которых не могла дать наша промышленность. Из письма маршала Китченера было видно, что требовались вполне компетентные люди, которые могли бы на месте самостоятельно разрешить все вопросы; из состава миссии, конечно, никто не мог мне помочь в моем деле: были три моряка, один чиновник, один инженер — специалист по заказам Главного инженерного управления, один офицер Генерального штаба, — я же никоим образом не мог себя считать компетентным по всем вопросам артиллерийского снабжения, — скажу даже больше, — кроме своего оружейного дела, я ровным счетом ничего не знал, да и не мог знать, находясь все время с самого начала войны в Японии, а затем на фронте. Знать все потребности армии, — начиная от орудий большого калибра и кончая телефонными станциями, стереотрубами или какой-нибудь капсюльной латунью для изготовления капсюлей для наших заводов, — конечно, могло только лицо, стоящее в центре всего снабжения.

Правда, мне была дана подробная ведомость с 27 названиями предметов, подлежащих заказу за границей, с краткими об'яснениями причин заказов, но все дело в том, что лицо, которое должно везти эту ведомость на конференцию, конечно, обязано было бы быть в курсе всего этого дела; это лицо должно было бы быть вполне компетентным, иначе лучше было бы отправить эту ведомость прямо по почте или с курьером. Но ведь не курьера же ждали англичане, ведь не надо же было забывать, что все это происходило в самые тяжелые моменты для армии, во время ее постоянных поражений.

Ведь нельзя же было относиться к конференции иначе, как с самой строгой серьезностью. Я никого не хотел осуждать, но полагал, что состав комиссии имеет безусловно случайный характер и совершенно не соответствует всей обстановке, которая сложилась для русской армии; я был на фронте, я знал в каком положении находится теперь армия и считал, что без помощи союзников ей вряд ли удастся самостоятельно подняться на ноги. Несмотря на мои искренние симпатии и глубокое уважение к А. И. Русину, я все-таки считал, что во главе миссии для помощи русской сухопутной армии никоим образом не мог быть поставлен моряк; кроме того, из восьми человек миссии только один, ген. Савримович — был служащий довольствующих учреждений по непосредственному снабжению армий.

Я, со своей стороны, никоим образом не мог на себя брать всю ответственность за это дело, в котором я не считал себя компетентным; к довершению несчастья, я совершенно не знал английского языка. Я решил чистосердечно переговорить об этом с начальником ГАУ, от ко-

торого, однако, получил категорический ответ, что послать никого другого, кроме меня, буквально, не представляется возможным.

К счастью, до от'езда оставалось еще несколько дней и я стал деятельно, не теряя ни одной минуты, готовиться к предстоящей миссии. Я знал, что до от'езда, конечно, не успею ознакомиться со всем делом, но я рассчитывал главным образом на время в пути; оставшимися же днями я решил воспользоваться для того, чтобы захватить все документы, которые могли бы мне понадобиться для разнообразных справок во время конференции. Первым делом я забрал все необходимые чертежи тех предметов, которые подлежали заказу, их описания, технические условия на прием; далее следовали доклады в различные наивысшие инстанции — в ставку, в Государственную думу, военному министру — о потребностях армии в орудиях разнообразного типа и калибра, боевых припасах, порохах, винтовках, патронах, дистанционных трубках, взрывателях, капсюльных втулках, лафетах, передках, патронных ящиках, дальномерах и т. д. и т. д., о степени удовлетворения этих потребностей, перечень заводов, которым был дан каждый определенный заказ, сроки исполнения заказов по контрактам, действительное поступление изделий и пр.; далее следовали различные справочные печатные издания ГАУ по всем вопросам материальной части артиллерии.

Так как начальники различных отделений были моими знакомыми по совместной службе в ГАУ, то, конечно, мне удалось получить все необходимые для меня сведения.

Моя жадность к различным сведениям и документам не имела предела и думаю, что я изрядно надоел своим сослуживцам по ГАУ, которые довольно недвусмысленно меня спрашивали, да когда же наконец придет злосчастный английский крейсер.

Через несколько дней мы выехали в Архангельск, куда и прибыли 6 октября 1915 г. Архангельск имел колоссальнейшее значение для армии в отношении снабжения ее предметами военного снаряжения, получаемыми из-за границы; трудно даже предположить, какой оборот приняла бы война, если бы у России не было этой гавани и железной к ней дороги. Правда, на несколько месяцев, ввиду замерзания берегов Белого моря и появления на нем льдов, сообщение с заграницей прекращалось (до проведения железной дороги на Мурманск), но тем не менее усиленная деятельность этого порта в остальное время с лихвой окупала все месяцы его простоя и бездействия.

К сожалению, необходимо сознаться, что Архангельск, как гавань, не был подготовлен, чтобы справиться с той задачей, которая выпала ему на долю; понадобилось несколько месяцев усиленной работы, чтобы этот город и, в особенности, его порт Бакарица превратился в тот кипучий муравейник, который поражал каждого приезжающего.

В начале октября 1915 г., когда наша миссия была в Архангельске, оборудование и расширение гавани еще не было закончено; ввиду неимения помещений, город, в особенности прибрежные улицы, были завалены привезенными материалами и предметами снаряжения; вся площадь около собора была полна громадных кругов колючей проволоки для устройства заграждений. Ген. Савримович говорил нам, что этой проволоки заказано такое количество, что ее хватило бы на все расстояние от земли до луны. Здесь же были нагромождены ящики с боевыми припасами — снарядами, порохом, лежали стеллажи с чушками свинца, слитками меди.

Колоссальнейшее впечатление производил сам порт — знаменитая Бакарица, лежавшая в нескольких верстах от Архангельска. На протяжении пяти верст вдоль берега уже успели срубить необ'ятное полотно пристаней для прибывающих пароходов. Обилие и близость леса значительно облегчали и ускоряли производство этой гигантской работы — целая сеть железнодорожных линий и веток пролегала вдоль пристани; здесь же была возведена уходящая вдаль линия складов, сараев, амбаров для хранения выгружаемых с пароходов предметов. Целые горы, в буквальном смысле этого слова, каменного угля лежали вдоль пристани; громадные ящики с различными станками для развития военных заводов, набросанные в хаотическом беспорядке, громоздились один над другим; из Америки уже стали прибывать винтовки системы Винчестера, снаряды для полевой артиллерии, шли громадные партии пороха; бесконечное количество ящиков с ручными гранатами посылала Англия и Франция, горы самых разнообразных металлов для нашей военной промышленности — свинец, медь, цинк, никель, олово, различные сорта стали — инструментальная, ленточная для винтовочных обойм, латунь ленточная для гильз; здесь же находились ящики с разнообразными инструментами, главным образом английского изготовления, шлифовальными кругами, наждачными изделиями.

Меня при этом больше всего интересовал один вопрос, а именно: насколько обезопасена Бакарица от возможности германского налета со стороны моря. Если в июле месяце 1915 г. германский минный крейсер «Метеор» проник до самого горла Белого моря и, расставив мины, безнаказанно скрылся, то что же могло воспрепятствовать повторить теперь тот же рейс, но уже в составе целой флотилии, чтобы затопить прибывшие пароходы, сжечь деревянные сооружения и взорвать колоссальные богатства заготовленных предметов снаряжения — хотя бы даже ценой потери нескольких судов.

Охрана всех необ'ятных водных пространств нашего севера лежала на одном военном судне — «Бакане», представлявшем, в виду своей устарелости, как мне говорили моряки, позор русского флота; имелись, кроме того, две подводные лодки и только что прибыл английский легкий крейсер «Ифигения», крайне незначительного тоннажа и слабого вооружения.

Вряд ли все это можно было считать достаточным!

Могли быть, конечно, и попытки порчи со стороны злоумышленников — германских шпионов — путем поджогов и взрывов. Пожары здесь были не редки и это заставляло принимать исключительные меры предосторожности.

Вскоре в Архангельск прибыл английский вспомогательный крейсер «Арлянца», на котором мы и тронулись к берегам Англии. Путешествие не обошлось без неприятностей: при выходе из горла Белого моря, — по которому мы ранее шли под конвоем идущих впереди тральщиков, — всего через полчаса после отбытия тральщиков, считавших, что далее океан уже свободен от германских мин, «Арлянца» своей носовой частью наткнулся на мину заграждения [1].

---

[1] Вскоре после от'езда тральщиков, находясь в столовой, мы услышали оглушительный треск — судно получило страшный толчок, сотрясаясь всем своим организмом. Мы поняли, что это был взрыв мины. Не теряя времени, мы бросились на верхний дек судна. Все трапы были переполнены бегущей толпой — общий водоворот увлек меня. С трудом я освободился от толпы, чтобы забежать в свою каюту; я надел пальто и спасательный пояс. На все я потерял, наверное, не более нескольких

Пришлось спасаться на шлюпках, а затем на подоспевшем к месту аварии небольшом грузовом пароходе, причем только через два дня нам удалось добраться до бухты Иоканки. В этой бухте миссии пришлось несколько задержаться до присылки из Англии другого крейсера, на котором мы и добрались до берегов туманного Альбиона. Вынужденная задержка в пути для меня была в высшей степени полезна, так как мне

минут. События происходили с головокружительной быстротой; на счету была каждая секунда. Когда я поднялся на верхний дек, где стояли шлюпки (человек по 20—25 каждая), большая часть из них была уже на воде, море было покрыто шлюпками, стремившимися как можно скорее отплыть от тонущего судна, чтобы не быть захваченными водоворотом при его погружении. Несколько лодок уже опрокинулось от волнения, тонущие люди взывали о помощи. Крейсер быстро погружался носовой частью, вздымая вверх свою корму. Когда я бежал по трапам на верхний дек, я опасался того, что по своей халатности я не узнал, в какую шлюпку я должен был садиться в случае крушения; я знал, что существовало определенное расписание, во избежание сумятицы и беспорядка при панике; в довершение несчастья, как я уже говорил, я не знал ни одного слова по-английски. Из всего того количества шлюпок, которые были на «Арлянце», оставалось еще всего две, спуском последней распоряжался молодой мичман. Я подбежал к нему — он знаком просил меня занимать место. В эту минуту на палубу вошел А. И. Русин — в его руках был маленький желтенький портфель с секретными документами, он забежал в каюту, чтобы захватить последние. Я крикнул ему, чтобы он скорее садился в уже спускающуюся шлюпку; быстро пожав руку капитану, он присоединился к нам.

Командир «Арлянца» — капитан Норис с бесстрастным, спокойным лицом наблюдал всю картину гибели крейсера, на его лице не отражалось ни капли волнения, то было олицетворенное спокойствие — он не имел права оставить судно; по бокам его стояли два старых матроса — два морских волка, добровольно оставшиеся при своем капитане. Я, как теперь, помню эту картину, картину дисциплины и преданности своему долгу. Рев гудка должен был вернуть к нам тральщиков, не успевших далеко от'ехать от нас. Наша шлюпка медленно спускалась с верхнего дека судна, до воды был довольно далекий путь при громадных размерах крейсера — высота его равнялась высоте трехэтажного дома. Вследствие бокового крена, борт шлюпки зацепил за борт крейсера, шлюпка опрокинулась боком — часть людей попадала в воду; с трудом было выравнено ее положение; между тем, оставшиеся люди продолжали выбегать на палубу, не видя шлюпок, — они прыгали к нам с самого верха, прыгали окровавленные, пострадавшие при взрыве — прыгали кочегары, почти голые, в одних брюках, с обнаженным телом выскочившие на ветер и стужу Ледовитого океана; матросы, спускавшие шлюпку, с одного конца не смогли выдержать силы прыгающих людей — шлюпка опять опрокинулась; она стала почти вертикально — опять некоторые люди, не успев удержаться, попадали в воду. Наконец, мы почувствовали себя на воде, — но это был еще не совсем конец. Из нижнего кингстона гибнущего судна потоком хлынула вода, заливая нашу шлюпку; несмотря на наши усилия, сильным волнением ее прибивало обратно к борту; к счастью, около нас было несколько пустых шлюпок, покинутых экипажем, которых волнение прибивало к гибнущему крейсеру. Одним налетом, как при абордаже, мы были в них, налегая изо всех сил на весла и стараясь, как можно дальше от'ехать и тем избежать водоворота. То был первый акт драмы, акт самый опасный, наиболее чреватый последствиями — детонации пороховых погребов не произошло, взрыва котлов не было— обстоятельства складывались в нашу пользу; нам предстояла лишь борьба с разбушевавшейся стихией в ста милях от берега. Не помню сколько прошло времени до подхода тральщиков; наши шлюпки, наперерыв, одна перед другой — окружали тральщиков, видя в них близкую помощь и свое спасение. Если тяжело было шлюпкам бороться с океанской волной и если гибелью грозило всякое неловкое ее движение, когда полуторасаженные волны океана могли легко захлестнуть утлую ладью, то еще труднее была борьба со стихией, чтобы перебраться со шлюпки на борт тральщиков. Подходить вплотную нельзя было, — волнение разнесло бы в щепы лодку о борт парохода, — волны то подымали шлюпку высоко над бортом, то низко опускали вниз; надо было ловить момент и эта ловля момента вероятно продолжалась довольно долго — вот нам удалось поставить шлюпку параллельно борту тральщика, в следующий момент волны подняли ее высоко вверх и в то время, когда обз борта были наравне, что вероятно продолжалось не более нескольких секунд, — часть из нас бросилась на тральщик, где десятки рук подхватывали и тащили нас к себе;

удалось изучить все собранные мною материалы и хотя немного подготовиться к ожидавшим меня обязанностям.

Конференция открылась 23 ноября приветственной речью английского министра снабжения Ллойд-Джорджа. Он, между прочим, указал, что «Англия[1] никогда не рассчитывала вести войну по масштабу континентальных армий. Ее первоначальное намерение было послать во Францию не более 6 дивизий. Ее армия теперь увеличилась с 200.000 до 2.500.000. Для нужд небольшого первоначального контингента войск — арсенала Вульвича было, конечно, достаточно, но для современной британской армии его совсем не хватает. Вследствие этого необходимо было создание большого числа новых заводов, причем частные технические фирмы были призваны к работе, с которой они, однако, не были знакомы. Это очень ограничило возможность подачи помощи союзникам, причем в отношении удовлетворения их нужд необходимо всегда иметь в виду то большое напряжение, которое было необходимо развить для собственной армии»...

Равным образом и делегат от французского правительства, министр снабжений Альберт Тома высказал, что «Франция была приготовлена ко всяким возможностям войны, но, однако, оказалась громадная разница между ее бывшими приготовлениями и теми усилиями, которые она призвана выполнять теперь для армии.

Эти усилия были сделаны под тяжестью нашествия, которое лишило ее двух самых важных промышленных провинций. Несмотря на это, производительность заводов по изготовлению орудий полевой артиллерии увеличилась в двадцать раз; что касается до ее тяжелой артиллерии, то она создана вся целиком сначала. Искренняя благодарность Велико-

---

так продолжалось несколько раз, пока шлюпка, покинутая экипажем, не была предоставлена произволу волн.

Небольшой пароход был переполнен спасшимися; на всей палубе стояли матросы, ежась и дрожа от холода, — дул пронзительный резкий ветер, летели хлопья снега, качка была невообразимая, так как все тральщики представляют собой мелкосидящие плоскодонные суда (чтобы было менее вероятности зацепить за мину).

Все шесть тральщиков подоспели к «Арлянцу» и продолжали спасать гибнущих людей.

Был момент, когда наш тральщик очень близко приблизился к другому — управление было сильно затруднено сильным волнением, океанская волна давала себя чувствовать — еще момент, и соседний тральщик своим высоко поднятым волною килем со страшной силой ударил в борт нашего — раздался треск и наше судно стало медленно погружаться в воду. Я сразу даже не заметил этой новой, по счету — третьей катастрофы — тральщик, погружаясь в воду, давал отчаянные тревожные свистки; соседний тральщик вплотную подошел к нам; как саранча, полезли мы на его борт, где нас так же, как и с шлюпки встречала массы приятельских рук.

Наше судно пошло ко дну в течение не более как пяти минут — настолько был силен удар по его борту и настолько, — вероятно, — старо было само судно: очевидно разошлась обшивка корпуса и образовалась громадная пробоина.

Вечерело, мрак сгущался, снег усиливался; в вечернем сумраке выделялась сильно накренившаяся черная громада «Арлянца»; дальнейшее погружение его в воду, как будто, прекратилось; очевидно, переборки выдержали и только часть судна была затоплена водой. Весь вопрос заключался теперь в том — выдержат ли и дальше переборки весь напор влившейся в крейсер воды или будет происходить дальнейшее постепенное его погружение.

Тральщики и часть шлюпок, на которых остались матросы, делали рейсы вокруг крейсера, не смея близко под'ехать к нему из боязни попасть в водоворот.

К вечеру, к месту аварии случайно подошел небольшой пароход «Нуово» в 7000 тонн водоизмещения, шедший в Англию с грузом леса. При помощи этого судна мы в течение двух суток тянули подорванный крейсер к берегу.

[1] Выдержка из стенограммы конференции.

британии за содействие, которое она оказала в снабжении материалом, сталью, бензолом и т. д. Но необходима еще большая работа, так как неприятель постоянно делает все новые и новые попытки в изыскании новых средств войны»...

После общего заседания начались отдельные совещания по фракциям в течение двух недель; почти ежедневно у нас были различные переговоры с военным министерством или у нашего представителя Э. Гермониуса, в его конторе.

Я невольно сравнивал все эти переговоры с теми, которые мы вели в Японии, когда мы по целым неделям ожидали ответа на наши ходатайства, где наши малейшие справки самого невинного содержания встречали постоянную отповедь, что это секрет. Английское военное министерство представляло в этом отношении полную противоположность. Оно немедленно решало все возбуждаемые нами вопросы. Характерным в этом отношении примером может служить наше заявление о необходимости заказать в Англии станки для нового патронного завода с производительностью до 50 миллионов патронов в месяц.

Мое заявление было подано утром. Вечером в заседании военного совета оно уже было рассмотрено. Приехавший с заседания английский полковник около 1 часу ночи об'явил мне о благоприятных для нас результатах совещания, причем мне было предложено в тот же день поутру — в 7 часов выехать на автомобиле на завод Гринвуда и Бетли и дать все указания о числе и типе всех необходимых для нас станков; мне была дана только одна директива, что сложных по конструкции, но зато и более совершенных станков английские заводы в настоящее время не могут изготовлять, так как даже для вновь строящихся английских заводов они применяют простейшие станки, которые можно было бы скорее изготовить и затем пустить производство в ход; сам был свидетелем, как на новых заводах вместо автоматических станков по снарядке патронов типа Карлсруэ применялась ручная насыпка пороха массой работающих женщин.

О результатах моей командировки в составе миссии адм. Русина, т. е. исключительно в отношении артиллерийского снабжения, мной по возвращении в Россию был представлен особый отчет, датированный 3 января 1916 г.

Полагаю, что этот отчет может представить интерес с исторической точки зрения ввиду следующих соображений:

1) он доказывает, насколько разнообразны и обширны были пожелания русского военного министерства, обращенные к правительствам тогдашних союзников;

2) он показывает, насколько подробно они изучали эти пожелания и как относились ко всем нашим нуждам и заявлениям;

3) он показывает, хотя бы отчасти, насколько велико было различие в технических средствах, которыми обладали союзники по сравнению с русской армией.

Относительно материальной части артиллерии и огнеприпасов считаю необходимым отметить следующие наши переговоры на конференции.

1. Винтовки в количестве 1 миллиона.
2. Винтовочные патроны в количестве 3-х миллиардов.

Относительно винтовок и патронов все производившиеся миссией переговоры и ходатайства как в Англии, так и во Франции выяснили, что английским,

французским и итальянским правительствами будет передано для русской армии следующее количество оружия.

1. От французского правительства

а) Винтовки Гра-Кропачек — 80.000, винтовки Гра — 280.000, винтовки Лебеля — 39.000 с 375 патронами на каждую винтовку. Часть этих винтовок и патронов уже отправлена [1], остальная находится в Бресте и будет отправлена в самом непродолжительном времени.

б) Винтовки Гра около 200.000 (вторая партия). Распоряжение о сборе этих винтовок уже сделано.

Кроме патронов для означенных винтовок, поименованных выше (по 375 на винтовку), обещаны следующие:

К винтовкам Лебеля. В январе и феврале 1916 г. — по 2 миллиона, в марте и апреле — по 4 миллиона, что совершенно удовлетворяет заявленную потребность в этих патронах, считая по 100 патронов в месяц на каждую из 39.000 винтовок этой системы.

К винтовкам Гра и Гра-Кропачек. Первые месяцы французскими патронными заводами будет изготовляться по 9 миллионов в месяц, приблизительно через три-четыре месяца количество изготовляемых патронов будет доведено до 18 миллионов и в непродолжительном времени до 30 миллионов, причем увеличение от 18 до 30 миллионов принято лишь при условии, что французские патронные заводы будут обеспечены необходимым количеством латуни распоряжением русского правительства.

Считая норму расхода патронов в месяц для однозарядной винтовки несколько меньшей, чем для магазинной, а именно — в 75 патронов, можно считать, что приблизительно к маю месяцу будут обеспечены патронами до 400.000 винтовок Гра.

2. От английского правительства

Будут переданы японские винтовки Арисака обр. 1905 г. в количестве 60.000 с тремястами патронов на каждую винтовку. Часть этих винтовок (30.000) уже отправлена, остальная будет отправлена в непродолжительном времени.

Кроме того, британским военным министерством уступлено 30.000.000 японских патронов, которые будут отправлены в Россию в течение ближайшего месяца.

Принимая во внимание значительное количество японских винтовок, состоящих на вооружении русской армии, — миссия особенно ходатайствовала об установке в Англии производства патронов для таких винтовок, причем минимальная норма была принята миссией в 45 миллионов в месяц на основании нижеследующих соображений.

В России имеется 385.000 японских винтовок и 15.000 карабинов, причем, однако, некоторый процент винтовок неизбежно должен был прийти в негодность или был утерян по условиям военного времени; кроме того, ожидается к постепенному поступлению из Японии в течение года 150 тысяч винтовок и 50 тысяч карабинов. Полагая, что в пехотные части будут переданы лишь одни винтовки, считая естественную убыль винтовок в 10% и рассчитывая патроны лишь на 100 тысяч винтовок нового заказа (т. е. прибывающих в Россию до осени 1916 г.), получалась минимальная цифра в 450.000 винтовок, на которые немедленно надо было заказать патроны. Средний ежемесячный расход патронов (на основании данных с начала войны до 1 сентября 1915 г.): 156 миллионов, считая приблизительно на 1,5 мил винтовок и значительное количество пулеметов, состоящих в армии, т. е. около 100 патронов на винтовку в месяц. Полагая, что цифра в 100 патронов не выражает истинной потребности, так как войсковым частям, вследствие недостатка патронов, приходилось соблюдать крайнюю экономию в их расходовании, следовало бы эту норму увеличить; принимая во внимание, однако, что пулеметов, стреляющих японским патроном, в войсках не имеется и что в Японии заказано 84.000.000 японских патронов, поступающих в течение года (7.000.000 в месяц), миссия сочла возможным определить минимальную потребность в японских патронах для заказа их в Англии по 100 патронов на винтовку в месяц, т. е. всего по 45 миллионов.

Британское военное министерство согласилось уступить часть производительности своих заводов для нужд русской армии, решив немедленно приступить к установке производства и рассчитывая сдать в марте 15 миллионов японских патронов, в апреле — 25 миллионов, а в мае увеличить выход до 45 миллионов патронов, как то ходатайствовала миссия. Чертежи и все необходимые сведения относительно главных данных патрона, а также раз'яснения по всем встретившимся вопросам относи-

[1] К моменту подачи моего отчета о командировке.

тельно пороха, давления пороховых газов, капсюля, желательных для английских заводов изменений в образце патронов, а также относительно обоймы даны миссией. Относительно обоймы при переговорах выяснилось, что, ввиду отличия японской пластинчатой обоймы от образца английской, можно ожидать задержек в изготовлении обойм. Тем не менее первые партии патронов решено послать даже без обойм при возможности заряжать магазины по одному патрону.

Ввиду того, что установка производства займет около трех месяцев, британское военное министерство решило начать переговоры с японским правительством о немедленном отпуске нам из боевых комплектов около 150 миллионов патронов, чтобы, таким образом, получить возможность сразу поставить в строй все имеющееся количество японских винтовок.

К моменту выезда миссии из Лондона был, однако, уже, получен ответ, из которого усматривалось, что японское правительство не соглашается на передачу патронов из своих боевых комплектов.

3. От итальянского правительства

Русской армии передаются магазинные итальянские винтовки системы Веттерли в количестве 500.000, из них 300.000 уже отправлены из С. Назера с 14.000.000 патронов.

Кроме того заключены следующие контракты на изготовление патронов к винтовкам Веттерли:

а) 1-й Бардалонский — на 50 млн. с началом сдачи в декабре 1915 г.,
б) 2-й Бардалонский — на 150 млн. с началом сдачи в августе 1916 г.,
в) американский — на 100 млн. с началом сдачи в январе 1916 г.

По поводу этих контрактов необходимо отметить, что американский контракт заключен только в ноябре 1915 г., а потому имеется сомнение, чтобы патроны могли быть пред'явлены к сдаче уже в январе месяце 1916 г.

Из изложенного видно, что тех патронов, которые передаются нам итальянским правительством, а именно 14 миллионов, а также тех, которые будут поступать на основании уже заключенных контрактов, — будет совершенно недостаточно для винтовок Веттерли. Ввиду этого миссия настойчиво ходатайствовала об установке в Англии производства патронов к этим винтовкам; старания эти, однако, не увенчались успехом.

В заключение о винтовках и патронах необходимо оговорить, что, если подсчитать все то количество винтовок, которое уже имеется в русской армии и уступается теперь английским, французским и итальянским правительствами, то получается довольно значительная цифра, но, к сожалению, к большей части этих винтовок не имеется надлежащего количества патронов.

Ввиду этого главное внимание миссии при всех переговорах и было обращено на необходимость заказать или добиться согласия на передачу некоторой части производительности заводов Англии и Франции для нужд русской армии.

Как велико общее количество винтовок, которое обещано союзными правительствами, а также и состоит в русской армии в настоящий момент, видно из следующей таблицы:

3-линейные, обр. 1891 г.	около 1 000 000
Веттерли	500 000
Гра и Гра-Кропачек	560 000
Лебель	39 000
Мексиканские Арисака	35 000
Японские	660 000 [1]
Австрийские (трофейные)	300 000
4,2-линейные Бердана	300 000
	3 594 000

[1] 400 тыс. экз. уже куплено, 200 тыс. экз. сдаются Японией, 60 тыс. экз. передаются Англией.

Из всех этих систем лишь одни 4,2-линейные системы Бердана, вследствие наличия к ним патронов с дымным порохом, что легко обнаруживает противнику расположение войск и дает возможность хорошо пристреляться его артиллерии, — не могут считаться вполне удовлетворительными, все же остальные, вплоть до однозарядных системы Гра, могут быть признаны подлежащими передаче на вооружение войск первой линии. Хотя винтовки Гра и Веттерли и имеют четырехлинейный калибр, но для них принят патрон с бездымным порохом, причем несколько меньшие их баллистические качества по сравнению с 3-линейным оружием не могут иметь особого значения, ибо стрельба редко теперь открывается далее чем на 800—1000 шагов.

Если иметь притом ввиду и состояние 3-линейных винтовок после года войны, а также тот факт, что для исправления их, вследствие крайнего недостатка в запасных частях, в передовых армейских мастерских приходится применять даже части, забракованные за небольшие отступления на наших оружейных заводах, то станет очевидным, что не будет особой разницы в состоянии винтовок прежних систем и тех новейших, которые состоят теперь на вооружении армии.

На основании изложенных соображений миссия при своих переговорах и старалась получить необходимое количество патронов для всех перечисленных выше систем, кроме берданок, независимо от их калибра, а также и системы магазина.

Для большей наглядности ниже приведены таблицы, из которых можно видеть, какое количество патронов и в какие сроки ожидается к получению от союзников на основании всех производившихся переговоров (для каждой системы винтовок в отдельности). [1]

Японские винтовки системы Арисака

Заказ / Месяц 1916 г.	Заказ, данный в Японии на 84 миллиона патронов, т. е. около 7 миллионов в месяц	Единовременный отпуск Англии: 30 миллионов, распределенных на 6 месяцев	Заказ в Англии, данный миссией	Итого	Количество боеспособных винтовок, снабженных патронами по 100 шт в месяц на каждую винтовку
Январь	7	5	—	12	120.000
Февраль	7	5	—	12	120.000
Март	7	5	—	12	120.000
Апрель	7	5	—	12	120.000
Май	7	5	15	27	270.000
Июнь	7	5	25	37	370.000
Июль	7	—	45	52	520.000
Август	7	—	45	52	520.000
и т. д.					

[1] Для доставки в Россию взят двухмесячный срок.

Французские винтовки Гра и Гра-Кропачек

Заказ / Месяц, 1916 г.	Заказ во Франции	Количество боеспособных винтовок, снабженных комплектом патронов по норме 75 шт. в месяц
Январь	9	120.000
Февраль	9	120.000
Март	9	120.000
Апрель	9	120.000
Май	18	240 000
Июнь	18	240.000
Июль	30	400.000
Август	30	400.000
и т. д.		

Французские винтовки Лебеля

В среднем будет доставляться по 4 миллиона патронов, что позволяет сразу поставить в строй все 39.000 винтовок этой системы.

Итальянские системы Веттерли

Контракт / Год и месяц	1-й Бардалонский контракт на 50 миллионов	2-й Бардалонский контракт на 150 миллионов	Американский контракт на 100 миллионов	Единовременный отпуск 14 миллионов, распределенных на 4 мес.	Итого	Количество боеспособных винтовок, считая по 100 патронов в месяц
1916 г.						
Январь	—	—	—	—	—	—
Февраль	2	—	—	3,5	5,5	55.000
Март	2	—	—	3,5	5,5	55.000
Апрель	4	—	—	3,5	7,5	75.000
Май	6	—	1	3,5	10,5	105.000
Июнь	10	—	2	—	12	120.000
Июль	12	—	4	—	16	160.000
Август	14	—	5	—	19	190.000
Сентябрь	—	20	8	—	28	280.000
Октябрь	—	20	10	—	30	300.000
Ноябрь	—	20	10	—	30	300.000
Декабрь	—	30	10	—	40	400.000
1917 г.						
Январь	—	30	10	—	40	400.000
Февраль	—	30	10	—	40	400.000

Что касается до патронов к остальным системам винтовок, то миссией велись следующие переговоры.

1. Патроны к мексиканским винтовкам системы Арисака. Так как к этим винтовкам подходят испанские патроны, принятые к винтовкам системы Маузера калибром 7 мм, то миссия ходатайствовала перед английским министерством о покупке в Испании необходимого количества патронов (по 100 патронов на каждую винтовку из общего количества 35.000 мексиканских винтовок). Ходатайство это, однако, не увенчалось успехом.

2. Патроны к австрийским винтовкам системы Манлихера обр. 1889 г. и обр. 1895 г. (из трофейного оружия). Миссия ходатайствовала перед английским министерством о размещении заказа на 200 миллионов таких патронов, однако, разместить этот заказ не удалось.

Наконец, что касается заказа станков для оборудования нового патронного завода, то решение о необходимости немедленного начала переговоров относительно этого заказа было принято миссией ввиду сознания невозможности снабдить все вновь заказываемые пулеметы достаточным количеством патронов, хотя русские патроны и изготовлялись теперь как на русских, так и на американских заводах (32.000 пулеметов с 75.000 патронов на каждый пулемет, а всего 2.400.000 патронов).

При определении минимальной производительности оборудования нового патронного завода в России была принята цифра в 2 миллиона в день, исходя из той производительности, к которой подходит по изготовлению патронов Петроградский патронный завод, являющийся наибольшим из всех патронных заводов в России.

Британское военное министерство согласилось приступить к спешному изготовлению станков, причем миссией был произведен выбор всех станков и заказано все необходимое их количество каждого сорта. Первая серия станков с производительностью в 20.000.000 патронов в месяц будет готова через 6 месяцев, вторая часть — через 8 месяцев, все же количество станков — через 10 месяцев со дня подписания контракта. Сдача отдельных станков будет начата через 3 месяца.

3. Пистолеты в количестве 1.000.000 с комплектом патронов по 250 штук на каждый.

4. Пулеметы 21.300 шт.

Из справки, данной Э. Гермониусом, выяснилось, что 100.000 пистолетов системы Браунинга с комплектом по 250 патронов на пистолет уже заказаны в Испании, на остальное количество никаких предложений не имеется.

Из раз'яснений, данных Э. Гермониусом, выяснилось, что еще до приезда миссии ему удалось разместить заказ на 32.000 пулеметов систем Максима и Льюиса по 10.000 штук каждой и Кольта 12.000 с запасными частями, т. е. — на количество большее, чем это требовалось.

5. 54 экз. 12-дюймовых гаубиц и

6. 43.200 выстрелов к ним фугасной бомбой.

При обсуждении вопроса об осадных гаубицах большого калибра Ллойд-Джорджем было указано, что английское министерство не сможет удовлетворить все запросы русского правительства в отношении орудий, а потому просит сообщить мнение миссии о том, в чем больше нуждается русская армия — в орудиях ли большого калибра или в несколько меньших калибрах, обладающих зато большею подвижностью. Миссией был дан ответ, что главная нужда русской армии заключается в увеличении количества орудий как полевой тяжелой артиллерии — 6-дюймовой и 42-линейной, так и полевых гаубиц калибром 48 линий, которых нужно всего заказать 1890 экз. (1400 — 48-линейных, 400 — 42-линейных и 90 — 6-дюймовых). Кроме того было указано, что в отличие от исключительно позиционной войны на западном фронте — действия русской артиллерии имеют маневренный подвижной характер, а потому и тяжелая артиллерия требуется для нее более легкая, меньшего калибра.

Ввиду означенного ответа, Ллойд-Джордж указал, что он надеется дать для русской армии значительное количество 45-линейных гаубиц английского образца с необходимым комплектом; что же касается до 12-дюймовых осадных гаубиц, то, ввиду неимения свободных заводов, которым мог бы быть дан заказ на орудия большого калибра, он считает невозможным дальнейший их заказ, кроме тех девяти гаубиц, которые заказаны заводу Виккерса и окончательная сдача которых произойдет в марте 1916 года.

7. 8-дюймовые осадные гаубицы в количестве 250 шт.

8. 250.000 к ним выстрелов фугасною бомбой.

9. 6-дюймовые полевые гаубицы в количестве 90 шт.

10. 90.000 к ним выстрелов фугасною бомбой.

Английское военное министерство предложило нам передать заказ на изготовление на американском заводе «Мидваль и К°» 200 гаубиц калибром 8 дм. и 200 калибра 6 дм., те и другие английского чертежа. Начало сдачи — июль месяц 1916 г. Вероятная производительность 15 экз. 8-дм. и 28 экз. 6-дм. в месяц.

По ознакомлении с чертежами выяснилось, что 8-дм. гаубица близко подходит к принятой в русской артиллерии. 6-дм. же значительно от нее отличается, имеет вес системы 240 пудов (руская — 150 пуд.) и перевозится тракторами.

Ввиду этого было признано возможным остановиться для заказа на образце английской 8-дм. гаубицы, что же касается до гаубиц калибра 6 дм., то для заказа было решено принять русский образец 1910 г.

Относительно боевых комплектов было решено просить британское военное министерство заказать для России по тысяче выстрелов фугасною бомбой на каждую гаубицу, как 8-дм., так и 6-дм. калибра. Что же касается всей прочей материальной части, то для 8-дм. гаубиц она будет заказана британским военным министерством, как это и обыкновенно бывает когда английское министерство заказывает или снабжает союзников орудиями своего образца, для 6-дюймовых же гаубиц ее необходимо будет заказать в России, кроме лафетов и передков, которые будут изготовлены вместе с гаубицами.

Ввиду крайнего недостатка в русской армии полевой тяжелой артиллерии, полной невозможности разместить эти заказы на других заводах, которые по заявлению британского военного министерства уже все использованы, невозможности, наконец, ввиду отказа завода принять частичный заказ лишь на те гаубицы, которые будут изготовлены до 1 января 1917 г. миссией было решено принять заказ на все количество 400 гаубиц, хотя бы изготовление их продолжалось и в 1917 г.

Во время пребывания миссии в Лондоне был получен, однако, ответ ГАУ, в котором это управление заявляло свое согласие лишь на заказ 90 экз. 6-дюймовых гаубиц

11. 42-лин. скорострельные пушки в количестве 400 штук.

12. 800.000 выстрелов к ним фугасною бомбой.

13. Шрапнели к 6-дм. гаубицам в количестве 100.000 шт.

14. 3-дм. горные пушки обр. 1909 г. в количестве 520 шт. с комплектом по 2000 выстрелов на орудие.

Французский министр Тома заявил, что французское военное министерство согласилось уступить России по одной 42-лин. пушке из каждых трех орудий такого калибра, изготовляемых на французских заводах, что составляет около 8 пушек в месяц.

При переговорах, производившихся во Франции, выяснилось, что в течение года будет всего сдано 108 пушек с необходимым количеством выстрелов.

Английское военное министерство согласилось на изготовление всего означенного выше количества снарядов, снаряженных порохом, но без трубок.

Относительно горных пушек был получен ответ, что принять заказ на это количество пушек не представляется возможным ввиду неимения свободных заводов, которым мог бы быть дан этот заказ.

15. 1400 шт. 48-линейных гаубиц с комплектом по 2000 выстрелов на орудие.

Британское военное министерство согласилось на передачу 300 полевых гаубиц английского образца калибром 45 линий со всей необходимой материальной частью, принадлежностью и боевым комплектом, но без пороха. Образец гаубицы вполне современный с компрессором и накатником. По главным конструктивным и баллистическим своим свойствам 45-линейная гаубица подходит к русской 48-линейной гаубице, не очень значительно отличаясь от нее. Вероятный срок сдачи: по 100 гаубиц в феврале, марте и апреле 1916 г.

Люльки с компрессорами, накатниками и прицелами:

16. 300 к лафету полевой пушки обр. 1909 г.

17. 200 — к лафету 48-линейной гаубицы обр. 1909 г.

18. Стереотрубы — 1800 штук.

19. 48-линейные шрапнели в количестве 301.500.

Английское военное министерство согласилось принять заказ на изготовление всего указанного выше количества люлек, но без прицелов, которые могут быть взяты от негодных пушек.

Из справки, данной Э. Гермониусом, выяснилось, что все количество стереотруб уже заказано.

Британское военное министерство согласилось на изготовление шрапнелей с порохом, но без трубок.

20. Взрыватели З. Г. Т. 2.000.000.

21. Взрыватели 4 Г. Т. 2.000.000.

22. Капсюльные втулки 10.000.000 шт.

23. 350.000 шт. ручных гранат.

Часть необходимого количества (по одному миллиону каждого сорта) взрывателей уже заказано Э. Гермониусом. Эти заказы размещены в Швейцарии, причем снаряжение их предположено во Франции, на что имеется согласие министра Тома, запрошенного по этому поводу в особом совещании с миссией.

Пять миллионов капсюльных втулок уже заказаны. Остальной заказ был отменен телеграммой ГАУ в виду размещения этого заказа в России.

Заказ на ручные гранаты дан. Заказ не встречает никаких затруднений.

24. Дымный порох в количестве 240.000 пудов.

25. Ртуть металлическая — 2000 пудов.
26. Толуол в количестве 180.000 пудов, т. е. 3000 тонн.
Порох и ртуть заказаны в требуемом количестве.
Необходимое для России количество толуола признано крайне значительным, причем британское военное министерство указало на невозможность снабжения нас толуолом в просимом размере.
27. Хлопковый материал в количестве 220.000 пудов.
Заказан в требуемом количестве.

В своем заключении к отчету я указывал, что «хотя по очень значительной части тех требований, которые были помещены в основной ведомости ГАУ, и удалось притти к некоторым соглашениям с соответствующими министерствами в Англии и во Франции, однако, в то же время нельзя не признать, что количество разных предметов вооружения и боевого снаряжения, которые обещаны России правительствами союзных наций, все-таки не покрывает громадных потребностей русской армии. Отсюда вполне естественен вопрос о том, можно ли рассчитывать на дальнейшую помощь в этом отношении и какие меры следует теперь же принять для того, чтобы будущие наши переговоры и сношения с союзниками имели бы своим следствием возможно больший успех для армии.

В этом отношении считаю необходимым высказать следующее:

Посещение некоторых патронных и оружейных заводов, ознакомление с данными, показывающими их производительность и особенно поездка на фронт французской и английской армий указала нам на крайнее обилие и богатство технических и материальных сил этих армий. Французы вправе говорить, что они мало-по-малу берут в этом отношении перевес над германской армией; они с гордостью указывали на то, что хотя немцы и готовились к войне, не покладая рук, в течение последних сорока лет, — но что в течение года войны, пользуясь затишьем, которое установилось на западном фронте, французы значительно развили свои технические средства. «На каждый немецкий снаряд, говорят они, мы выпускаем теперь пять своих, на каждый неприятельский аэроплан мы можем послать по крайней мере два аппарата».

О колоссальном количестве артиллерии, которая может быть сосредоточена французами на известных пунктах, свидетельствует цифра в 4.500 орудий (2.500 тяжелых и 2.000 полевых), сосредоточенных во время последнего наступления в Шампани и Артуа на фронте 50 км — т. е. возможность установить до 90 пушек на 1 км.

О количестве снарядов, которые имеют в своем распоряжении союзные армии, благодаря широкому развитию своих заводов, может служить показателем громадная цифра в 200 полевых и 100 тяжелых снарядов, которые выпускались ежедневно из каждого орудия во время последнего сентябрьского наступления.

Снабжение каждого французского корпуса 40 орудиями полевой тяжелой артиллерии [1], организация 20 полков (640 орудий) из орудий тяжелой крепостной артиллерии, перевозимых лошадьми и 5 полков орудий большого калибра (400 орудий), перевозимых тракторами, образцовая постановка артиллерийской стрельбы и управления огнем, обилие аэропланов с артиллерийскими офицерами-наблюдателями для корректирования этой стрельбы, обилие пулеметов — в среднем по 20 на фран-

[1] В России на всю действующую армию 76 42-линейных пушек и 164 6-дюймовых полевых гаубиц.

цузский полк 3-батальонного состава и такое же количество на 4 батальона английских бригад[1], — все это показывает, насколько богато снабжены союзные армии техническими и материальными средствами.

К такому же заключению приводит и осмотр некоторых их заводов, которые мне удалось посетить во время пребывания в Англии.

Союзники неизмеримо богаче нас техническими и материальными средствами. Все то, что удалось узнать из расспросов и увидеть собственными глазами при посещении как заводов, так и фронта расположения их армий, с несомненной очевидностью подтверждает это обстоятельство.

Если принять еще во внимание и громадные силы, сосредоточенные на значительно меньшем — по сравнению с русским — фронте, несколько большую легкость службы, благодаря возможности держать массу войск в резерве и, наконец, меньшие потери в личном составе при относительном затишье в течение долгих месяцев[2], то необходимо безусловно установить, что слишком неравно общее положение и те средства борьбы, которые находятся в распоряжении, с одной стороны — в русской, а с другой стороны — у союзных армий.

Полагаю, что при таком положении вполне естественна дальнейшая помощь со стороны Англии и Франции, причем для ведения в этом отношении соответствующих переговоров необходимо теперь же приступить к деятельной подготовке и сбору всех необходимых сведений для предстоящего с'езда.

Как это выяснилось во время поездки во Францию и Англию, союзники весьма детально изучают всякий вопрос, касающийся передачи различных технических средств, они просят при этом представить им полную картину всего положения в отношении того или другого предмета. Например, при переговорах о толуоле у нас запрашивались сведения о том, произведена ли у нас замена тротила для целей второстепенных другими взрывчатыми веществами, не требующими толуола, который в настоящее время весьма трудно достать.

При переговорах с французами о тяжелой артиллерии они спрашивали нас о том, что сделано в России с нашими орудиями, эвакуированными из крепостей, что вполне естественно, так как у них в отношении организации этой артиллерии на фронте сделано очень многое.

Все это показывает, что те лица, которым в будущем придется вести переговоры с британским и французским правительствами, должны обладать всеми необходимыми сведениями и не только в размере, предусмотренном в соглашении об осведомительном бюро и касающемся главным образом программы фабрикации различных предметов вооружения и всех необходимых для этой цели металлов и материалов, но также и о численном составе армии, числе призываемых, предполагаемых формированиях, количестве батарей орудий разных калибров, расходе патронов и т. д.

Обладание и знание таких сведений дает в руки безусловно большие основания для оценки общего

---

[1] В русской армии по штату 8 пулеметов на 4-батальонный полк—на самом же деле в полках состояло от 5 до 6 пулеметов ввиду утраты их во время войны.

[2] Доклад касался сравнительного положения сторон в 1915 г.

положения и правильного ходатайства о помощи со стороны союзников.

В пояснение скажу еще несколько слов по вопросу о винтовках.

Зная численный состав союзных армий, зная количество людей, подлежащих призыву, а также о намеченных еще формированиях, имея данные о ежемесячной средней утере ручного оружия, которая при позиционной борьбе на западном фронте должна считаться минимальной, о производительности их оружейных заводов — и сопоставляя затем эти цифры с соответствующими данными для русской армии, конечно, можно было бы представить ясную сравнительную картину общего положения и ходатайствовать в будущем уже на основании веских положительных данных о том или другом проценте вновь изготовляемых на их заводах винтовок, которые можно было бы ежемесячно передавать русской армии для вооружения громадного количества людей, еще подлежащих призыву; надо при этом принять во внимание еще и то обстоятельство, что во Франции в скором времени призыв таких людей совершенно прекратится, заводы же с прежнею интенсивностью будут изготовлять ручное огнестрельное оружие и патроны.

Возможно большая осведомленность лиц, ведущих переговоры по заказам за границей, необходима и ввиду тех причин, что им нередко придется брать на себя самостоятельное решение того или другого вопроса, не прибегая к сношениям с Петроградом. Как это выяснилось во время командировки, а также из заявления Э. Гермониуса, при громадных требованиях на разные предметы вооружения, материалы, металлы и станки, потребные для их изготовления, — во избежание возможности потерять предлагаемый товар или завод, или фирму, согласную взять заказ, зачастую требуются немедленные решения, при которых нет времени запрашивать Петроград; надо еще иметь ввиду, что благодаря ведению дела по снабжению армии несколькими учреждениями, указания из Петрограда получаются иногда не вполне определенные и даже противоречивые.

Для примера можно привести хотя бы происшедшее у нас недоразумение с заказом тяжелых снарядов.

В основной ведомости, данной миссии при отправлении из Петрограда относительно отдельных снарядов, не считая выстрелов, были приведены указания только об одних шрапнелях, а именно о необходимости заказа 301.500 шрапнелей для 48-линейных гаубиц и 100.000 для 6-дюймовых. Такое требование одних шрапнелей совершенно согласовалось с данными подробных ведомостей, взятых из соответствующих отделений ГАУ, из которых было очевидно, что нужда в гранатах незначительна и что русские заводы уже через два месяца смогут удовлетворить заявленные потребности; между тем, установка производства в Англии должна во всяком случае занять значительно большее время. По заявлению Э. Гермониуса гранаты не могли бы поступать ранее 1 апреля 1916 г. Ввиду этого на вопрос, поставленный миссии, нужно ли в настоящее время изыскивать способы разместить заказ на полтора миллиона гранат калибром 6 дюймов и 48 и 42 линий, данный еще в июле месяце 1915 г. и досих пор еще не размещенный в виду отсутствия свободных заводов, или же в настоящее время надобность в таком заказе уже миновала, миссией был дан ответ отрицательный, бывший в соответствии с полученными документами.

Через некоторое время Э. Гермониусом была получена телеграмма из Главного управления Генерального штаба, в которой указывалось, что раз'яснения, данные в Лондоне, являются недоразумением, что наоборот гранаты должны быть заказаны и что совершенно непонятно, как мог быть дан такой ответ. Ввиду этого наряд снова был дан. Затем, спустя некоторое время было вновь получено указание, но уже из Главного артиллерийского управления, что к апрелю месяцу все необходимое количество гранат будет в полной мере готовиться отечественными заводами, почему и надобность в заграничных поставках с этого времени отпадает.

Наконец, необходимо отметить, что наоборот заказ 48-линейных шрапнелей, данный согласно основной ведомости и всех вообще документов, имевшихся в распоряжении миссии, был затем отменен на основании телеграммы из Петрограда, так как оказалось возможным этот заказ разместить в России.

Надо при этом иметь в виду, что при выдаче наряда сейчас же принимаются соответствующие меры, переводятся инструкции и технические условия на английский язык, изучаются чертежи и т. д., а затем по отмене оказывается, что все эти предварительные работы производились совершенно напрасно.

Само собой разумеется, что все это весьма невыгодно отражается на успешности ведения всех переговоров с представителями британского и французского военных министерств; это обстоятельство кроме того вселяет крайнее недоверие как к нашим ходатайствам и просьбам, так и вообще к спешности тех мер, которые принимаются у нас для снабжения армии предметами боевого снаряжения.

При таком положении возможно полное осведомление тех лиц, которые будут командированы для ведения дальнейших переговоров, а также и наших представителей заграницей всеми необходимыми сведениями, в том размере, как это указано выше, является вопросом первостепенной важности.

В заключение считаю необходимым высказать, что закончившийся с'езд представителей союзных наций для решения различных вопросов по снабжению армий предметами боевого снаряжения был первым опытом в этом направлении. Даже при совершенно недостаточной подготовке к выполнению задач миссии — при неимении всех данных о положении французской и английской армий — с'езд этот все-таки дал очень многое — миссии удалось получить согласие на весьма значительное увеличение количества винтовочных патронов; к винтовкам Гра с 18 миллионов до 30 миллионов в месяц, что дает возможность поставить в строй до 400 тысяч винтовок этой системы, для 39.000 винтовок Лебеля обещан ежемесячный отпуск по 4 млн. патронов, удовлетворяющий нашу в этом отношении потребность, к винтовкам Арисака единовременно получено 30 миллионов патронов и, кроме того, получено согласие на установку к маю месяцу производительности до 45 миллионов, что равносильно поставке в строй 450 тысяч человек; в отношении артиллерии миссии обещана передача 300 гаубиц калибром в 45 миллиметров. Полагаю, что будущий с'езд, к которому надо теперь же готовиться, помимо непосредственной пользы в отношении дальнейшей помощи, кроме того способствовал бы и установлению бо́льшего доверия между союзными армиями, так как, с одной стороны, производящиеся переговоры и ознакомление их с нашим положением, выяснили бы англичанам и французам те громадные работы, которые приняты и принимаются у нас по

развитию отечественных заводов, с другой стороны, они показали бы, что при обоснованных ходатайствах, при выяснении союзниками полной картины всего положения с точными и подробными документами в руках, они скорее бы пошли на помощь в предоставлении русской армии тех или других технических средств, в обладании которыми они являются неизмеримо богаче нас во всех отношениях.

Предстоящий с'езд способствовал бы и большему единению между союзниками.

Если полное единение в вопросах стратегии с нанесением одновременного удара на всех фронтах является бесспорной истиной, то не менее важно и единение в вопросах снабжения, в особенности в настоящее время при затяжной войне и при колоссальном развитии значения всех технических средств борьбы с противником»...

Таков был мой отчет о помощи, обещанной русской армии союзниками во время конференции в ноябре 1915 г.

Какова же была эта помощь в действительности, много ли помогли союзники русской армии?

Обращаясь к детальному рассмотрению этого вопроса, необходимо отметить, что главные наши заявки, обращенные к конференции, касались следующих предметов материальной части: 1) артиллерийских орудий с выстрелами, 2) пулеметов и в) винтовок.

1. В отношении артиллерийских орудий — из шести наших заявок:

а) 54 — 12-дюймовых гаубиц,
б) 250 — 8-дюймовых гаубиц,
в) 90 — 6-дюймовых гаубиц,
г) 400 — 42-линейных пушек,
д) 1 400 — 48-линейных гаубиц и
е) 520 — 3-дюймовых горных пушек, —

две заявки на 8 и 6-дюймовые гаубицы были полностью приняты англичанами, две заявки на 42-линейные пушки и 48-линейные гаубицы были приняты с очень большим сокращением, а именно 108 пушек взамен 400 и 300 45-линейных гаубиц взамен 1400 и, наконец, в двух заявках было совершенно отказано. Обещание дополнительной поставки 45-линейных гаубиц в действительности оказалось только обещанием.

Общий результат, конечно, нельзя было считать для русской армии удовлетворительным тем более, что помимо полевых легких орудий, снабжение которыми было вполне налажено на отечественных заводах, русская армия терпела крайний недостаток в орудиях тяжелой и полевой тяжелой артиллерии, а также в полевых гаубицах.

2. В отношении пулеметов — все просимое нами количество было заказано, но сроки поставки оказались настолько длительными, что подавляющая часть пулеметов стала поступать на фронт лишь в 1917 г., когда фактически русская армия уже вышла из строя.

3. В отношении винтовок и патронов к ним помощь была безусловно очень существенной, но в действительности весьма значительной частью переданных винтовок, кроме 39.000 Лебеля и 60.000 Арисака, воспользоваться не удалось.

В отношении этих винтовок у нас происходили очень большие недоразумения.

Из отчета видно, что подавляющее количество передаваемых русской армии винтовок было прежних систем — 4-линейного калибра, — современных нашей берданке. Между тем наши винтовки системы Бер-

дана никуда нельзя было направить кроме глубокого тыла: стреляли они патронами с прежним дымным порохом — войска, вооруженные такими винтовками резко выдавали свое расположение, а потому неприятельской артиллерии было очень легко пристреляться по ним.

Составилось мнение, что союзники передают нам никуда негодное старье. Наш представитель во Франции ген. Жилинский на одном заседании заявил, что эти винтовки негодны, что произвело, конечно, крайне неблагоприятное впечатление на союзников, считавших, что они оказали действительную помощь русской армии — затянулась весьма неприятная переписка, причем нач. штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев принужден был указать, что «он не уполномачивал Г. Жилинского делать такое заявление», генерал же инспектор артиллерии к этому добавил: «А я тем паче...»

Все переданные союзниками винтовки 4-линейного калибра, — несмотря на то, что часть из них была магазинная, а именно все винтовки Веттерли и винтовки Гра-Кропачек, несмотря также и на то, что все они снабжались патронами с бездымным порохом — были назначены в тыловые части; само собой разумеется, что такого количества тыловых частей у нас даже не имелось и винтовки эти лишь напрасно загромождали артиллерийские склады.

Циркулярным распоряжением от 6 декабря 1915 г. за № 9734 ГУГШ было приказано:

«1. Все японские винтовки направить на северный фронт для постепенной выдачи — по мере накопления запасов патронов — на вооружение перволинейных частей войск; на этот фронт должны были быть переданы все японские винтовки, как прибывающие из Японии, так и уступаемые Англией.

2. Некомплект винтовок на западном и юго-западном фронтах покрыть 3-линейными винтовками, которые изъять из запасных батальонов в количестве 85.000, оставив у них лишь по 20 винтовок на каждую роту. Взамен же 3-линейных батальонам выдать винтовки Веттерли.

3. Винтовки системы Лебеля направить на кавказский фронт.

4. 100.000 винтовок систем Гра и Гра-Кропачек ($^1/_3$ первых и $^2/_3$ вторых) — выслать на западный фронт, где некомплект винтовок был наиболее значителен»...

С этим последним решением не согласилась ставка, почему громадное количество винтовок Гра и Гра-Кропачек также было направлено в тыловые части.

Таким образом, около миллиона винтовок, переданных союзниками и обеспеченных при том достаточным количеством патронов, — согласно последнему распоряжению не могло быть использовано русской армией.

Необходимо при этом отметить, что на это решение ГУГШ имела большое влияние надежда на своевременное прибытие 3-линейных винтовок, обр. 1891 г., заказанных в начале 1915 г. американским заводам Ремингтона в количестве 1.500.000 и Вестингауза — в количестве 1.800.000.

Эти заводы, однако, оказались самыми неисправными из всех, с кем приходилось иметь дело ГАУ, причем в течение всего 1916 г. ими было сдано крайне незначительное количество и то, главным образом, в конце года, тогда как согласно заключенным контрактам заводы эти должны были закончить всю поставку к лету 1917 г. — к этому времени ими было сдано всего около 350 000 винтовок.

При таких обстоятельствах изложенное выше решение о винтовках иностранных систем я не считал правильным, почему мною и была подана особая докладная записка, в которой я указывал на необходимость пересмотра вопроса и передачи винтовок Веттерли и Гра-Кропачек, а в крайнем случае и винтовок Гра на вооружение частей действующей армии.

В своей записке — помимо указания на то, что к старым иностранным винтовкам 4-линейного калибра приняты современные патроны с бездымным порохом — я обращал внимание еще и на следующее:

«Винтовки Гра должны уступать нашим магазинным 3-линейным винтовкам: 1) в отношении баллистических качеств и 2) в отношении скорострельности. Имеется также вероятность, что винтовки эти, как изготовленные в 70-х годах прошлого столетия и пробывшие долгое время на службе могут отличаться в худшую сторону и в отношении своего состояния и большей изношенности.

«Винтовка Гра по баллистическим качествам близка к нашей 4,2-линейной винтовке, она имеет начальную скорость 450 м/сек. при дальности прямого выстрела 360 шагов; при большом калибре убойная способность пули Гра должна быть значительнее, чем для 3-линейного калибра. Из всех баллистических качеств ружья наиболее важное практическое значение имеет дальность прямого выстрела, а также и вообще отлогость траектории, но, однако, вряд ли указанное выше понижение баллистики по сравнению с 3-линейным оружием может служить веским основанием для того, чтобы совершенно отказаться от возможности увеличения численности наших войск путем назначения винтовок Гра для вооружения пехотных частей армии. Что касается до остальных баллистических данных, то надо иметь в виду, что стрельба на дальние дистанции, как показал опыт войны, ведется сравнительно редко, а потому и меньшая прицельная дальность винтовок Гра не имеет особого значения; не имеет также практического боевого значения и несколько меньшая кучность боя этих винтовок, так как стрельба ведется по крупным целям, а не в точку; о том или другом среднем радиусе лучшей половины пуль можно говорить лишь в том случае, если имеются винтовки для выбора, а когда имеется лишь громадное количество безоружных и нет винтовок для их вооружения, то о некотором увеличении среднего радиуса говорить не приходится. Ведь принят же был остроконечный 3-линейный патрон вместо тупоконечного, несмотря на то, что кучность боя на близких, т. е. самых важных дистанциях, для первого была несколько хуже, чем для второго.

«Что касается до вопроса о скорострельности, то взамен 12 выстрелов в минуту из 3-линейной магазинной винтовки однозарядная допускает всего в среднем 7—8 выстрелов, но, однако, надо иметь в виду, что при остроконечном патроне наши винтовки — отчасти вследствие спешной отладки большей части винтовок в военное время, с другой же стороны, вследствие засорения и редкой чистки подающего механизма и паза для отсечки отражателя — дают задержки в очень большом количестве; на это обстоятельство обращалось особенное внимание войск в приказах по армиям северо-западного фронта. Были полки, в которых контрольный осмотр обнаруживал до 50% винтовок с неправильной подачей при стрельбе остроконечными патронами, причем неминуемым следствием этого явления было значительное понижение скорострельности оружия; такие винтовки в этом отношении близко подходили к однозарядным.

Действительные цифры военного времени весьма отличаются от теоретических, проставляемых в различных учебниках. При таких обстоятельствах нельзя считать винтовку Гра непригодной для пехотных частей и предназначать ее лишь для тыловых войск и учреждений; что же касается до винтовок Гра-Кропачек и Веттерли, то они представляют собой магазинное оружие и таким образом обладают хорошей скорострельностью».

Переходя затем к состоянию винтовок, я считал необходимым отметить, что «при недостатке оружия, а также и некоторых запасных оружейных частей, пришлось значительно понизить пред'являемые 3-линейным винтовкам требования. В передовых мастерских нельзя было браковать винтовки с небольшими раздутостями в дульной части стволов (из-за применения тряпочной затычки), иначе брак дошел бы до 10.000 в месяц на одни армии северо-западного фронта; приходилось разрешать опиливать раздутые стволы; никаких калибромеров при таких обстоятельствах применять не приходилось; ввиду недостатка штыков, допускались укороченные на 3 дм., вследствие отлома конца лезвия, а также с выхваченными гранями. Из передовых мастерских выпускались винтовки без ствольных накладок, без шомполов, без принадлежностей. Ложи склеивались, насколько это было возможно, была установлена склейка совершенно изломанных лож из двух кусков дерева.

«Если принять во внимание тяжелые условия службы наших винтовок в течение войны, то станет ясным, что нельзя пред'являть особо строгих требований к их состоянию и их изношенности и считать недопустимым, чтобы винтовки Гра, а тем более Гра-Кропачек и Веттерли, как изготовленные гораздо ранее 3-линейных, — не могли бы быть предназначены для вооружения пехотных частей»...

10 марта 1916 г. в ставке, куда я выезжал для доклада, последовало распоряжение нач. штаба верховного главнокомандующего, который приказал приостановить отправку винтовок Веттерли в запасные батальоны и сосредоточивать их в одном из артскладов для вооружения вновь формируемой особой резервной армии западного фронта в количестве 150.000 с запасом патронов в 225—260 на каждую и с обеспечением ежемесячной подачи таких патронов по 100 в месяц. Армия эта, однако, не была сформирована и винтовки Веттерли также не принесли пользы, не попав в действующие войска.

Необходимо при этом отметить, что к летней кампании 1916 г. некомплект винтовок в армии удалось значительно сократить. Этот некомплект всеми предпринятыми ГАУ мерами был почти изжит, причем в этом отношении, главным образом, помогли: а) указанная выше передача в войска Северного фронта японских винтовок, обеспеченных достаточным количеством патронов, изготовляемых английскими заводами; б) передача в войска 3-линейных винтовок из запасных батальонов, вместо которых были переданы винтовки Гра; в) увеличение производительности оружейных заводов, изготовлявших к лету 1916 г. до 100.000 винтовок в месяц; г) передача в войска юго-западного фронта трофейных австрийских винтовок, накопленных у нас в количестве около 300.000 экземпляров и обеспеченных как трофейными же австрийскими патронами, так и установлением производства в середине 1916 г. на Петроградском патронном заводе австрийских патронов в количестве до 25 миллионов в месяц.

Отсюда видно, что иностранные винтовки калибром 4 линии, уступленные союзниками после неудач русской армии в 1915 г. в количестве около миллиона, особой пользы не принесли — дальше тылов они никуда не попали. Помощь эта безусловно запоздала.

Вообще, как общее заключение о помощи русской армии со стороны союзников, я считал бы необходимым указать на следующее.

Прежняя Россия как страна по преимуществу земледельческая, конечно, не могла справиться своими силами со всеми вопросами снабжения своей армии в тех новых колоссальных нормах, которые выдвинула война; о размере этих потребностей никто не мог ранее предполагать и если бы и нашелся кто-либо, заявивший о таких возможностях, то конечно его сочли бы в то время безусловно психически ненормальным; ведь недельное производство различных предметов материальной части и огнеприпасов в Англии равнялось тому количеству, которое было заготовлено на всю войну.

При вновь создавшихся условиях царская Россия могла продолжать войну лишь при энергичной помощи в вопросах снабжения от своих союзников.

Приходится конечно признать, что военные заказы царской России в Японии, Франции, Англии и в особенности в Америке, достигли колоссальных размеров, но все эти заказы, во-первых, сильно запоздали и не могли принести надлежащей пользы армии, а во-вторых, в отношении размеров заказов и в особенности действительных поставок по некоторым главнейшим предметам вооружения они уступали в количестве продукции отечественным заводам. Достаточно отметить, что из числа 60 миллионов 3-дюймовых артснарядов, заготовленных во время войны, 48 миллионов были русского и лишь 12 миллионов заграничного производства. Колоссальные заказы винтовок американским заводам в количестве свыше 3 миллионов не были выполнены в срок и не принесли абсолютно никакой пользы, русскими же заводами было изготовлено во время войны 3.577.000 винтовок, громадные заказы пулеметов стали поступать лишь в 1917 г., т. е. уже после Февральской революции, когда Россия уже не могла продолжать войну и т. д.

Конечно, первой причиной этого явления был тот факт, что требования мировой войны показали полную ошибочность всех расчетов мирного времени не только царской России, но и всех государств, участвовавших в кампании, а потому в первую очередь — бывшим союзникам пришлось спешно налаживать снабжение своих собственных армий при мощном развитии их промышленности — эта задача была выполнена ими уже в 1915 г.

Причины недостаточности помощи царской армии надо искать, кроме того, и в несколько других обстоятельствах.

Первая моя командировка, как это сказано выше, была в Японию — здесь вопрос стоял в высшей степени откровенно, — даже мне, при моих крайних симпатиях к японскому народу, при моей доверчивости ко всем мерам, принимаемым японским военным министерством — мне казалось, что оказанная царской армии помощь никоим образом не соответствовала всем имевшимся возможностям. Крайнее затягивание передачи нам оружия и уступка при этом одних винтовок с очень незначительным числом патронов, т. е., строго говоря, отказ в действительной помощи был слишком откровенным выявлением отрицательного отношения японского правительства к России. Не в интересах японского

правительства было усиливать непосредственных соседей Японии, оказывая действительную помощь оружием в войну с Германией; совершенно другим явлением было желание поживиться на счет царской России на заказах, имеющих второстепенное значение.

Несколько другое мнение составилось у меня первоначально в отношении помощи от Англии — английское военное министерство отнеслось к нашим пожеланиям совершенно иначе, чем это было в Японии; мне казалось, что английские военные круги были заинтересованы в скорейшей организации русской армии к летней кампании 1916 г. и что ими принимались в этом направлении все меры, которые были возможны. Однако, ознакомление с обнародованными в настоящее время материалами и особенно с мемуарами Ллойд-Джорджа и с приводимыми им документами меняет и здесь всю эту картину и наносит решительный удар всем этим поверхностным впечатлениям.

Необходимо отметить, что в первый период кампании, примерно до конца 1915 г., царская армия почти не получала никакой помощи от союзников — помощь эта была во всяком случае столь ничтожна, что она не могла иметь абсолютно никакого влияния на положение русской армии в отношении недостатка винтовок, пулеметов и главным образом артиллерийских снарядов. Лишь с 1916 г. русская армия стала получать кое-что осязаемое от громадных богатств союзников; это было однако в тот момент, когда в России уже не было кадровой армии — подавляющее количество кадрового офицерства и хорошо обученных солдат уже полегло в боевых столкновениях. Мемуары Ллойд-Джорджа дают самый откровенный и при том исчерпывающий ответ относительно помощи английского военного министерства. Чтобы не быть голословным позволю себе процитировать некоторые выдержки из этого труда: «Горькие упреки,—говорит он на стр. 317[1],—удивленных английским равнодушием русских офицеров, солдаты которых погибали вследствие недостатка снаряжения, справедливы по существу. История пред'явит счет военному командованию Англии и Франции, которые в своем эгоистическом упрямстве обрекли своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских»... «Мы могли бы (стр. 318), не ограничивая наших собственных потребностей, вдвое увеличить число имевшихся в России средних и тяжелых снарядов и более, чем утроить их ничтожные запасы легких снарядов. Мы могли бы доставить русским необходимое число винтовок и несколько сот пулеметов для защиты их укрепленных позиций. Если бы Франция с своей стороны выделила бы хотя скромную часть своих запасов орудий и снарядов, то русские армии — вместо того, чтобы быть простой мишенью для Крупповских пушек, стали бы в свою очередь грозным фактором обороны и нападения»...

«Пока русские армии (стр. 333) шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды, как-будто это было золото и с гордостью указывали на огромные запасы, готовые к отправке на фронт. Я вспоминаю конференцию по вопросам военного снаряжения в Париже, на которой французские генералы со всей гордостью собственников, достигших зенита своего богатства, с увлечением приводили статистические данные о накопленных ими миллионах снарядов»...

[1] Ллойд-Джордж. «Военные мемуары».

«В ответ на каждое предложение (стр. 324) снабдить Россию огнеприпасами — французские и английские генералы заявляли в 1914, 1915 и 1916 гг., что им нечего дать и что уже посланное дано в ущерб себе»...

Таковы выдержки из труда Ллойд-Джорджа, причем, само собой разумеется, сразу же напрашивается вопрос, а что же сделал сам Ллойд-Джордж, с июня 1915 г. занимавший пост министра снабжения, а потому и наделенный большою властью и полномочиями. Ведь, какую власть имел в этом отношении Ллойд-Джордж, видно хотя бы из собственного его заявления о том, что требования на пулеметы, определенные Китченером в количестве 4 на батальон — самоличным приказанием Ллойд-Джорджа были увеличены до следующих размеров: «Возьмите максимум Китченера — 4 на батальон — возведите в квадрат, умножьте результаты на два и произведение снова на 2 на счастье (стр. 409)»...

Какой нищетой и каким убожеством представлялось мне артснабжение царской армии по сравнению с французской и английской армиями. Мне, побывавшему в 1915 г. на русском, французском и английском фронтах, легко было сделать это сравнительное заключение. Как прав Ллойд-Джордж, указывающий на колоссальность артснабжения английской армии, на ее громадные богатства в числе орудий, пулеметов, огнеприпасов и всех других средств истребления и утверждающий, что союзники могли легко помочь царской армии.

Каковы же были причины такого эгоистического отношения — конечно вряд ли они были те же, что и в Японии. Англии надо было сломить Германию, но затаенное недоброжелательство к царской России безусловно имелось.

Я позволю себе процитировать опять-таки выдержки из подлинных документов, которые приводит Ллойд-Джордж в своем труде и которые указывают отнюдь не на союзнические чувства английских деятелей к России, а именно выдержки на меморандума Вильяма-Робертсона (начальника имперского генерального штаба) от 31 августа 1916 г. (стр. 550). «В течение многих столетий — хотя, к сожалению, не всегда — целью английской политики было поддержание равновесия между континентальными державами, которые всегда делились на враждебные лагеря. Одно время центр тяжести европейской политики был в Мадриде, в другой период — в Вене, в третий — в Париже, в четвертый — в Петербурге. Мы разбили или помогли разбить по очереди каждую державу, которая претендовала на гегемонию в Европе; и одновременно расширяли собственную область колониального господства»...

«Если мы должны поддерживать европейское равновесие, то отсюда следует, что мы заинтересованы в существовании сильной державы центральной Европы и этой державой должно быть германское, а не славянское государство, так как последнее всегда будет тяготеть к России; тем самым Россия приобретет господствующее положение и таким образом будет уничтожен принцип, который мы стремимся сохранить. С другой стороны, поскольку Германия является нашим главным европейским соперником на морях, для нас было бы выгодно заключить такие условия мира, которые приостановили бы развитие германского военного и торгового флота. Другими словами в интересах британской империи надо было бы сохранить Германию в качестве сильной сухопутной и слабой морской державы»...

«Сильная Германия на суше будет ограничивать силы России и славянских государств, а на море помешает превратить Средиземное море во Французское или Итальянское озеро»...

Таковы были затаенные мысли во время войны английских военных деятелей, занимавших высшие ответственные должности.

Несмотря на союз с Англией, Францией и Японией, несмотря на общие задачи, которые были у держав Антанты в войне с Германией — Россия была одинока и должна была катастрофу с недостатком вооружения изживать, главным образом, своими собственными силами. Взаимные противоречия капиталистических держав были временно смягчены предвоенными договорами, но они никоим образом не могли быть устранены полностью.

ГЛАВА 5

Неудачный исход летней кампании 1915 г. как следствие недостатков в снабжении. Назначение нач. ГАУ А. А. Маниковского. Изменение директив в отношении снабжения. Работа наших оружейных и патронных заводов и дальнейшие заказы за границей. Улучшение положения русской армии в отношении снабжения к лету 1916 г. Деятельность А. А. Маниковского в отношении нового строительства военных заводов по опыту мировой войны. Сравнение с положением английской армии.

В начале мая 1915 г. — после Горлицкого прорыва расположения III русской армии ген. Радко-Дмитриева, произведенного армией Макензена, и после постепенного отхода русских войск из передового театра войны с очищением всех завоеванных от Австро-Венгрии территорий — высшим командованием было признано, что основной причиной всех неудач русской армии являются недостатки в ее снабжении. 27 мая 1915 г. начальник ГАУ Д. Кузьмин-Караваев был отстранен от занимаемой им должности с назначением на его место А. А. Маниковского. Конечно, Д. Кузьмин-Караваев абсолютно не был виноват в происшедшей катастрофе, так как, за весьма редкими исключениями, все положенное по штатам Мобилизационного комитета имелось в наличии и русская армия была подготовлена к мировой войне во всяком случае лучше, чем когда-либо за все предыдущие войны; однако положение армии в отношении снабжения требовало назначения на пост нач. ГАУ человека с колоссальной кипучей энергией и исключительными способностями, который мог бы вывести все дело снабжения оружием и огнеприпасами из того положения, в котором оно находилось, вследствие ошибочности первоначальных основных расчетов о запасах оружия ГУГШ и его надежд на непродолжительную войну.

Пользуясь громадным авторитетом в высших военных кругах, А. Маниковский брал все решения на одного себя, он смаху разрубал все встречавшиеся препятствия своими быстрыми и энергичными приказаниями. При том режиме, при котором мы жили тогда, мы все были опутаны целым рядом инстанций, надо было обо всем запрашивать целый ряд других органов, — ведь ГАУ было лишь исполнительным аппаратом, — все решения преподносились ГУГШ и ставкой — я помню мою временную деятельность по заведыванию оружейным снабженческим отделением во время войны: согласно категорическому распоряжению ГУГШ мы не имели права распоряжаться ни одной винтовкой; ответчиком же во всем и всегда было ГАУ — здесь же развивали свою связующую деятельность всякие контролирующие инстанции. Это слишком подробно описано в посмертном капитальном труде А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» — здесь не место вновь говорить об этом.

А. Маниковский обладал всеми — буквально всеми — качествами для идеального начальника. Своей прямотой, сердечностью и приветли-

востью он привлекал к себе своих сотрудников и помощников — при нем легко работалось, он заставлял работать не покладая рук — лишь своим примером и своим обращением с подчиненными.

Во время войны он приходил на службу в ГАУ раньше всех, в 7—8 час. утра; когда уборщики еще только подметали помещение и стояла пыль в коридорах, он уже работал в своем кабинете. А. Маниковский указывал, что это было единственное время, когда он мог спокойно заниматься своими делами, не отвлекаемый постоянными докладами и посетителями.

Далекое предвидение, способность быстро разбираться во всяком запутанном деле, смелость в решениях, которые он брал на себя, энергия в их проведении, исключительная трудоспособность и привлечение к себе всех сотрудников сердечностью и прямотой своего к ним отношения — были основными качествами этого выдающегося человека, так безвременно и трагически погибшего при железнодорожной катастрофе осенью 1920 г. Его любимыми словами было изречение: «Промедление смерти подобно», — его кипучую деятельность более всего характеризуют слова, поставленные у меня эпиграфом к моему труду: «Стремительность на войне является истинной осторожностью, а обычная осторожность на войне — преступна» [1]...

А. Маниковский не только поднял дело артиллерийского снабжения русской армии, но он стремился в корне уничтожить и всякую возможность повторения в будущем того кошмара, который пережила русская армия в 1914—1917 гг. — им лично была разработана грандиозная программа строительства военных заводов, которую он и хотел провести в жизнь, не теряя ни одной минуты, — пока была свежа память о катастрофе, пережитой армией, — стремясь ковать железо, пока оно горячо.

Сообразно изложенному и настоящий очерк приходится подразделить на две части: первая — очерк деятельности военных заводов по снабжению армии и вторая — очерк по строительству новых заводов согласно плану А. Маниковского.

С момента назначения А. Маниковского, т. е. с весны 1915 г., в корне изменились и прежние директивы — в высших военных кругах было понято, что война будет затяжная и что в вопросах снабжения приходится итти не только на приобретение готового оружия и на заказ его на г о т о в ы х имеющихся заводах, но и на постройку совершенно новых заводов с риском длительного развития производства. Со всякими соображениями о молниеносности войны было окончательно покончено — предстояла затяжная война на истощение. Небезынтересно при этом отметить, что из всех военных деятелей мировой войны, занимавших высокие ответственные должности, лишь один Китченер с самого начала военных действий указывал на их продолжительность; он правильно оценивал силы Германии и не считал вероятной возможность одержать быструю и решительную победу над немецкими армиями. Кит-

---

[1] Если бы было необходимо составить формулу для определения способностей, характеризующих идеального начальника, то я считал, что в эту формулу надо было брать основные элементы характера А. Маниковского, вроде, например, следующей Х = У.С.Т.Э, где У — умственные способности и широта взглядов, С — сердечное отношение к подчиненным, Т — трудоспособность, а, следовательно, и основательное изучение каждого вопроса, Э — смелость в решениях и энергия в их проведении и т. д.

А. А. Маниковский говорил мало, хотя и был выдающимся оратором — его выступления отличались необыкновенным энтузиазмом и горячим призывом к присутствующим.

ченер предугадывал войну на истощение, продолжительность которой можно было бы до некоторой степени определить расчетами и предполагал ее окончание лишь в 1917 г.

Прежде всего, Маниковский решил обеспечить заводы, работающие на оборону, необходимым личным составом; он указывал, что артиллерийским академикам и инженерам не место в армии, что они должны быть немедленно отозваны с фронта на заводы, где их служба армии будет более полезна. По общей мере осенью 1915 г. я был отозван с фронта, но первоначально попал в командировку в Англию и Францию, как это указано выше, и лишь в последних числах декабря я вернулся в ГАУ и был назначен помощником начальника оружейных, патронных и трубочных заводов, которым был в то время М. Н. Орлов, один из ближайших сотрудников Маниковского.

Положение с артснабжением в это время под руководством бывш. нач. ГАУ Д. Кузьмина-Караваева уже несколько улучшилось. Деятельность заводов военной промышленности хотя и постепенно, но неуклонно все более и более развивалась.

Считая необходимым сказать несколько слов о деятельности оружейных и патронных заводов, я затрону этот вопрос по следующему плану:

1) на какую максимальную производительность были при постройке рассчитаны наши заводы,

2) выполнены ли были требования ГУГШ о заготовлении мобзапасов оружия и патронов на случай войны,

3) как работали заводы во время войны — их военная производительность и

4) выполнены ли были заводами новые требования, поставленные ставкой на основании опыта мировой войны.

I. Винтовки

1. Оружейные заводы, которых имелось в то время три, были рассчитаны на следующую максимальную производительность: первый — пасы винтовок, кроме некоторого количества карабинов и пулеметов — к моменту об'явления войны были налицо.

2. Что касается второго вопроса, то в главе о подготовке армии к мировой войне было уже подробно освещено, что все положенные запасы винтовок, кроме некоторого количества карабинов и пулеметов — к моменту об'явления войны были налицо.

3. Относительно требования сдавать с момента мобилизации по 2000 винтовок в день, т. е. 50—60.000 в месяц [1], то, как видно из помещенной ниже таблицы (приложение № 2), показывающей работу оружейных заводов, это требование было выполнено лишь на 9-й месяц, если же считать кроме новых и исправленные винтовки, то уже на 2-й. К 1 января 1916 г. заводы увеличили свою производительность до 90.000 в месяц. Годовая производительность за 1916 г. по сравнению с программой 525.000 возросла в 2½ раза, достигнув цифры в 1.320.000 экз., т. е. около 110.000 винтовок в месяц. Оружейные заводы ко времени назначения А. Маниковского уже пережили те недочеты, которые обнаружились при требовании в июле 1914 г. наискорейшего развития производ-

[1] Считая соответственно по 25 или по 30 рабочих дней в месяце.

ства до размеров поставленной ГУГШ нормы со сдачей 2000 винтовок в день, т. е. 700.000 винтовок в год при работах без перерыва, без праздничных дней. Необходимо отметить, что заводы не были заблаговременно подготовлены к такой усиленной работе — на заводах не была продумана вся надлежащая организация этого дела с дополнительной подготовкой запасов инструмента, калибров, металла, болванок для ложи и т. д. Постановление о таком расширении заводов последовало только 24 июня 1913 г.[1] — строительный сезон этого года уже был упущен, но тем не менее нельзя закрывать глаза на это громадное упущение. Необходимо признать, что это упущение всецело зависело от ГАУ, все же другие причины, так ослаблявшие деятельность заводов, не могут быть поставлены в вину этому учреждению; сюда надо отнести призыв рабочих при мобилизации в войска и отказы на неоднократные ходатайства ГАУ о возвращении на заводы взятых квалифицированных рабочих; такой же отказ последовал и на внесенный в Совет министров еще в самом начале войны доклад ГАУ о переводе всех казенных заводов, работающих на оборону на особое положение, причем рабочие этих заводов должны были считаться как бы мобилизованными. Ходатайства эти возобновлялись три раза: в сентябре и декабре 1914 г., а также в феврале 1915 г. и каждый раз с тем же успехом. Какое различие было в этом отношении с Германией, где при общей мобилизации государства часть призванных шла в войска, чтобы с оружием в руках двигаться к границам, другая же часть шла на мобилизованные заводы, чтобы готовить оружие для своих товарищей[2].

4. Однако, все успехи оружейных заводов, увеличивших за 1916 г. свою производительность в 2½ раза по сравнению с программной, конечно, не могли удовлетворить всех потребностей армии; на одну потерю и убыль требовалось 200.000 винтовок в месяц, не считая значительных единовременных требований. Необходима была постройка новых заводов и помощь союзников.

II. Пулеметы

1. В отношении изготовления пулеметов имелся только единственный соответствующий отдел одного из оружейных заводов, который был рассчитан всего на изготовление 700 пулеметов в год.

2. Ввиду недостатка денежных средств, снабжение русских армий пулеметами согласно расписанию 1910 г. в количестве 4.990 пулеметов было рассрочено на несколько лет и должно было быть закончено только к 1 января 1915 г., что и было выполнено заводом. Однако, к моменту об'явления войны имелось в наличии всего 4.157 пулеметов — не хватало 454 пулеметов в запас и 379 экземпляров для пехотных полков второй очереди.

3. Деятельность пулеметного отдела вышеупомянутого оружейного завода во время войны видна из следующей таблицы[3].

---

[1] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 83.

[2] М. Павлович. «Мировая война», стр. 94.

[3] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 91.

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
В январе	72	216	560	1.200
„ феврале	40	224	624	1.004
„ марте	68	232	752	1.200
„ апреле	48	256	752	1.116
„ мае	48	301	800	1.160
„ июне	48	340	904	960
„ июле	32	366	1.000	740
„ августе	112	412	1.080	740
„ сентябре	176	440	1.120	880
„ октябре	176	472	1.136	1.040
„ ноябре	192	488	1.144	940
„ декабре	172	504	1.200	440
Итого	1.184	4.251	11.072	11.420

А всего . . . . . 27.927 пулеметов

Пулеметный отдел в 1916 г. увеличил свою программу слишком в 15 раз по сравнению с первоначальной расчетной мощностью.

4. Но, конечно, и такой успех не мог удовлетворить потребности армии в пулеметах, которые росли во все время войны в увеличивающейся прогрессии.

В апреле 1915 г. ГАУ по собственной инициативе возбудило вопрос об увеличении числа пулеметов на пехотный полк до 16, т. е. о сформировании второй команды, что было утверждено ГУГШ в мае месяце 1915 г. — новая норма определяла месячную потребность в пулеметах в 800 экз., в августе того же года было решено снабдить каждый пехотный, кавалерийский и казачий полк еще одной пулеметной командой из 8-ми пулеметов, т. е. для 872 полков (616 пехотных, 79 кавалерийских и 177 казачьих) требовалось 6.976 пулеметов; кроме того, последовало распоряжение об отпуске 180 запасным батальонам по 4 пулемета, в 10 запасных кавалерийских полков — по 2 пулемета, в 60 запасных казачьих сотен — по 2 пулемета на каждые 6 сотен и на 19 военных училищ и 24 школы прапорщиков — по 4 пулемета на каждое, а всего 932 экземпляра; кроме того, 50% в запас на все число пулеметов.

Всего требовалось 12 039 пулеметов.

Далее, 12 сентября 1915 г. последовало приказание военного министра о снабжении армии пулеметами по норме 2 пулемета на роту, т. е. 32 на полк.

На основании всех этих требований был составлен следующий окончательный расчет[1] о потребности в пулеметах:

а) для снабжения 616 пехотных полков 2-мя пулеметами на роту и 256 кавалерийских и казачьих полков по 8 пулеметов на полк за вычетом состоящих на вооружении 2.196 пулеметов требуется	19.564 пулемета
б) для снабжения 180 запасных батальонов	720 „
в) 50% в запас	10.886 „
Всего	31.170 пулеметов

[1] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии» в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 93.

Это количество за вычетом производительности пулеметного отдела и было внесено в ведомость заказов, данных мне при отправлении на конференцию в Англию в конце 1915 г.

Конечно, несмотря на усиленную деятельность пулеметного отдела справиться с удовлетворением таких норм без помощи союзников и без постройки новых заводов представлялось невозможным.

III. Ручные пулеметы

Несмотря на то, что война выдвинула на первое место этот тип оружия, недостаток ручных пулеметов или ружей-пулеметов в русской армии был одним из слабых ее мест. Из числа заказанных заграницей пулеметов к ним можно было отнести лишь пулеметы Льюиса в количестве 11.000 (10.000 заказанных заводу Соваж и 1.000 заводу Бирминаль), а также — ружья-пулеметы Шоша, обещанные французским правительством в количестве 20.000. Но эти пулеметы, главным образом, стали поступать лишь в 1917 г. На конференции союзников по снабжению, состоявшейся в январе 1917 г. в Петрограде, ставкой Главкома была заявлена потребность в снабжении армии по 8-ми ручных пулеметов на роту, т. е. по 128 на пехотный и по 36 на кавалерийский полк и 10% в запас, а всего 110.000 ружей-пулеметов. Из числа этой потребности было лишь заказано в конце 1916 г. 15.000 ружей-пулеметов Мадсена и 15.000 автоматов В. Федорова (подробнее смотри ниже), — но ни те, ни другие во время войны изготовлены не были, причем упомянутая выше норма была постепенно снижена до 4-х и даже до 2-х пулеметов на роту. Никаких других заказов нигде разместить не удалось.

Снабжение русской армии ручными пулеметами выполнено не было.

IV. Винтовочные патроны

1. Относительно патронных заводов необходимо отметить, что для удовлетворения потребностей армии в России было два казенных патронных завода и один частный — заводы были рассчитаны на производительность: первый казенный 200 миллионов патронов, второй — 150 миллионов и частный — 200 миллионов, а всего 550 миллионов патронов в год.

2. Согласно заданиям ГУГШ, а именно мобрасписания 1910 г. — всего должно было состоять 2.745.774.546 3-линейных патронов — имелось же их к моменту об'явления войны 2.446.000.500 шт., т. е. не хватало около 30.000.000—11%. Нехватка патронов всецело об'яснялась неотпуском соответствующих средств; дело в этом отношении доходило до того, что в 1910 г. по настоянию министра финансов из кредита, уже отпущенного, после всех урезок, на заготовление запасов патронов, была вычтена сумма в 3.000.000 рублей на заготовление запаса материалов заграничного изготовления для возможности работы артзаводов во время войны на случай закрытия западной границы. Нач. ГАУ Д. Кузьмин-Караваев этот недостаток ружейных патронов выставлял как причину неготовности к войне, он указывал, «что артиллерийское ведомство отчасти закончило, отчасти подходит к завершению своей работы по доведению запасов всех главнейших предметов вооружения: ружей, полевых орудий — легких, горных, гаубичных и тяжелых, — с их боевыми

комплектами, пулеметов, ручных гранат, но для достижения установленного запаса ружейных патронов надо было ждать конца 1915 г.»[1]. Требуемые ГАУ ассигнования на доведение запаса 3-линейных патронов до норм ежегодно сокращались министром финансов. Необходимо, кроме того, отметить, что в 1910 г. был произведен отпуск патронов Болгарии — 50 миллионов, Черногории — 21 миллион, Монголии — 9 миллионов и в начале войны Сербии — 200 миллионов.

3. Как работали патронные заводы во время войны видно из таблицы, помещенной в приложении № 3.

Из этой таблицы видно, что в 1916 г. патронные заводы увеличили почти в 3 раза свое программное задание, причем максимальная производительность во время войны была достигнута первым казенным заводом в октябре 1916 г., сдавшим 59 миллионов патронов, вторым в ноябре 1916 г. со сдачей 60 миллионов и частным — также в ноябре со сдачей 32 миллионов, а всего около 150 миллионов патронов в месяц и 1.481.861.000 патронов за 1916 год.

4. До месячной нормы, назначенной в это время ставкой, а именно 200 миллионов, патронным заводам, таким образом, нехватало 50 миллионов, что и заставляло также обращаться к помощи союзников и к постройке новых заводов.

Необходимо, кроме того, отметить, что указанная выше норма в связи с увеличением числа пулеметов возросла с января 1917 г. до 350 миллионов в месяц, причем в это количество не входили также громадные требования на иностранные патроны — австрийские — 25 миллионов, японские — 45 миллионов и другие — для обеспечения патронами тех многочисленных заграничных систем, которые в это время состояли в русской армии: японские — Арисака, французские — Лебеля, Гра и Гра-Кропачек, итальянские — Веттерли, английские — Льюиса (пулеметы) и трофейные — австрийские Манлихера.

Таково было положение оружейных и патронных заводов в отношении их производительности, а также размеры вновь установленных потребностей, заявленных ставкой на основании опыта мировой войны и подлежавших удовлетворению военными заводами.

Каковы же были результаты усиленной деятельности заводов по снабжению армии?

I. Прежде всего необходимо отметить улучшение положения к весне 1916 г. в вопросе о винтовках.

В связи с усилившейся деятельностью оружейных заводов, а также с помощью союзников (главным образом винтовки Арисака) — громадный некомплект винтовок, образовавшийся в 1915 г., был значительно уменьшен.

Русская армия, разгромленная, но не уничтоженная, в 1916 г. вновь стала представлять собой некоторую силу, как это можно видеть из нижеприведенных таблиц:

---

[1] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 108.

Состав армии к 1 января 1916 г. [1]

		Фронты				Итого
		Северный	Западный	Юго-Западный	Кавказский	
офицеры	По штату	20.424	32.748	30.674	8.452	92.298
	По списку	28.616	47.635	42.733	11.169	130.153
	На лицо	19.752	29.975	29.820	8.488	88.035
чиновники	По штату	9.422	14.680	17.210	3.638	44.950
	По списку	9.866	14.409	19.211	4.722	48.208
	На лицо	8.791	12.668	17.198	3.249	41.826
солдаты	По штату	1.061.510	1.727.701	1.579.000	477.154	4.845.365
	По списку	1.621.333	2.742.501	2.649.000	620.261	7.653.095
	На лицо	1.247.838	1.980.054	2.021.000	502.763	5.751.655
лошади	По штату	323.437	595.080	510.000	137.473	1.565.990
	По списку	317.114	587.061	524.000	140.778	1.568.953
	На лицо	298.054	565.895	508.000	133.838	1.505.787

Состояние винтовок на 1 января 1916 г. на всех фронтах, — кроме Кавказского, — видно из следующей таблицы [2]:

	Фронты			Итого
	Северный	Западный	Юго-Западный	
По штату	400.874	842.325	605.642	1.848.841
Состоит	290.118	601.327	606.064	1.497.509
Некомплект	—110.756	—240.998	+422	—351.330

Насколько быстро уменьшался некомплект оружия, видно хотя бы из следующих цифр некомплекта винтовок на Западном фронте:

8.XI 1915 г.	508.000
1.XII 1915 г.	404.000
1.I 1916 г.	240.000
1.II 1916 г.	203.860
20.VIII 1916 г.	49.647

К весенним операциям 1916 г. некомплект имелся только на одном западном фронте — и то в незначительном количестве — куда и приказано было выслать в первую очередь винтовки, изготовленные оружейными заводами.

II. Вопрос о вооружении армии пулеметами обстоял значительно хуже — к этому времени, т. е. к 1 марта 1916 г., в войсках в среднем имелось около 10—12 пулеметов на полк, так как пулеметы, заказанные в громадном количестве за границей еще не стали поступать в войска;

[1] Военно-Исторический Архив. Дело № 1—1916 г. по управлению дежурного генерала при верховном главнокомандующем.

[2] Военно-Исторический архив. Дело № 80.253—1915 г. по управлению дежурного генерала при верховном главнокомандующем.

при отступлении же армии в летнюю кампанию 1915 г. было утрачено весьма значительное число пулеметов — осенью 1915 г. после окончания отступления на вооружении армии находилось всего 2.196 пулеметов, т. е. примерно по 4 пулемета на полк[1]. Единственным источником пополнения в данное время были лишь пулеметы изготовления пулеметного отдела одного из оружейных заводов — за весь 1915 г. этим заводом было изготовлено всего 4.251 пулемет, а за время сентябрь—декабрь 1915 г. — 1904 пулемета, да еще в январе 1916 г. — 560 и в феврале 1916 г. — 624, т. е. всего на пополнение поступило 3.088 пулеметов. Некоторое улучшение пулеметного снабжения началось лишь в конце 1916 г., когда из-за границы стали поступать заказанные пулеметы и когда в армии состояло уже 16.300 пулеметов, т. е. в среднем около 20 пулеметов на полк.

III. Винтовочные патроны. Недостаток винтовочных патронов к лету 1916 г. был полностью изжит благодаря усиленной деятельности русских заводов, а также помощи союзников.

Весной 1916 г., впервые после начала войны, русская армия была укомплектована по штатному числу винтовок, причем довольно значительное количество оружия было скоплено в резервах фронта — при полном благополучии и относительно винтовочных патронов.

К этому времени стал постепенно изживаться и недостаток артиллерийских снарядов.

Весной 1915 г. — в марте—апреле — русская армия получила всего по 12—15 артиллерийских парков с 3-дюймовыми снарядами в месяц, к маю 1916 г. это количество было увеличено до 60—70 парков, к августу того же года — до 100 парков[2].

Улучшение снабжения имело следствием и возобновление удачных действий на фронтах: блестящий Брусиловский прорыв дал громадные пространства отвоеванной территории и 450.000 пленных; кавказской армией были взяты Эрзерум и Трапезунд.

К 1916 г. оставалась неизжитой нехватка пулеметов и тяжелой и полевой тяжелой артиллерии, т. е. наиболее важных факторов технической мощности армии. Эти два кошмарных недочета удалось устранить и то лишь частично к летней кампании 1917 г.; к весне этого года стали поступать громадные количества иностранных пулеметов и, кроме того, на фронтах имелось 390 батарей с 1.434 орудиями тяжелой артиллерии.

«В 1916 г., — говорит Маниковский, — жалоб на недостаток патронов уже не было совсем, а к 1917 г. большая часть и всех остальных потребностей армии, возросших к тому времени до размеров необычайных, была близка к удовлетворению»...

К этому времени положение со снабжением царской армии настолько улучшилось, что русское военное министерство могло оказывать некоторую помощь и другим государствам, а именно Румынии, очутившейся в таком же положении, в каком была русская армия в 1915 г.

---

[1] Дело Военно-Исторического Архива № 82.704 по управлению дежурного генерала при верховном главнокомандующем — на 1 августа 1915 г. Кавказская гренадерская дивизия имела 20 пулеметов, 51 пехотная дивизия — 18, 3 гвардейская пехотная дивизия — 20, 20 пехотная дивизия — 15, 45 пехотная дивизия — 19; 77 пехотная дивизия — 18; 1 гренадерская дивизия — 21, 2 гренадерская дивизия — 31, 6 пехотная дивизия — 12, 8 пехотная дивизия — 20, 47 пехотная дивизия — 24, 21 пехотная дивизия — 22, 52 пехотная дивизия — 19 и т. д.

[2] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть III, стр. 147.

В заключение считаю необходимым отметить, что положение русской армии в отношении недостатка снаряжения до некоторой степени близко подходило к английской в первое время войны — тот же крайний недостаток в орудиях, снарядах, пулеметах и винтовках. Различие заключалось лишь в том, что Англия была одной из величайших промышленных стран и для устранения недостатка снабжения была нужна лишь интенсивная организация всего этого дела. Что России удалось выполнить к концу войны, то английская армия получила уже к концу 1915 г. Летом этого года во время снарядного голода в русской армии обыкновенно указывалось на норму в 2 снаряда на орудие в день, которою была обеспечена тогда русская армия и которою можно было лишь «приветствовать восход и заход солнца», а не вести какую-либо борьбу с неприятельской артиллерией. Но то же самое явление еще весной 1915 г. было и в английских армиях. «Наш паек теперь, — писал Ллойд-Джорджу член английского парламента Райт — два снаряда на пушку или 8 снарядов на батарею в день» [1].

Число снарядов на пушку в день, которыми в действительности снабжалась в то время английская артиллерия, было следующее:

	18 фн.	4,5 дм	4,7 дм
1915 г. январь	4,9	4,2	7,6
1915 г. февраль	5,3	6,5	5,3
1915 г. март	8,6	6,5	5,3

По опыту же войны первых пяти месяцев требовалась подача в следующих нормах (нормы от 31 декабря 1914 г.):

50 снарядов на орудие в день для . . . . . 18 фн.
40 „ „ „ „ „ „ . . . . . 4,5 дм.
25 „ „ „ „ „ „ . . . . . 4,7 дм.

Английская армия выступила в поход, имея всего около 1000 пулеметов, на 1 июня 1915 г. в армии имелось 1.330 пулеметов, а в мае 1917 г. английские заводы изготовляли 1 800 пулеметов в неделю, т. е. недельная производительность превышала весь запас, с которым предполагалось вести мировую войну.

Число заводов, которые вырабатывали предметы военного снаряжения и входили в систему министерства военного снаряжения, возглавляемого Ллойд-Джорджем, к концу войны достигло 218, причем подавляющая часть была построена вновь.

О производительности этих заводов можно видеть из следующих цифр:

в начале 1915 г. количество изготовляемых снарядов было . . . 70 000 в неделю
в начале 1916 г. число это увеличилось до . . . . . 238 000 „
а в июле 1916 г. число изготовляемых снарядов возросло до . 1.025 559 „

Насколько увеличилась производительность заводов, можно видеть из того, что средняя годовая производительность за 1914—1915 годы для снарядов 18 фн. орудий равнялась продукции 3 недель 1916 г., а прежняя годовая производительность снарядов для тяжелых гаубиц равнялась продукции 4 дней 1916 г.

То, что удалось сделать А. Маниковскому к концу войны, к 1917 г. путем развития отечественной промышленности и заказов заграницей, Ллойд-Джорджу в бытность его министром снабжения удалось завершить к концу 1915 г., однако царская Россия была нищей земледель-

[1] Ллойд-Джордж. «Военные мемуары». Следующие статистические данные также взяты из этого труда (стр. 151, 163).

ческой страной с незначительным числом заводов, а Англия была одной из величайших промышленных стран. Необходимо безусловно признать, что после А. Маниковского осталось богатое наследство — артиллерийские склада, переполненные предметами артиллерийского снабжения; одних снарядов могло хватить еще на 1½ года мировой войны: наличие их к концу войны, к 1917 г. составляло 5.500 3-дюймовых выстрелов на орудие, норма же, установленная в январе 1917 г., требовала подачи 300 выстрелов на орудие в месяц.

Перехожу далее ко второй части моего очерка — к строительству новых заводов, согласно программе А. А. Маниковского.

Из предыдущего видно, что несмотря на усиленную деятельность русских военных заводов — продукция их без помощи заграницы все-таки не могли удовлетворить норм, поставленных ставкой, которые все время непрерывно увеличивались. Прежняя Россия — постоянно за всю историю своей вооруженной силы — отставала в технических средствах и принуждена была прибегать к заказам за границей как во время войн, так и во время перевооружений. Колоссальные размеры потребностей армии в артиллерийском ее снабжении, выдвинутые опытом мировой войны, показали, что при том положении, в котором находилась русская военная промышленность, Россия ни в коем случае не в состоянии будет занимать место великой державы без коренной реорганизации и коренного увеличения числа ее военных заводов — надо было иметь в виду, что в будущих войнах размеры потребностей не могут быть ниже, чем в мировую.

С другой стороны, необходимо отметить, что при современных войнах, заготовленные в мирное время мобзапасы могут служить лишь кратковременным прикрытием для развертывания заводов. Снабжение мобилизованных армий должно в настоящее время базироваться на непрерывном массовом изготовлении всех предметов материальной части вооружения и огнеприпасов во время самой войны.

Хранение заготовленных в мирное время запасов при современных колоссальных нормах является в высшей степени затруднительным, не говоря уже о громадных средствах, необходимых для соответствующих помещений и надлежащей их охраны; кроме того, некоторые предметы должны подвергнуться при длительном хранении неминуемой порче, другие же могут превратиться в никуда негодное имущество при современных быстрых темпах развития техники и дальнейшей разработки более совершенных образцов вооружения (моральная изношенность).

Военная промышленность царской России, исходя из всех этих соображений, должна была подвергнуться коренной реорганизации, на что и направил Маниковский свою энергичную деятельность.

Считаю необходимым привести здесь хотя бы краткие выдержки из доклада, представленного Маниковским в 1916 г. с программою нового строительства.

«Настоящая война,—указывается в этом докладе,—застала Россию неподготовленной во многих отношениях, но ни в одном эта неподготовленность не имела столь роковых последствий, как по части артиллерийского снабжения армии. Главнейшей причиной этому следует признать непредвидение масштаба настоящей войны, а потому и непринятие заблаговременно надлежащих мер к обеспечению армии необходимым для

нее боевым снабжением. Грешны в этом отношении оказались не мы одни, а и все наши союзники и только одна Германия, повидимому, ясно отдавала себе отчет в масштабе грядущей войны, понимала ее неизбежность, упорно к ней готовилась и принимала все меры к тому, чтобы не быть застигнутой ею врасплох — ее исключительно развитая промышленность оказала ей при этом величайшую услугу.

«В чем же собственно состояла наша неподготовленность? Главным образом в том, что в предположениях о потребности в боевом снабжении для грядущей войны мы, базируясь на опыте нашей маньчжурской кампании, масштаб которой конечно не мог быть отнесен к большой европейской войне, определили слишком незначительную норму этой потребности, вследствие чего и не развили заблаговременно надлежащим образом ни наши казенные заводы, ни те из частных, которые в мирное время изготовляли предметы боевого снаряжения. Нам поневоле поэтому пришлось прибегнуть к самой крайней мере — к заказам за границей, главным образом в Америке и у наших союзников — Англии и Франции, которые впрочем и сами в то время испытывали недостаток в боевом снабжении и их промышленность также не успевала полностью удовлетворять потребности своих армий.

«Таким образом, без особых ощутительных результатов для русской армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать на наши деньги массу военных предприятий; другими словами произвести за наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности. В степени меньшей, но все же довольно значительной мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии... Упущенного все равно не вернешь и бесполезно заниматься рассуждениями на эту тему. Ныне перед нами встает иная задача — важности необыкновенной: хоть теперь стать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало добиться того, чтобы русская армия все необходимое для себя получала бы у себя дома внутри России. При колоссальных неисчерпаемых естественных богатствах России в этом нет ничего неосуществимого и добиться этого можно и должно, тем более, что ведь совершенно неизвестно, когда кончится война и как сложатся обстоятельства не только после нее, но и в недалеком будущем в отношении возможности беспрепятственного получения из-за границы предметов боевого снабжения. Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться великой державой несмотря ни на какие условия территории и внутренние богатства страны.

«Какие же меры должны быть приняты немедленно для выполнения поставленной задачи?

«Эти меры ясны сами по себе, они частью уже принимаются и ныне необходимо только не затормозить их дальнейшего развития, а именно надо в спешном порядке развивать свою отечественную промышленность и при том в расчете не только на потребности текущей войны, но и в предвидении будущей. При этом необходимо использовать одно важнейшее указание минувшего опыта: для каждого отдельного производства боевого снаряжения должна быть организована своя самостоятельная группа заводов. В каждой такой группе основное ядро, так сказать постоянный кадр группы, должны составить казенные заводы, которые в случаях мобилизации не только соответственно развернутся сами, но и выделят от себя соответствующий технический персонал для инструктирования остальных членов группы, т. е. однородных производств частной промышленности...

«Необходимо заранее составить строго обдуманный план мобилизации русской промышленности для военных целей, положив в основу этой мобилизации твердый костяк казенных заводов, на котором можно будет впоследствии развить какую угодно мускулатуру частной промышленности; при таких условиях можно рассчитывать на быструю и продуктивную мобилизацию всей отечественной промышленности в ее целом. И если бы такой план был выработан и осуществлен у нас своевременно, то, конечно, нам не пришлось бы переживать самых тяжелых дней настоящей войны. Но этого своевременно сделано не было; так хоть теперь надо поспешить исправить прежние грехи и доделать поскорее то, что было упущено раньше. Ждать для этого окончания войны или все рассчитывать на заграницу — нельзя. Не надо терять ни одной минуты и все, что можно сделать сегодня, мы не имеем права откладывать на завтра. Только при полном напряжении всех сил в этом направлении возможно вывести Россию на новый путь — путь полной независимости по части боевого снабжения русской армии от заграничных рынков...»

Несмотря на все препятствия и трудности, сопряженные со строительством заводов во время войны, А. Маниковский выдвигал вопрос о необходимости безотлагательного приступа к работам, приводя между прочим следующие соображения:

«Безотлагательного приступа к работам требует еще и то соображение, что ведь почти все наше боевое вооружение, находящееся теперь на фронтах, к концу войны придет в такое состояние, что потребуется или полная его замена или столь капитальный ремонт, который возможен только на заводах с солидным специальным оборудованием. И сейчас принимаются все меры к тому, чтобы хотя частично заменять и исправлять приходящие в негодность предметы боевого снабжения армий, — но, конечно, полное решение этого вопроса в связи с вопросом о введении более совершенных образцов — на основании указания опыта войны — может получиться только по ее окончании и уже тогда это должно быть исполнению в кратчайший срок. Вот и спрашивается — мыслимо ли и допустимо ли эту грандиозную и великой государственной важности работу передать после войны за границу или ждать окончания своих заводов, сооружаемых нормальным порядком. Ответ ясен: передать это дело за границу и недопустимо, и не хватит для этого никаких средств. Ждать тоже нельзя. Значит надо скорее подготовлять свою военную промышленность и строить свои заводы. Не менее острая нужда будет в изготовлении всего боевого снаряжения для крепостей, будь то возвращенные нам немцами или вновь создаваемые на новой стратегической линии»...

«Нельзя, наконец, закрывать глаза и на то, что по окончании войны государственному казначейству предстоят колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, столь жестоко урезываемые в настоящее время и что более чем вероятны значительные сокращения во имя государственной экономии по сметам военного ведомства и по программе ГАУ. Тогда денег для новых заводов уже не дадут. И к новой войне Россия окажется отставшей от своих будущих противников еще в большей степени, чем теперь, так как эти противники уже успели так развить свою промышленность, что от них не требуется ни особых усилий, ни особых жертв. Неизбежным выводом из всего приведенного выше является убеждение, что к выполнению намеченной ГАУ программы военно-завод-

ского строительства следует приступить немедленно, не теряя ни одной минуты...»

При докладе была представлена программа заводского строительства, составленная на основании следующих расчетов.

1. Прежде всего была подсчитана полная потребность армии в главнейших предметах боевого снабжения. Эта потребность слагалась из трех отдельных слагаемых: а) из текущей потребности армии, в том числе и на новые формирования согласно нормам ставки; б) из потребности для пополнения и ремонта состоящего на фронтах вооружения; в) из потребности для восстановления вооружения крепостей.

Сумма этих трех слагаемых давала представление о той общей потребности в боевом снабжении, какая представлялась ГАУ в то время, т. е. при масштабе мировой войны.

2. Затем было подсчитано какая часть вышеизложенной общей потребности и каким образом могла бы быть удовлетворена: а) казенными заводами (существующими, вновь построенными и строящимися), б) частными заводами по непосредственным заказам ГАУ.

3. Разница чисел пунктов 1 и 2 составляла собою фактический дефицит боевого снабжения армии.

Результаты этого расчета были показаны в особых таблицах, приложенных к докладу. Таблицы показывали, что значительная часть потребностей армии остается все-таки неудовлетворенной, причем сообразно этой потребности и должны были быть построены новые заводы как казенные, так и частные.

При рассмотрении вопроса о том, как распределить заказы между казенными и частными заводами, А. Маниковский держался той точки зрения, что казенные заводы должны строиться лишь в таком количестве, чтобы, обслуживая только известную часть потребности военного ведомства, служить надежным регулятором цен на предметы боевого снабжения — в этом, как показала война, ощущалась насущнейшая потребность. Насколько были взвинчены цены частной промышленности, особенно металлообрабатывающей, видно из приведенной ниже таблицы, показывающей цены частных заводов по сравнению с ценами на те же предметы казенных заводов военного и горного ведомств.

Наименование предметов	Средние цены частных заводов		Средние цены казенных заводов		Переплата		Примерная потребность по 1 января 1918 г.	Сумма переплат казной частным заводам в руб.
	Р.	К.	Р	К.	Р.	К.		
3-дм. шрапнели	15	32	9	83	5	49	33.000.000	181.170.000
3- „ гранаты	12	13	9	00	3	13	33.000.000	103.290.000
48- лин. бомбы	45	58	30	00	15	58	14.000.000	218.120.000
42- „ шрапнели	35	00	15	00	20	00	2.500.000	50.000.000
42- „ гаубичные бомбы	70	00	48	00	22	00	6.000.000	132.000.000
6-дм. гаубичные шрапнели	60	00	36	00	24	00	600.000	14.400.000
6- „ пушечные бомбы	70	00	42	00	28	00	1.000.000	28.000.000
Взрыватели 3 ГТ.	10	55	8	42	2	13	33.000.000	70.290.000
Взрыватели 4 ГТ.	12	50	11	11	1	39	20.500.000	28.495.000
Дистанционные трубки 22-сек.	7	00	5	50	1	50	9.500.000	14.250.000
Капсюльные втулки	1	00	—	45	—	55	80.200.000	44.110.000
Бездымный порох	100	00	72	00	28	00	7.500.000	210.000.000
Итого	—	—	—	—	—	—	—	1.094.125.000

По вопросу о том, что делать частным заводам по окончании войны в докладе указывалось, что ответ ясен сам собой: работать на русский рынок, который до войны в значительной степени заполнялся заграничными фабрикатами, а во время войны был совершенно обездолен, так как все работали только на оборону. Задача частной промышленности — завоевать свой собственный рынок. В то же время казенные заводы должны напрячь все свои силы, чтобы освободить ее от других задач и дать ей возможность действительно выполнить все данные ей наряды. А чтобы в нужное время частные заводы могли быстро мобилизоваться, т. е. чтобы в них не вытравилось налаженное дело, то для этого они должны сохранить под контролем ГАУ ячейки тех военных производств, на оборудование которых эти заводы получали от казны колоссальные суммы.

В отношении последнего вопроса, а именно о том, какие предметы и в каком проценте заявленной потребности должны изготовляться на казенных заводах, в докладе были приведены следующие соображения.

1. 100% всей потребности предметов вооружения исключительной важности должны изготовляться лишь одними казенными заводами, а именно: а) винтовки, б) пулеметы, в) ружья-пулеметы, г) сильно взрывчатые вещества, д) снаряжение снарядов, ручных гранат и проч.

2. 75% всей потребности тех предметов снаряжения, изготовление которых оказывается чрезмерно трудным, или таких изделий, которые должны неизменно сохранять свои качества при долговременном хранении, а именно: а) бездымные пороха, б) дистанционные трубки, в) взрыватели и детонаторные трубки.

3. До 50% всей потребности тех предметов, которые хотя и важны для снабжения армии, но фабрикация которых не представляет особых затруднений для частной промышленности, а именно: а) орудия и лафеты, б) слабо взрывчатые вещества и в) удушающие средства и противогазы.

4. До 10—20% всей потребности тех предметов, на цены которых необходимо иметь регулирующее влияние, хотя таковые легко могут производиться частной промышленностью, а именно: а) снаряды (корпуса), б) орудийные гильзы, в) ручные и ружейные гранаты (корпуса), г) капсюльные трубки, д) осветительные средства, е) исходные продукты для взрывчатых веществ и бездымных порохов, ж) оптические приборы, з) конская амуниция и повозки и и) электротехнические изделия.

На основании всех изложенных выше соображений и была составлена программа строительства артиллерийских заводов на общую сумму 633.000.000 рублей, для постройки же остальных предполагалось привлечь частные капиталы, принимая во внимание громадные средства, заработанные во время войны частными предпринимателями в России.

Необходимо указать, что некоторая часть казенных заводов была выстроена А. Маниковским — они должны были образовать собой тот костяк, вокруг которого должна была сосредоточиться частная промышленность, причем на ее долю было предназначено изготовление громадного количества предметов военного снаряжения более легких в изготовлении, что значительно облегчало ей переход на гражданское производство. Крайнее обилие средств у частных предпринимателей, разжившихся за время войны на военных поставках, представляло собой ту базу, на которой А. Маниковский и рассчитывал развернуть это строительство. Совет с'ездов металлообрабатывающей частной промышленности, идя

широко навстречу индустриализации страны, в своих докладах и прениях стремился даже получить право на постройку большего числа предприятий, чем это было ограничено указанными выше соображениями.

Энергичная деятельность А. Маниковского могла бы в корне ликвидировать в будущем все те катастрофы в недостатках вооружения, которые красной нитью проходили через всю историю царских вооруженных сил и особенно поражающим образом выявились в 1914—1915 гг. мировой войны.

Эта задача и притом в колоссальных размерах, с которыми не стоит даже сравнивать незначительное строительство, предполагавшееся в 1917 г., была блестящим образом выполнена Советской Властью в первую пятилетку 1928—1933 гг.

Как общее заключение к вопросам снабжения царской армии за мировую войну, позволю себе привести здесь выдержку из моего труда «Техника мировой войны»:

«Военные силы государства должны иметь твердый фундамент, твердую базу в хорошо развитой сети заводов военной промышленности, могущей обеспечить все потребности армии.

«Ведь вся причина катастрофы в снабжении русской армии в 1915 г. лежит совсем не в том, что не были заготовлены все положенные по штату запасы оружия. Все они почти полностью за незначительными исключениями были налицо.

«Причина лежит и не в том, что эти нормы не были рассчитаны на мировую войну. В этом отношении все воевавшие государства оказались в одинаковом положении. Требования мировой войны показали полную ошибочность, полную несостоятельность всех расчетов мирного времени всех государств, участвовавших в мировой бойне. Даже наиболее готовая к войне Германия должна была подготавливать в течение нескольких месяцев свой смертельный удар армии Макензена во время Горлицкого прорыва. В сражении на Марне, в сентябрьских боях 1914 г. недостаток снарядов остановил дальнейшее наступление французов. Англия и Америка должны были из крайне незначительных кадров почти заново развертывать свои миллионные армии, снабжая их всем необходимым.

«Причина катастрофы русской армии лежит не в указанных выше двух обстоятельствах, а в том сроке, в который, как бывшие противники России, так и ее союзники успели снабдить армии всеми необходимыми техническими средствами согласно новым требованиям, поставленным войной 1914—1918 гг. Россия успела выполнить это снабжение с большим запозданием, подвергая при этом свои армии постоянным поражениям, — ввиду крайней недостаточности сети заводов военной промышленности — этой основной базы и основного фундамента армии...»

Невольно приходит на мысль одна параллель из истории прежней России:

в 1914 г. большая военная программа русского военного министерства, получившая силу закона 24 июня 1914 г., осталась на бумаге, ввиду начавшейся через месяц мировой войны;

в 1917 г. большая военная программа строительства заводов военной промышленности осталась на бумаге ввиду необходимости окончить войну; царская Россия ввиду общей разрухи продолжать войну не могла.

ГЛАВА 6

«Румынский эпизод». Выступление Румынии и работы по снабжению ее армии оружием и огнеприпасами. Обнаружившаяся неподготовленность Румынии к войне. Командировка в Румынию миссии Гибера фон-Грейфенфельса. Ознакомление с положением Румынии в отношении снабжения ее армий; совершенно недостаточное количество мобзапасов и крайне малая сеть заводов военной промышленности. Необходимость снабжения Румынии со стороны ее союзников. Эвакуация Румынии. Заключение конвенций в отношении помощи по снабжению оружием со стороны русского военного министерства, а также по распределению эвакуируемых румынских заводов, рабочего персонала и сырых материалов.

Положение румынской армии в отношении ее снабжения оружием и огнеприпасами. Лиддель Гарт в своем известном труде «Правда о войне 1914—1918 гг.» о выступлении Румынии между прочим говорит, что эта кампания менее известна и менее изучена, чем все другие кампании мировой войны. Однако, сам Лиддель-Гарт уделяет этому эпизоду лишь четыре страницы своего подробного труда. У нас в СССР совершенно не имеется никаких работ — ни переводных, ни своих собственных, — касающихся выступления Румынии. Этот несчастный эпизод у нас нигде не описан; относительно выступления Румынии и всех тяжелых невзгод, которые обрушились на русское военное министерство в связи с вопросом о снабжении Румынии оружием и всем необходимым для ведения войны, — у нас не имеется абсолютно никаких материалов, а потому я считаю, что все излагаемое мною — как свидетелем и участником этих событий — может представить в этом отношении некоторый интерес.

Завоевание Румынии с ее богатствами в отношении хлеба, скота и нефти имело громадное значение на ход всей мировой войны. Людендорф в своих «Воспоминаниях» указывает: «наше положение в конце 1916 г. было чрезвычайно затруднительно и даже безвыходно. Наше поражение казалось неизбежным. Силы на родине были подорваны... Германия, Австро-Венгрия и Константинополь продержались весь 1917 г. лишь исключительно благодаря Румынии [1]...» Мало того, разгром Румынии дал Германии

[1] О значении Румынии в отношении возможности продолжения войны с центральными державами см. подробнее в труде Фон-Куля и Дельбрюка «Крушение германских наступательных операций в 1918 г.»; в главе I между прочим указывается о заявлении Людендорфа (стр. 28), что «необходимая боеспособность германской западной армии может быть сохранена лишь в том случае, если ей будет подвезено из Румынии не менее 250 тысяч тонн зернового фуража. Это количество указано в расчете продовольственного снабжения Западной армии и Военно-продовольственное управление заявило, что достать этот фураж из какого-либо другого источника совершенно немыслимо. Положение конского состава в армии стало настолько критическим, что я не могу взять на себя ответственность за дальнейшее сокращение рациона, а потому вынужден настаивать на дополнительной доставке зернового

возможность предложить своим противникам немедленно заключить мир. Людендорф следующим образом касается этого вопроса: «В сентябре 1916 г. имперский канцлер предложил Вильгельму II дать указания послу САСШ Бьернсдорфу, чтобы он побудил президента Вильсона выступить перед державами с предложением мира. Я был вполне с этим согласен, хотя и сомневался в успехе мирных переговоров. Их перспективы были настолько благоприятнее наших, что приходилось скептически относиться к мирному посредничеству... Я просил подождать до окончания похода на Румынию. 6 декабря пал Бухарест и я счел тогда наше военное положение настолько укрепившимся, что у меня не было возражения о выступлении с мирной нотой... 12 декабря (29 ноября) четверной союз выступил с мирным предложением»...

Мне этот день был в особенности памятен, так как в этот именно день из Ораниенбаума из Стрелковой школы выступила сформированная школой команда, вооруженная автоматическими ружьями моей системы. Стрелки, отправляясь на фронт, высказывали мнение, что им не придется даже доехать до места военных действий ввиду скорого заключения мира.

Осенью, 27 августа 1916 г. последовало, наконец, давно ожидавшееся выступление Румынии на стороне Антанты. Выступление это было безусловно запоздалое — оно ожидалось зимой 1915 г., когда русские войска вели сопряженное с такими трудностями продвижение на Карпаты и когда появление на фланге румынской армии могло бы дать громадные результаты. Одной из главных причин рискованного и несвоевременного наступления на Карпаты, где были растрачены последние запасы снарядов и последние резервы войск, между прочим и была надежда побудить к выступлению Румынию.

В начале сентября начались уже военные действия с продвижением румынской армии в пределы Австро-Венгрии. 16 сентября бывший в то время военным министром г. Шуваев обратился к начальнику штаба Главковерха со следующим письмом: «Вследствие выяснившейся неподготовленности Румынии к войне заботы о снабжении ее армии предметами боевого довольствия естественно ложатся на довольствующие управления военного министерства. Я уже сделал соответствующие распоряжения, чтобы все требования, заявленные румынским правительством, удовлетворялись бы в возможной степени и в спешном порядке. Но при ближайшем ознакомлении с целым рядом таких требований, заявленных находящимися в Петрограде представителями румынской армии, выяснилась полная неопределенность и бессистемность этих требований. Это, конечно, создает для нас значительные затруднения и не дает уверенности в целесообразном использовании отпускаемого нами боевого снабжения. Основываясь на опыте, пережитом

фуража из Румынии»; на стр. 29 указывается, что «поставки из Румынии во время войны больше всего способствовали преодолению державами Центральной Европы недостатка в продовольствии и фураже, горючих и смазочных веществах и сырье в течение всего 1917 г. После разгрома Болгарии Верховное командование рассмотрело вопрос о том, на какой срок нам хватит еще горючих и смазочных веществ, если Румыния выпадет сегодня из счета. Вынуждает ли ныне Румынии немедленно прекратить военные действия? Изучение этого вопроса дало следующие результаты: авиация может продолжать полностью свою деятельность еще около двух месяцев — затем полное прекращение всякой деятельности. Автомобили смогут продолжать свою деятельность также около двух месяцев — затем сокращение наполовину. Осветительное хозяйство (т. е. имеющее существенное значение снабжение керосином гражданского населения и сельского хозяйства) будет нарушено в течение одного-двух месяцев»...

ними в прошлом году, когда и мы настойчиво требовали технической помощи от наших союзников, я считаю совершенно необходимым возможно скорее выяснить всю потребность румынской армии по части ее боевого снабжения. Для этого должна быть организована теперь же особая комиссия из наших военных техников, представителей довольствующих управлений и офицеров генерального штаба, которой и должна быть поручена забота о боевом снабжении румынской армии. Комиссия эта теперь же должна отправиться в Румынию и на месте ознакомиться с потребностями румынской армии, с состоянием румынской промышленности и на основании всего этого составить подробный план дальнейшего снабжения румынской армии при содействии России и наших союзников — Франции или Англии. По возвращении в Россию эта комиссия должна служить у нас основным учреждением, получающим все запросы румын и передающим их нашим снабжающим органам. Быть может эта комиссия придет к убеждению, что, вследствие близости Румынии к театру военных действий и постоянной для нее опасности от налетов цеппелинов, было бы целесообразней дело боевого снабжения Румынии развивать не в ней самой, а внутри России, использовав для этого оборудование и рабочий персонал румынских заводов в соответствующих русских предприятиях... Председателем означенной комиссии, если образование ее будет признано полезным, я полагал бы назначить В. Гибера фон-Грейфенфельса — начальника Сестрорецкого оружейного завода, — прекрасно знающего языки, опытного техника, выполнявшего уже неоднократно разные технические поручения за границей, и заместителем его — В. Федорова, бывшего в составе миссии адм. Русина в Англии».

В этом письме обращает на себя особое внимание указание военного министра на «выяснившуюся неподготовленность Румынии к войне», причем это важное обстоятельство выяснилось уже через две недели после начала военных действий, между тем до этого времени выступлению Румынии приписывали колоссальные выгоды и высказывались определенные надежды на последующий решительный перевес на стороне Антанты в ее войне с Германией. Появление на восточном театре войны свежей армии численностью в 500.000 человек, могущей действовать притом во фланг австрийцам, несмотря на то, что силы России к этому времени уже были истрачены и она стояла накануне революции, могло бы все таки изменить положение воюющих.

Но на самом деле оказалось совершенно обратное.

Как на причину своих неудачных действий румыны указывали на недостатки их снабжения и уже в сентябре месяце русское военное министерство было завалено всякими просьбами и требованиями о помощи румынской армии.

В середине сентября 1916 г. наша миссия — в составе В. Гибера, меня, специалистов: по металлоснабжению — Куклина, по заготовке снарядов — Пухальского и представителей Главного интендантского управления — Соколова и Главного инженерного управления — Пржевалинского — уже двигалась через Могилев и Киев к Бухаресту[1].

После обычных представлений премьер-министру Братиану и его брату — военному министру у нас начались ежедневные занятия в военном министерстве, где мы ознакамливались с положением румынской

[1] Проезжая по тылам армий, мы были поражены невероятными массами слоняющихся без всякого дела солдат, главным образом, дезертиров. Киев производил в этом отношении прямо-таки подавляющее впечатление.

армии в отношении ее снабжения. Кроме подробного изучения всех планов заготовок, нам пришлось посетить и ряд заводов, расположенных как в самом Бухаресте, так и в других местностях Румынии: мы посетили Бухарестский арсенал, заводы Вулкана, Вольфа, Романа, строящийся патронный завод, а также пороховые заводы, целый ряд снаряжательных мастерских для артснарядов и построенные на немецкие капиталы заводы нефтеносного района около Комарника с их громадными сооружениями для перегонки нефти и добывания толуола. Побывали мы и около Буштейна, где в то время велись отступные бои румынской армии с наседавшими войсками австро-германцев.

Результаты ознакомления с положением румынской армии в отношении снабжения ее всем необходимым были крайне неутешительны. Ничего, кроме тяжелой обязанности по снабжению и громадного растяжения русского фронта, требовавшего отправки русских войск для помощи румынам и тем безусловно ослаблявшего положение русских армий на других фронтах, выступление Румынии нам не обещало.

Никогда, казалось, не было столько радужных надежд и никогда эти надежды не рассыпались так быстро в такой прах, как это было через 2—3 месяца после выступления румынской армии, которая после неудачных боев была вытеснена в северо-восточную часть своей страны. Все произошло, действительно, молниеносно. Правда, что почти то же самое случилось и с сербской армией, но там это произошло через долгий промежуток времени и после целого ряда жестоких поражений, которые первоначально нанесла сербская армия своему противнику.

По данным военного министерства в Бухаресте состав румынской армии был следующий:

пехота—102 полка по 3 батальона каждый и 10 стрелковых полков по 2 батальона,
артиллерия—220 пеших, горных, конных и тяжелых батарей по 4 орудия,
кавалерия—22 полка по 4 эскадрона в каждом,
инженерные войска—5 саперных батальонов – в каждом 3 саперные и 1 телеграфная рота.
Вся армия состояла из 23 дивизий.

3 дивизии уже были уничтожены под Туртукаем и в Добрудже, причем 15 дивизий были сведены в 5 корпусов. Все 20 дивизий составляли 4 армии общей численностью в 500.000 человек. Кроме того, имелся стратегический резерв по охране Бухареста — около 50.000, резерв людей, призванных и обучающихся — 340.000, призыв новобранцев 1917 г. — 60.000. Всего около 950.000 человек, за округлением — 1.000.000; число лошадей — около 200.000. Исходя из этой численности армии, нашей комиссии и приходилось строить все свои расчеты в отношении снабжения.

В отношении ручного огнестрельного оружия и пулеметов Румыния обратилась к нам с просьбой о передаче ей следующих предметов:

1. Магазинные винтовки Веттерли — 100.000 экз., кроме уже отправленных ей 100.000.
2. Винтовки австрийские калибром 8 мм обр. 1889 и 1895 гг. — 150.000 экз.
3. Пулеметы Максима — 400 экз.
4. Патроны к винтовкам Веттерли в количестве 170.000.000 шт.
5. Патроны к австрийским винтовкам калибром 8 мм — 235.000.000 шт.
6. Патроны русские 3-лин. в количестве 26.000.000 шт.

7. Патроны к румынским винтовкам калибром 6,5 мм в количестве 115.000.000 шт.

8. Ручные гранаты в количестве 2.000.000 и материалы для изготовления такого же их количества.

Румыния не имела оружейных заводов — ружья и пулеметы заказывались за границей, главным образом, в Австро-Венгрии; имелись лишь ремонтные мастерские для исправления оружия. Патронный завод был крайне незначителен и совершенно не мог обеспечить потребности армии. В настоящем его состоянии он обеспечивал лишь 10% потребности мобилизованной румынской армии в винтовочных патронах. Работы по его расширению только что начались.

Еще хуже обстояло дело в артиллерийском отношении. Выяснилось, что до войны все предметы материальной части артиллерии получались, главным образом, из Германии и Австро-Венгрии, с которыми у Румынии был заключен тайный союз на случай войны, а также и из Франции. В Румынии не было орудийных заводов — в стране нельзя было изготовить ни одного орудия, были лишь ремонтные мастерские.

Самый же главный недостаток заключался в том, что страна не имела ни шахт, ни рудников, ни металлургических заводов — не было металла для изготовления всех предметов вооружения армии.

Снарядные мастерские имелись, но, конечно, в совершенно недостаточном количестве; они никоим образом не могли обеспечить снарядами армию при современных громадных нормах. Весь мобзапас снарядов был достаточен лишь для ведения войны в продолжении 6 недель. Колоссальным недостатком, крайне затрудняющим снабжение, являлась разнокалиберность румынской артиллерии.

Ввиду недостатка снарядов и уже наступившего снарядного голода, румынское военное министерство обратилось к нам с просьбой о поставке следующих количеств снарядов из числа потребностей румынской армии, рассчитанной на 6 месяцев, и помимо заказов, сделанных уже во Франции и Англии: 37-мм — 20.000 шт., 53-мм — 500.000 шт., 57-мм — 200.000 гранат и 100.000 шрапнелей, 63-мм — 15.000 шт., 75-мм — 100.000 гранат и 50.000 шрапнелей, 87-мм — 50.000 гранат и 50.000 шрапнелей, 105-мм (обр. 1891 г.) — 10.000 гранат, 105-мм (обр. 1912 г.) — 30.000 гранат и 20.000 шрапнелей, 120-мм (обр. 1888 г.) — 10.000 гранат, 120-мм (обр. 1901 г.) — 10.000 гранат и 13.000 шрапнелей и т. д.; кроме того отдельные гильзы, а также гранатные стаканы полевой пушки в количестве 650.000, отдельные ударные трубки, запальные стаканы и т. д.; разных сортов порохов требовалось на 6 месяцев 642.000 кг.

Пороховых заводов было совершенно недостаточно — имелись небольшие заводы в Дудештах и Марочештах, работы по их расширению также были только что начаты.

Вообще подготовка к войне с точки зрения разработанных планов и начавшихся строительных работ конечно была, но все это было совершенно недостаточно, причем для продукции большинства заводов в стране не было сырых материалов. Румыния имела лишь громадные богатства нефтяных источников, бывших до войны в немецких руках.

Как наглядный пример неподготовленности Румынии и невозможности вести войну без помощи союзников, приведу еще некоторые сведения о количестве различных предметов интендантского довольствия, об отпуске которых румынское военное министерство просило распоряжения русского правительства: шинелей в готовом виде — 400 000 шт. и 1.000.000 в материалах для изготовления; мундиров — 400.000 шт. и

600.000 в материалах; рубашек тельных — 3.000.000 шт. и 7.500.000 в материалах; кальсон то же количество; носовых платков — 2.900.000 шт.; шаровар 1.000.000 шт. и 1.000.000 в материалах; полушубков — 200.000 шт.; папах — 200.000 шт.; носков 1.500.000 шт.; обуви — 1.000.000 пар; оружейных ремней и патронташей по 400.000 шт.; упряжи артиллерийской — на 4.000 комплектов по 6 лошадей; консервов мяса — 20.000.000 банок, подков — 1.000.000 шт.; мыла 500.000 кусков и т. д.

Далее следовали просьбы об отпуске самых разнообразных материалов, изделий и приборов: ацетона, стали для рессор, быстрорежущей стали, вольфрама, серной кислоты, огнеупорных кирпичей, камфоры, хлора, хлористого кальция, аммиачной селитры, калиевой селитры, пирометров, дальномеров, графитовых тиглей, каучуковых трубок, пожарного имущества и т. д.

Ввиду тяжелого положения союзной с Россией румынской армии, на уступку подавляющей части всех заявленных потребностей последовало согласие русского военного министерства.

По прибытии в Румынию и ознакомлении с ее положением быстро выяснилось, что эта страна могла вести войну лишь при непрерывной помощи со стороны своих союзников — Франции, Англии и России, причем последующая потеря почти двух третей ее территории со всеми ее военными заводами и не изменила, ввиду того, коренным образом бедственного положения Румынии в отношении снабжения — это снабжение средствами и силами самой страны было и без того слишком незначительное.

Факт необходимости снабжения румынской армии заботами и попечением союзников — до ее выступления — как-то никем у нас не сознавался и лишь полное ознакомление на месте со всем тем, что у нее было и что требовалось открыло нам глаза на действительное положение Румынии; оно особенно обострялось еще и тем, коммуникационные линии союзников — Англии и Франции — были слишком далеки, надо было подвозить все материалы из Архангельска, Мурманска и даже — из Владивостока.

Как были правы те румынские партии, которые высказывались против выступления румын на стороне Антанты! Они были правы, конечно, только с этой точки зрения, так как несмотря на ее неподготовленность к войне, несмотря на неудачи ее армии, при заключении Версальского мира Румыния добилась исполнения всех своих национальных устремлений с образованием «Великой Румынии».

Румынские партии, бывшие против выступления, были правы и в другом отношении — Румыния не только не была подготовлена к войне, не имея базы для обеспечения своей армии всем необходимым, в виде развитой сети промышленных предприятий, но Румыния, несмотря на богатства страны, имела разоренное население, которому было трудно выдержать все бедствия военного времени. Сколько раз во время наших странствий для осмотра ее заводов посещали мы ее деревни, заходя в дома крестьян. Какую поражающую бедность и нищету встречали мы в опустевших домах, все мужское население которых было призвано в войска. Ведь Румыния — при ее незначительном населении в 7 миллионов — имела громадную для такой страны армию в 500.000 человек с 1.000.000 призванных — все мужское население, кроме стариков и малолетних, было, буквально, взято под ружье. В домах находились женщины, зачастую встречавшие нас плачем и рыданием.

Военные действия, между тем, складывались все более и более неудачно для румын — опасность стала угрожать самому Бухаресту. Наша работа была закончена и надо было пускаться в обратный путь. Навстречу отступавшим румынским войскам в Румынию спешно перевозились русские части — все железные дороги были заняты перевозками, железнодорожное движение было в расстройстве, с громадными трудностями с постоянными пересадками, частью на пустопорожних товарных, частью на пассажирских поездах мы добрались наконец через Яссы и Унгени до русской территории.

Военные события следовали так быстро одно за другим, что поражение румынской армии со взятием Бухареста последовало еще до возможности оказания румынам какой-либо солидной помощи в отношении снабжения.

Согласно указанию военного министра от 16 сентября 1916 г. комиссия В. Гибера по возвращении из Румынии должна была продолжать свое дело и служить основным учреждением, в которое должны были поступать все заявления румынского военного министерства. Так как В. Гибер — как начальник Сестрорецкого оружейного завода — жил в Сестрорецке и не мог быть отвлечен на это дело, то возглавление комиссии было возложено на меня; немедленно после возвращения комиссия была завалена новыми дополнительными просьбами, поступавшими из румынской военной миссии, состоявшей при румынском посольстве в Петрограде.

Одновременно Главное управление Генерального штаба предполагало создать особый «русско-румынский комитет», в котором и была бы сосредоточена вся деятельность по снабжению румынской армии. Согласно представленному проекту комитет должен был состоять из отделений: артиллерийского, военно-технического, интендантского, по перевозкам и транспорту, по финансовым вопросам и по торговле и промышленности с двумя сотрудниками на каждое отделение, причем этот комитет и должен был сноситься со всеми довольствующими русскими учреждениями и от своего имени размещать все заказы Румынии на русском рынке. Контроль правильности заявок румынской армии должен был лежать на русском военном агенте в Бухаресте. Нечего говорить, что положение это было совершенно нежизненным, о чем мною 18 ноября 1916 г. и была подана соответствующая докладная записка А. Маниковскому — ведь на обязанности всякого аппарата по снабжению армии лежали две задачи: 1) обсуждение каждого возбуждаемого румынами вопроса и 2) производство всех распоряжений по отпуску или заказу. Первая задача являлась наиболее важной, наиболее ответственной, так как требования румынского правительства были нередко преувеличены; предварительная критическая проверка их являлась безусловно необходимой, тем более, что снабжение румынской армии различными предметами снабжения должно было итти безусловно в ущерб русской армии; несмотря на все это, помощь румынским войскам, занимающим один и тот же фронт с русскими войсками, конечно, должна была бы быть оказана при малейшей к тому возможности. Наш военный агент, находящийся в Румынии, конечно, с этой задачей никоим образом справиться не мог. Что же касается второй задачи, т. е. непосредственных распоряжений по сделанным уже указаниям об отпуске различных предметов и о заказах, то задача эта свободно могла бы быть выполнена хозяйственными отделениями различных наших довольствующих управлений. А раз главная задача будет заклю-

чаться в самом подробном выявлении каждого ходатайства румынского министерства, насколько оно было выполнимо для нас, то очевидно, что работа комитета и должна была производиться непосредственно на месте в различных снабженческих управлениях, где имелись все необходимые сведения о количестве различных предметов материальной части, а потому выделение из состава управлений некоторого числа офицеров или чиновников для образования особого нового комитета вряд ли было целесообразно. Такой комитет, главным образом, мог бы заняться лишь сношениями с различными довольствующими управлениями по отпуску, т. е. тем делом, которое и без образования комитета могли бы опять-таки вести хозяйственные отделения, раз им были бы даны исчерпывающие и вполне определенные указания. Ведь все равно все распоряжения — об отпуске, например, определенного количества винтовок или патронов — не могли быть сделаны помимо оружейного и патронного отделений ГАУ, так как непосредственные распоряжения румынского комитета в корне нарушали бы всю систему единоличного управления складами и вносили бы в это дело беспорядок.

Такой же отзыв, помимо моего, поступил и от Главного интендантского управления, которое также считало невозможным, чтобы заказы на предметы интендантского снаряжения и отпуск таких предметов из интендантских складов, производился бы русско-румынским комитетом помимо Главного интендантского управления. Ввиду того, что предлагаемые изменения были слишком важные и в корне изменяли соответствующий проект — вопрос об образовании комитета был передан на обсуждение в подготовительную комиссию по общим вопросам ген. Садкевича, работавшую при Совете обороны. Наша комиссия, в которой состояли все сотрудники, побывавшие в Румынии, временно должна была продолжать свои работы, причем — по заведенному порядку — по каждому поступившему румынскому заявлению давал свое заключение соответствующий сотрудник, непосредственное же исполнение его производилось надлежащим отделением довольствующих русских управлений.

С другой стороны приказом нач. штаба главковерха от 5 декабря 1916 г. за № 1683 уже был образован румынский фронт, в который вошли на одинаковых основаниях румынская и русская VI дунайская армии, причем в самом непродолжительном времени ожидалось создание всех фронтовых довольствующих управлений, подобно имевшимся на других фронтах; основная масса дел нашей комиссии должна была автоматически перейти в эти управления.

Между тем, последовало новое распоряжение помощника военного министра сенатора Гарина о том, чтобы все вопросы, возбуждаемые румынским военным министерством, передавались бы на заключение генерал-квартирмейстера ГУГШ ген. Занкевича и исполнялись бы только те, на которые им даны благоприятные заключения; далее, ввиду отступления румынской армии из пределов Румынии и эвакуации румынских учреждений, управлений, госпиталей, рекрут и заводов, последовало распоряжение председателя совета министров Трепова (от 12 декабря 1916 г. за № 15199) на имя военного министра о сосредоточении всей распорядительной власти по этому делу в руках сенатора Засядко, к которому частично также стали передаваться и дела по снабжению, главным образом, эвакуируемых заводов.

Наступило тяжелое время в отношении организации дела снабжения румынской армии — при такой путанице невозможно было рабо-

тать. Необходимо кроме того отметить, что румынское военное министерство с целью обеспечить себя всем необходимым зачастую обращалось за отпуском каких-либо одних предметов сразу ко всем союзникам, надеясь, что хоть в одном-то месте их хлопоты увенчаются успехом — так было, например, с просьбами об отпуске винтовок, которые были обращены и к России, и к Англии, и к Франции, причем мы уступали румынам винтовки Веттерли, а также трофейные австрийские, в Англии последовало распоряжение (отмененное лишь впоследствии) об отправке английских винтовок, изготовлявшихся в Америке, через Владивосток и Сибирь, Франция же снабжала румын винтовками Лебеля.

Когда я на одном совещании как-то обратился с вопросом к представителю французской миссии, почему он не выскажет свое мнение, то он мне совершенно резонно ответил: «Я опасаюсь вмешиваться во все это дело, так как и без того слишком много людей им ведают и им распоряжаются». Я мысленно безусловно одобрил его слова — румынские дела зависели и от помощника военного министра Гарина, на которого по распоряжению ген. Шуваева было возложено ведение всех румынских дел, и от сенатора Засядко, и от ген. Занкевича, которому в свою очередь было поручено Гариным давать заключение по всем заявкам румын, и от нашей комиссии и от снабженческих управлений румынского фронта и от румынской миссии в Петрограде; входил в эти дела и приехавший из Франции ген. Бертелло и пр. [1].

Приказом от 5 декабря 1916 г., как это указано выше, был образован румынский фронт с русской VI и румынской армиями, но лишь 22 января начальник снабжения этого фронта г. Кияновский уведомил особой циркулярной телеграммой о том, что все управления «Снабрума» (так назывался отдел, ведающий снабжением румынского фронта) с этого числа открыли свое действие, почему и предложил всем довольствующим управлениям по вопросам снабжения румынской армии обращаться непосредственно к нему и в подчиненные ему управления. Эта телеграмма внесла некоторую ясность в создавшееся положение, но несмотря на то, что распоряжение Кияновского было сообщено и в румынское военное министерство и в румынскую миссию в Петрограде, последняя еще долго продолжала обращаться в мою комиссию со всякими просьбами и заявками — так в это время я получил сношение румынского посольства № 1121 об отпуске румынской армии 900 повозок и 900 лошадей с упряжью.

---

[1] До каких абсурдов доходило в это время дело снабжения от отсутствия надлежащей его организации можно видеть хотя бы из следующего факта: с занятием неприятельской армией Бухареста, Крайова и Плоешти, где находилась большая часть частных заводов, работающих на оборону, а также почти все казенные артучреждения, в распоряжении румын остались лишь следующие незначительные мастерские для изготовления снарядов: 1) морской арсенал в Галаце, 2) завод Фарнак в Галаце, 3) железнодорожные мастерские в Яссах, 4) мастерские Scoala de Meserii в Яссах и 5) завод Симату. Общая производительность их не превосходила 130.000 снарядов разных калибров в 6 месяцев. Наша комиссия, учтя такое положение, признала необходимым немедленно сократить высылку из России чугуна на 80%. Так как по установившемуся у нас порядку член комиссии от какого-либо довольствующего управления был обязан рапортом уведомить соответствующее управление о принятом у нас решении, то представителем от металлоснабжения Куклиным и был подан рапорт г. Мышлаевскому, который препроводил весь вопрос на заключение Гарину; от него переписка была передана начальнику ГАУ, которым она и была направлена в комиссию по румынским делам, т. е. опять к нам — без всякого заключения.

Все это заставило меня вновь обратиться к помощнику военного министра с просьбой от 25 января 1917 г. за № 1051/26: «1) сделать распоряжение о том, чтобы румынское военное министерство и посольство по вопросам, непосредственно относящимся к снабжению румынской армии, не обращались бы в наши довольствующие управления помимо Снабрум и 2) в случае, если попрежнему будет признано необходимым образовать румынский комитет, то возможно скорее определить сферу его деятельности во избежание продолжающихся недоразумений ввиду отсутствия организации этого дела. Так как проведение в жизнь этого органа должно потребовать некоторого времени, а между тем продолжающаяся в этом отношении неопределенность весьма невыгодным образом может отразиться на деле, то не признано ли будет возможным отказаться от организации указанного органа, распределив функции комитета по всем довольствующим управлениям».

16 февраля 1917 г. в комиссии было получено указание ген. Занкевича № 387 о том, что «снабжение всеми видами довольствия румынской армии, а также раненых, рекрут, юнкеров и всего того, что будет эвакуировано из Румынии и будет находиться на фронте, составляет на общих основаниях заботу Главного начальника снабжения румынского фронта без каких-либо из'ятий для румын». Сообразно этой общей директиве, сообщенной всем довольствующим управлениям, от Главного интендантского управления, а также от Главного инженерного управления в нашу комиссию поступили сообщения, что с настоящего времени предметы снабжения для румын будут отпускаться только через Снабрум и только по русским нормам.

Образование Снабрума, а также все указанные выше директивы дали мне возможность ходатайствовать о расформировании моей комиссии. Одновременно ген. Занкевич высказал пожелание об освобождении и его от заведывания румынскими делами. 26 февраля 1917 г. после моего доклада военному министру Беляеву комиссия была расформирована, причем каждое довольствующее управление стало — каждое в отдельности — вести у себя румынские дела; в ГАУ также было образовано особое румынское делопроизводство; вся же отчетность по снабжению румынской армии была сосредоточена в Главном управлении по заграничному снабжению — в Военно-статистическом отделе, что было крайне важно установить для возможности производства всех последующих расчетов с румынами. В этот отдел управления и должны были представляться все ведомости об отпущенных материалах и предметах с показанием их стоимости.

Заключение конвенций с румынским правительством. Под давлением энергичных ударов германо-австрийской армии румынские войска принуждены были в ноябре месяце 1916 г. очистить две трети территории румынского государства, причем только северная его часть, занятая спешно сосредоточенными русскими войсками, осталась в обладании румынского правительства. Из Румынии отступали войска, а также обучавшиеся рекруты и военнообязанные, вывозились запасы складов, эвакуировались учреждения, управления, госпитали, заводы с их станками, сырьем и рабочими. Все это стихийно двигалось в Россию без всякого плана и подготовки. Постановлением особого совещания под председательством Засядко эвакуация всех румынских заводов как работающих, так и не работающих на оборону, а также сырья и рабочих была возложена на ГАУ с поручением этого дела мне, причем

необходимо было срочно выработать весь план предварительных по этому делу мероприятий.

18 декабря 1916 г. мною было послана первая телеграмма ген. Беляеву, находившемуся в то в то время в Яссах в качестве представителя ставки при румынском главнокомандовании, в которой сообщалось, что оборудование и рабочих эвакуированных румынских заводов надлежит направлять в Киевский артсклад, кроме порохового завода, направляемого непосредственно в Шостку и патронного — в Луганск. Станки необходимо было отправлять вместе с партиями своих же рабочих под наблюдением румынских инженеров. В Киеве рабочие и станки должны были быть распределены согласно последующим указаниям ГАУ. Одновременно мной было сделано распоряжение о командировании специального представителя в Киев для руководства и наблюдения за ходом эвакуации.

Для выработки всех положений по использованию у нас станков, сырья и рабочих румынских заводов, а также по размещению и хранению в наших складах румынских военных грузов и по снабжению ими румынских армий в Петроград 28 декабря 1916 г. прибыл начальник артиллерийского управления румынского военного министерства ген. Парашивеско, с которым мне и поручено было выработать надлежащие конвенции. К сожалению, ввиду хаотичности того состояния, в котором находились все дела румынской армии, потерявшей свою базу, ген. Парашивеско, конечно, не мог иметь полных сведений, которые бы дали ему возможность быстро заключить требуемые конвенции, причем по многим вопросам он ограничивался лишь ответом: «сегодня же запрошу телеграммой». Кроме того пришлось натолкнуться на его полное недоверие к русскому военному министерству, что также сильно затягивало все наши дела. Редакция конвенций, на которой настаивал ген. Парашивеско, представляла с этой точки зрения довольно курьезный дипломатический акт — с одной стороны — полное желание помочь румынской армии, сражавшейся бок-о-бок с русскими войсками, желание, выразившееся в отправке в Румынию — винтовок, патронов, пулеметов, различных предметов интендантского и инженерного имущества — абсолютно без всяких конвенций, а лишь по простым заявлениям румынского военного министерства, с другой же стороны — требования ген. Парашивеско включить в редакцию конвенций «обязательства русского правительства» на целый ряд мероприятий по снабжению и помощи румынской армии и эвакуированным предприятиям. Дело доходило здесь до самых мелочных условий, например, мы давали обещание, что румынские грузы будут сохраняться в наших складах в такой же самой сохранности, как и русские, не делая между ними никаких отличий, но и такого обещания для румынских представителей было мало, никаких же больших обязательств я дать не мог, не имея возможности закрывать глаза на всю катастрофу, которую претерпевали румынские грузы, шедшие из Франции и Англии через Архангельск в Румынию и обратно из Румынии в Россию при спешной эвакуации. В конце декабря 1916 г., вследствие заносов на русских железных дорогах, временно прекратилось все движение — сырые материалы, двигавшиеся из Румынии, как, например, чилийская и аммиачная селитра, вследствие долгого простоя в вагонах и задержек в отправке, безусловно, могли портиться — мы не могли здесь принимать на себя никаких обязательств; далее румыны требовали, чтобы склады на русской территории, принимавшие на хранение румынские

грузы, которые при стихийности эвакуации пришлось распихивать по самым разнообразным складам, обязательно обслуживались бы румынской администрацией (кроме русского начальника склада), на что, конечно, также нельзя было согласиться. Ген. Парашивеско, не зная окончательной ведомости заказов снарядов для румынской артиллерии, настаивал на том, чтобы в конвенции был включен пункт, что румынское военное министерство может по желанию изменить чертежи снарядов, потребовав изготовления других, вместо заказанных конвенцией; на это я также никоим образом не мог согласиться, зная, к каким последствиям ведет такое требование при установке производства на заводах, да еще в военное время.

Конвенции были, тем не менее, выработаны к 15 января 1917 г., причем тогда же ген. Парашивеско решил отослать их в румынское военное министерство для просмотра, не считая возможным брать на себя ответственность за их редакцию. Лишь 6 февраля 1917 г. они были возвращены обратно с категорическим требованием введения всех изменений, которых добивался ген. Парашивеско. Между тем эвакуация стихийно шла без всяких конвенций на основании тех предварительных распоряжений, которые мной уже были сделаны. В это время ген. Парашивеско добился распоряжения от румынского военного министра Братиану прекратить эвакуацию станков и материалов до подписания конвенций. 6 февраля мной была получена телеграмма от уполномоченного ГАУ, где последний сообщал, что вышеуказанное «распоряжение задерживает разгрузку и направление грузов, оторачивая возможность ныне же использовать все для общего дела. Станки и материалы гибнут под открытым небом». Такая же телеграмма была получена мною и от нач. Снабрума ген. Кияновского: «эвакуированные материалы портятся, станки ржавеют, страдает от промедления общее дело, прошу срочно мне телеграфировать, что распоряжения Парашивеско недействительны». Наконец, из Ставки главковерха на имя сенатора Засядко также была прислана тревожная телеграмма: «распоряжения Парашивеско задерживают разгрузку — материалы, в особенности селитра, от долгого хранения подвергаются порче. Снабрум ходатайствует о наискорейшем соглашении с Румынией относительно эвакуируемых грузов».

При таком кошмарном положении я решил представить на утверждение не самые конвенции, а лишь основные их принципы, полагая, что о мелочах и частностях можно договориться потом, а именно в Русско-румынской комиссии, образованной в Киеве при нач. ОКАРТУ [1] по рассортировке артиллерийских грузов, за исключением, конечно, вопроса о чертежах снарядов, который в это время уже был решен в нашу пользу при содействии румынского посланника Диаманди, весьма помогавшего скорейшему разрешению встретившихся противоречий. Основные принципы конвенций были одобрены нач. ГАУ Маниковским 7 февраля 1917 г. Однако, дело подписания конвенций вступило в новую фазу задержек, которые происходили уже не по вине румын, а по нашей собственной. 8 февраля я был с докладом у помощника военного министра Гарина, но он был настолько занят, что его секретарь, указывая на длиннейшую очередь, жаждущих его видеть, сообщил о полной невозможности моего доклада. Сенатор Гарин считал необходимым всех выслушать, поговорить с каждым просителем, чтобы никого не обидеть, для него все были равны — для всех была одна очередь — это

[1] Начальник окружного артиллерийского управления.

был честнейший и благороднейший человек, выдвинувшийся своими образцовыми ревизиями. Результаты же такой справедливости и такого благородства слишком задерживали все дела — его приемная была полна — между прочим — и различными поставщиками, дельцами, расфранченными дамами и т. д.

В тот же день я опять вернулся к сенатору Гарину с самой резкой запиской от А. Маниковского, где было указано, что он снимает с себя всякую ответственность за порчу всех грузов, эвакуируемых из Румынии, если конвенции не будут немедленно подписаны. Гарин решил тогда уделить мне десять минут времени, назначив мой доклад во время своего завтрака, так как все остальное время у него было занято приемом всех, толпившихся у него с самого раннего утра до позднего вечера и не имевших возможности попасть к нему по несколько дней. Мой доклад, однако, не произвел на него абсолютно никакого впечатления, он ответил: «я здесь не при чем — как я могу утверждать конвенции, которые я не изучал; я назначу особую комиссию из представителей всех управлений, пусть она изучит это дело. Пишите доклады». Сенатор Гарин был штатский человек и совершенно не был приспособлен для решения дел в военное время — это была полная противоположность моему начальнику. А. Маниковский решил тогда двинуть все это дело помимо Гарина, непосредственно к вновь назначенному военным министром ген. Беляеву, бывшему перед своим назначением долгое время в Румынии, а потому и близко принимавшему к сердцу все румынские дела. Но, однако, и здесь в виду крайней занятости Беляева мой доклад был назначен лишь на 25 февраля 1917 г., когда и были утверждены полностью конвенции.

27 февраля, однако, разразилась давно ожидавшаяся революция и, ввиду переходного периода, румынские грузы опять стали простаивать или непроизвольно ездить по всяким направлениям — здесь давала себя знать и катастрофа с расстройством железнодорожного транспорта, и катастрофа с недостатком помещений и складов, а между тем румынские грузы «перли» изо всех щелей — и из Архангельска в Румынию и из Румынии в Россию...

Ввиду начавшейся еще в ноябре—декабре стихийной эвакуации, само собой разумеется, что еще до подписания конвенций — необходимо было сделать целый ряд телеграфных распоряжений. Подписание конвенций лишь закрепило все эти мероприятия. Помимо телеграммы от 18 декабря 1916 г., посланной нашему представителю в Румынию, мной тогда же были сделаны соответствующие распоряжения начальнику Киевского артсклада о направлении станков и оборудования румынских заводов в этот склад для их последующего распределения. Комиссия под председательством нач. ОКАРТУ была образована еще 7 января 1917 г., в нее, помимо личного состава склада, вошли представители от а) Киевского военно-промышленного комитета, б) Киевского общественного управления, в) Юго-западных ж. д., а также уполномоченного от ГАУ — Н. Шульга и временные представители от других организаций, получавших станки. Согласно предварительным распоряжениям, утвержденным затем конвенцией, заключенной между Россией и Румынией, станки румынских пороховых заводов в Дудештах и Марочештах, а также патронного завода находились уже в пути — в Шостенский пороховой и Луганский патронный заводы; оборудование для изготовления фенола, толуола и пикриновой кислоты было использовано непосредственными указаниями ген. Ипатьева, представитель которого также был

командирован в Киев; далее следовало распоряжение о выделении оборудования, которое румыны оставляли себе для организации своего завода на юге России для ремонта материальной части артиллерии. Для изготовления снарядов для румын согласно конвенции был предназначен наш Кусинский завод — калибры снарядов были выбраны, главным образом, для тех орудий, которых имелось более значительное количество.

Сырые материалы должны были быть направлены: сталь — в Киевский арсенал, медь поровну — на Самарский и Петроградский трубочные заводы, селитра чилийская — в Сергиевский завод взрывчатых веществ, селитра аммиачная — на Сергиевский и Охтенский заводы, свинец — в Луганский патронный завод, тигли — в Самарский трубочный завод, серная кислота, хлопок, целлюлоза — в Шостенский пороховой завод и т. д. Все эти распоряжения были одобрены, наконец, конвенцией.

Склад для румынских грузов должен был быть оборудован в Карловке, где имелись свободные сараи, кроме того впоследствии было предположено образовать такой же склад в Селецине, где также оказались свободные помещения.

Заключенные конвенции кроме того одобрили и предварительные распределения румынских рабочих, проекты которых также еще в декабре были отправлены в Киев [1]. Размещение румынских рабочих встретило на практике громадные затруднения. Распределение их по небольшим заводам мелкими партиями, конечно, значительно бы облегчило их командирование, но требование румынского правительства о сосредоточении их в количестве не менее 300 в каждой определенной местности имело следствием то обстоятельство, что многие частные промышленные предприятия отказались от приема этих рабочих. Распределение их совпало как раз с кризисом наших заводов из-за недостатка топлива, вызванного расстройством железнодорожного транспорта; многие заводы, заявившие желание на размещение румынских рабочих, затем присылали спешные просьбы о приостановке отправки. Самые большие затруднения были встречены, конечно, хлопотами по расквартированию и продовольствию румынских рабочих, которым согласно конвенции в течение первых двух месяцев должны были быть отведены помещения и обеспечено питание на счет русской казны. Приходилось одновременно с командированием обращаться с соответствующим ходатайством и в Главное интендантское управление.

Особая часть конвенции касалась вопроса снабжения румынской армии оружием и огнеприпасами, принятого на себя русским военным министерством. Приходится привести здесь эту выдержку из конвенции, чтобы показать какие нормы требовались от нас румынами.

1. 3.000 снаряженных стальных фугасных гранат для пушек 75-мм — в день.

2. 500 снаряженных стальных фугасных бомб для пушек и гаубиц 105-мм — в день.

3. 100 снаряженных бомб из сталистого чугуна для пушек 152,4-мм — в день.

---

[1] Всего румынских рабочих было около 10.000: токарей и слесарей — 3.500, рабочих деревообделочников — 1.000, рабочих горячей обработки металла — 1.000, рабочих пороховых и патронных заводов — 800, рабочих нефтяной промышленности — 1.500, углекопов — 600, рабочих кожевенных заводов — 500, рабочих мукомольных и других заводов — 600.

4. 2.000 снаряженных гранат из сталистого чугуна для пушек 57-мм — в день.

5. 400 пулеметов Максима со всеми принадлежностями (100 шт. в месяц, начиная с 1 января 1917 г.) с первоначальным единовременным отпуском по 18.000 патронов к каждому пулемету, а потом — по 30.000 патронов ежемесячно к каждому пулемету.

6. 1.000.000 патронов Веттерли — в месяц.

7. 2.000.000 патронов для австрийских ружей калибром 8 мм — в месяц.

8. 100.000 трубок французского образца без запальных стаканов в виде единовременной первоначальной выдачи для снарядов, имеющихся в Румынии, которые не снабжены трубками, и ежемесячно — по 90.000 трубок для снарядов, вновь изготовляемых.

9. 3000 кг артиллерийского пороха — в день, начиная с числа, устанавливаемого впоследствии.

10. 15.000 кг взрывчатых веществ — в день, начиная с устанавливаемого впоследствии числа.

11. 30 тонн чугуна для изготовления снарядов — в день.

После заключения конвенций, ввиду того, что Сестрорецкий оружейный завод, получивший заказ на изготовление автоматов моей системы, приступил к составлению чертежей, требовавшему моего присутствия на заводе, я обратился к военному министру Беляеву с просьбой об освобождении меня от румынских дел вместе с расформированием моей комиссии, на что и последовало его согласие; вместо комиссии были образованы особые делопроизводства в каждом управлении.

Непродолжительная моя работа в качестве председателя румынской комиссии при ГАУ с середины ноября 1916 г. по 26 февраля 1917 г., т. е. в течение 3 месяцев совпала с самым тяжелым для румынской армии временем — временем ее отступления из пределов Румынии и стихийной эвакуации ее учреждений, складов, заводов и т. д. Работа эта заставила меня пережить много тяжелых минут из-за сознания невозможности в полной мере помочь румынской армии в самые несчастные для нее дни. Я помню приезд в Петроград г. Коанда, румынского представителя при ставке — вероятно в феврале 1917 г. — и его слова о безвыходном положении румынской армии, оставшейся без своих интендантских запасов, взятых неприятелем, и без русской помощи в отношении продовольствия, которая не могла быть сразу налажена, главным образом, ввиду полного расстройства железнодорожного транспорта и январских заносов; за целый месяц, по его словам, пришло всего 3 вагона с продовольствием, несмотря на все обещания со стороны русского военного министерства и управления по снабжению румынского фронта. После февральской революции понадобилось еще новое соглашение, а именно от 25 апреля 1917 г., согласно которому было постановлено, что все продовольствие, получаемое из русских интедантских складов, должно распределяться пропорционально наличию людей и лошадей, находящихся в русской и румынской армиях румынского фронта, которые должны считаться «единой армией»; кроме того, русское военное министерство обязалось немедленно образовать интендантские запасы для румынских складов в Бакау, Таргу-Фрумос и Барлад, а также поставить румынской армии 100 000 палаток, 100.000 шинелей, 200.000 пар обуви, 250.000 комплектов белья, 40.000 лошадей, 4.000 повозок, походные кухни, артиллерийскую упряжь и т. д.

Так как изложение всяких исторических данных должно иметь главную задачу в указаниях и выводах для будущего, то заканчивая «румынский эпизод», насколько мне пришлось к нему прикоснуться, я считаю необходимым отметить, что несмотря на наличие об'ективных причин, способствовавших всем неудачам в снабжении румынской армии, а именно надвигавшейся разрухи на внутреннем фронте после трех лет исключительно тяжелой и бедственной войны, когда все начинало постепенно уже разрушаться, и во время беспрестанной смены — «чехарды» министров, не имевших даже времени войти в курс своего дела, — причинами происшедших неудач были, конечно, и наши коренные ошибки. Желание помочь румынам безусловно имелось — об этом не стоит и говорить, с другой стороны, несмотря на 3 года войны продовольственные и вещевые интендантские запасы все-таки еще имелись в достаточном количестве — весь вопрос заключался в неумении правильно организовать все дело снабжения.

Из изложенного видно, что с самого начала в этом деле начинается досадная двойственность. Оценивая теперь весь этот эпизод через призму времени, я считаю, что нам надо было:

1. Принять самые энергичные меры, — не теряя ни одной минуты,— для скорейшего образования управлений Снабрума — в данном случае приказ издается 5 декабря 1916 г., а эти управления открывают свои действия 22 января 1917 г., т. е. через 1½ месяца (это в военное-то время, когда всего в 2½—3 месяца австро-германцами была закончена румынская кампания).

2. Вместо всякого словоговорения о мертворожденном Русско-румынском комитете необходимо было сразу образовать в каждом довольствующем управлении и в особенности в Отделе по перевозкам ГУГШ, являвшемся в данное время самым слабым местом, — соответствующие румынские делопроизводства, как это было сделано в конце февраля 1917 г.

3. Для об'единения всего этого дела надо было сразу назначить при помощнике военного министра Гарине особое лицо, освобожденное от всех своих других занятий, ведающее только одними румынскими делами и что — самое главное — наделенное особыми полномочиями. Само собой разумеется, что назначение сенатором Гариным, который сам даже не имел времени выслушать доклад по румынским делам, — ген. Занкевича для руководства этими делами, также перегруженного исполнением своих прямых обязанностей по должности генерал-квартирмейстера ГУГШ, конечно, не могло разрешить нашего вопроса. Наша же комиссия, работавшая при ГАУ, не имела абсолютно никаких прав и полномочий и состояла всего из меня и моего секретаря (раненого офицера); другие же сотрудники работали каждый по исполнению своих прямых обязанностей в различных довольствующих управлениях.

Надо было кому-то, несмотря на все трудности переживаемого времени, во что бы то ни стало сразу добиться от высших инстанций надлежащей организации, наша общая вина — в том числе и моя, — что этого нам не удалось сделать.

ГЛАВА 7

Возобновление работ с автоматическими винтовками. Недостаток в русской армии ручных пулеметов, получивших к этому времени большое распространение в иностранных армиях. Необходимость приблизить разработку автоматической винтовки к типу ручного пулемета. Появление автомата. Свойства и назначение этого типа оружия. Формирование и отправление на фронт первой команды, вооруженной автоматическими винтовками. Результаты испытаний автоматов в авиации. Заказ автоматов Сестрорецкому оружейному заводу. Необходимость переноса заказа на другой завод ввиду невозможности получить соответствующее дополнительное оборудование с американских заводов, а также вследствие падения производительности Сестрорецкого оружейного завода по основной его продукции — 3-линейным винтовкам. Постановление исполнительной комиссии при военном министре от 2 января 1918 г.

Отозванный — общим распоряжением А. Маниковского из армии наравне с другими изобретателями — Токаревым и Рощепеем — обратно, на прежнюю мою службу в Артком итет для продолжения работ по автоматической винтовке, я, однако, прямо с фронта получил командировку в Англию и во Францию, а по возвращении на меня были возложены обязанности пом. нач. оружейных, патронных и трубочных заводов; обстановка мировой войны с катастрофой снабжения армии требовала при этом крайне интенсивной деятельности с участием, помимо выполнения текущих работ, в заседаниях подготовительной артиллерийской комиссии, образованной из членов Гос. думы и Гос. совета, а также в совещаниях Совета обороны; помимо поездок в Могилев в ставку и на заводы, в особенности на расширявшиеся и вновь строившиеся, приходилось иметь постоянные командировки, совершенно выходящие из пределов моей службы, как, например по крайне срочной организации склада в Вологде для разгрузки Архангельского порта, по выбору местоположения для третьего склада для той же цели, который был затем устроен в Ярославле и, наконец, длительная командировка в Румынию. Отсюда видно, что мне было не до работ с моей автоматической винтовкой, которые были, однако, вновь возобновлены еще летом 1915 г., причем в мое отсутствие все дело вел В. Дегтярев.

Приступая к работам, мне надо было прежде всего выяснить вопрос о том, в каком направлении было бы целесообразнее всего работать в данное время — продолжать ли разработку автоматической винтовки или же несколько видоизменить этот тип оружия, приблизив его, хотя бы только отчасти, к ручному пулемету, значение которого так резко выдвинула мировая война и крайний недостаток которых в русской армии был также одним из самых слабых ее мест.

Посещение мной французского фронта в ноябре 1915 г., а именно района расположения X армии на участке Mont St. Eloy — Carenci — St. Nasaire лишь воочию показало мне, каким громадным количеством ручных пулеметов уже в то время обладала французская армия.

Все виденное мною на фронте лишь было основанием:

1) для некоторого изменения направления моих работ по автоматическому оружию,

2) для подробного доклада после возвращения из командировки нач. ГАУ Маниковскому о крайней необходимости немедленного увеличения заказа ручных пулеметов иностранным фирмам, главным образом, системы Шоша и

3) такого же доклада о необходимости постройки у нас специального завода для изготовления этого нового типа оружия, о чем и был возбужден вопрос в том же 1916 г.

Ввиду крайне важного значения этого нового оружия, приходится сказать несколько слов о том, при каких же обстоятельствах появился ручной пулемет, достигший такого распространения в иностранных армиях.

Известно, что наступающая пехота должна обладать возможно меньшею уязвимостью и в то же время иметь оружие, дающее наибольшую частоту огня. Обыкновенные магазинные винтовки по скорости огня значительно уступают автоматическим. Принятие последних на вооружение дало бы возможность сократить число людей, сберечь их и в то же время достигнуть бо́льшей силы огня. Конечно, с этой точки зрения было бы наиболее выгодным влить в стрелковые цепи — состоявшие на вооружении станковые пулеметы, но тип тяжелого пулемета при своей громоздкости и тяжести совершенно не подходил для этой цели. Вся система станкового пулемета, — стрелявшего с тяжелого станка весом 2—3 пуда, требовавшая перетаскивания с собой запаса патронов в лентах и в ящиках с машинками для набивки лент, запасов воды, т. е. со значительным пулеметным имуществом, — не удовлетворяла поставленным требованиям одновременного движения вперед вместе со стрелковыми цепями и широким при том применением к местности. Надо было значительно облегчить станковый пулемет и в первую очередь — отбросить тяжелый станок, приняв сошки. При таких условиях и появился на полях сражений ручной пулемет, хотя и уступавший станковым в отношении как продолжительности огня, так и лучшего его управления, но зато имевший за собой неоцененное преимущество в меньшем весе всей системы, большей подвижности, большей применимости к местности и большей свободе действий.

Союзные с Россией армии уже в середине войны перестали увеличивать количество своих тяжелых станковых пулеметов. Англия передает России все имевшиеся у нее заказы на эти пулеметы. Во Франции к концу 1916 г. имелось всего 13.000 станковых пулеметов. Это об'ясняется исключительно тем, что Франция прекратила изготовление этого типа оружия и признала необходимым снабжать армию ручными пулеметами, количество которых к 1 января 1917 г. уже доходило до 91.000.

У наших союзников преобладающее значение получили системы: Льюиса — в английской армии и Шоша — во французской [1]; кроме того, во Франции было изготовлено некоторое количество автоматов системы Мондрагон, но применение их не дало хороших результатов. Что касается Германии, то в этом отношении необходимо отметить: 1) переделку существующего пулемета Максима для возможности стрельбы из него без станка и пользования им как ручным пулеметом — путем

[1] Главные данные ручных и станковых пулеметов, введенных на вооружение армий различных государств во время мировой войны, — см. приложение № 4

добавления приставного приклада, револьверной рукоятки к спуску и особого вилообразного упора — подставки с кольцом, надеваемым на кожух; пулемет снабжался ремнем для возможности носки через плечо; имелось два образца 1908/1915 и 1908/1918 гг. — пехотный и авиационный и 2) снабжение германской армии автоматами системы Маузера, главным образом, для авиации. Австро-венгерская армия имела значительно облегченный тип станкового пулемета Шварцлозе.

В России во время мировой войны в ГАУ постоянно поступали требования войск об отпуске ручных пулеметов. В короткий промежуток времени в самом начале войны войскам было роздано все имевшееся количество ружей-пулеметов устаревшей системы Мадсена, которые после русско-японской войны были сняты с вооружения кавалерии и переданы в крепости и склады ввиду некоторых свойственных им конструктивных недочетов. Несмотря, однако, на эти недочеты тип оружия, тип легкого ручного пулемета получил настолько важное значение, что войска с крайней заботливостью относились к тому небольшому количеству ружей, которое им удалось получить. Для удовлетворения насущных потребностей войск в этом отношении в 1915 г. было заказано 11.000 ручных пулеметов системы Льюиса и в 1916 г. 20.000 — системы Шоша. В течение 1917 г. в русской армии было получено 11.000 пулеметов Льюиса и 6.100 ружей-пулеметов Шоша [1]. Кроме того, было заказано 15.000 ручных пулеметов Мадсена улучшенной системы и 15.000 автоматов Федорова. Норма снабжения в русской армии, как это указано выше, была определена в 128 ручных пулеметов на пехотный полк и 36 на кавалерийский, требовавшая заготовления 110.000 экземпляров. Считая все наши заказы (11.000 + 20.000 + 15.000 + 15.000 = 61.000), указанная выше норма не была выполнена не только в действительности, но даже и по числу заказанных ручных пулеметов.

Трагедия в отношении ручных пулеметов продолжалась слишком долго — она имела свое место и во время мировой и гражданской войн и была ликвидирована лишь после принятия в 1927 г. пулемета Дегтярева.

Как-будто злой рок тяготел над этим типом оружия. Утверждение доклада о постройке особого пулеметного завода, несмотря на условия военного времени, долго задерживается в Совете министров.

Установка производства ружей-пулеметов системы Мадсена окончилась полным крахом — ни один из 10 экземпляров, особо тщательно сделанных, из числа первой пробной партии в 50 экземпляров не был принят приемщиком — все деньги, ассигнованные на систему Мадсена, а также и часть средств, предназначенная для совершенно другой системы Федорова, были истрачены заводом, в 1918 г. иностранные инструктора покинули завод — средств не было.

Заводский корпус, в котором было начато изготовление автомата Федорова сгорел с порчей всех механизмов и вновь изготовленных приспособлений, инструментов и калибров.

Установка автомата Федорова, производившаяся в разгар гражданской войны и кризиса промышленности на недооборудованном и недостроенном заводе также дала неудовлетворительные результаты — автомат был снят с вооружения.

---

[1] А. Маниковский «Боевое снабжение русской армии в войну 1914 — 1918 гг.», часть I.

Вновь сконструированный ручной пулемет системы Максима-Токарева в равной мере оказался неудовлетворительным и также был снят с вооружения.

На разработку пулемета Дегтярева первоначально не отпускается никаких денежных средств, а взамен ручного пулемета в 1924 г. было предложено разрабатывать автоматическую винтовку.

О всей этой эпохе подробно изложено в III части моего труда.

Из всего изложенного выше видно, что насущная потребность для русской армии заключалась не в автоматической винтовке, а в ручном пулемете, почему и надо было — насколько возможно — приблизить наши работы к этому новому типу. Разрабатывать же совершенно новый образец ручного пулемета, принимая во внимание ту медленность, с какой у нас двигались наши конструкторские работы, конечно, нечего было и думать.

Летом 1915 г., ввиду расширения технической мастерской при стрелковой школе, — по мысли ее начальника Н. Филатова с Сестрорецкого завода были запребованы детали 3-линейных автоматических винтовок моей системы, заказанных этому заводу в 1913 г. в количестве 150 экз. Таких деталей, изготовленных окончательно или более или менее близких к окончанию, на заводе оказалось около 100 комплектов. Доделка этих деталей, отладка и сборка была поручена технической мастерской под руководством В. Дегтярева, который и был откомандирован с Сестрорецкого завода в Стрелшколу.

Итак, опытные работы вновь начались — жизнь показала, что, несмотря на все теоретические рассуждения, различные опыты и разработки оружия надо было вести и во время войны. Мировая война лишь подтвердила это положение самым жестким образом — стоит лишь вспомнить, какое количество новых изобретений и новых достижений появилось в это время, начиная с танка, противотанковых ружей, авиационных и ручных пулеметов и т. д. С другой стороны, необходимо отметить, что и во время всех прежних войн разработка и введение новых образцов вооружения никогда не прекращались. В Севастопольскую войну для гладкоствольных ударных ружей испытываются и затем вводятся вместо круглых, — полушарные пули Нейслера, образцы которых были захвачены в патронной сумке от одного пленного француза. Во время той же войны в армии вводятся нарезные ружья обр. 1854 г. по 104 экз. на каждый батальон. В русско-турецкую войну Скобелевская дивизия перевооружается 4,5-линейными винтовками системы Пибоди, захваченными от пленных турецкой армии. В русско-японскую войну производятся срочные испытания ружей-пулеметов Мадсена с формированием и отправлением на фронт 32 конно-пулеметных команд. Кроме того, испытываются и заказываются особые панцыри в количестве 100.000 экз. для русских стрелков французской фирме Симоне и Геслуэнь.

Прекращать опытные работы было нельзя, — надо было двигать изготовление и моих автоматических винтовок.

Помимо сборки винтовок мною, согласно указанным выше соображениям, было решено переделать хотя несколько опытных автовинтовок для возможности вести из них и непрерывную стрельбу, соответствующим образом видоизменив конструкцию спускового механизма и приспособив приставной магазин на 15—20 патронов. Подобным же образом были переделаны и мои малокалиберные автовинтовки, изготовлявшиеся в Сестрорецком заводе в течение конца 1913 и начала 1914 г. При этом—

путем вставки вставного патронника — последние были приспособлены для стрельбы японскими патронами. Магазин для этих винтовок удалось спроектировать на 25 патронов с шахматным расположением патронов ввиду меньшего калибра японского патрона и гильзы без выступающей закраины (вернее с так называемой полузакраиной), при которой не могло при том получаться и обычных для 3-линейного патрона задержек вследствие задевания шляпки за шляпку. Японский патрон был выбран мною по той причине, что к этому времени уже последовало распоряжение вооружать все корпуса, входившие в войска северного фронта, японскими винтовками, для которых английские и японские патронные заводы высылали совершенно достаточное количество японских патронов; таким образом, получалась выгода в наличии для этих войск одного патрона как для обыкновенных винтовок системы Арисака, так и для автоматических винтовок, которые подлежали выдаче различным командам этого фронта.

Этот тип оружия — по мысли Н. Филатова — и был впоследствии назван автоматом[1], причем с этого времени и появилась новая классификация автоматических винтовок (самозарядные, самострельные и автоматы). Самострельная винтовка в отличие от самозарядной дает возможность с одного нажатия на спуск выпускать все патроны магазина, имея для этого в конструкции спускового механизма особый переводчик, дающий возможность вести из винтовки по желанию одиночный и непрерывный огонь, автоматом же называется такая самострельная винтовка, которая имеет вместо постоянного магазина на 5 или 10 патронов обязательно приставной магазин на большее (около 25 и более) число патронов; таким образом получается возможность вести непрерывно пулеметный огонь, заряжая автомат вставными магазинами, т. е. приближаясь к стрельбе из ручного пулемета. Автомат при вставке малого магазина на 5 или 10 патронов превращается в самострельную винтовку, а благодаря наличию переводчика и в самозарядную, ведущую одиночный огонь, причем в случае применения автомата в виде самозарядной или самострельной винтовки, заряжание производится обыкновенным способом — помощью обоймы.

Таким образом автомат являлся универсальным индивидуальным оружием. Имея вес, почти одинаковый с весом винтовки, он мог вести самую разнообразную стрельбу: а) одиночную, при заряжании из обоймы до 20—25 выстрелов в минуту — как самозарядная винтовка, непрерывную — при заряжании из обоймы до 35—40 выстрелов в минуту — как самострельная винтовка, б) одиночную при заряжании вставными магазинами на 25 патронов до 50 выстрелов в минуту, непрерывную при заряжании такими же магазинами до 100 выстрелов в тот же промежуток времени. Предполагалось, что лучшим стрелкам, обладающим хорошей выдержкой, спокойствием и дисциплиной, можно было бы дать и более совершенное оружие, т. е. автомат, так как хороший стрелок не выпустит даром своих патронов и не останется без них в нужную минуту. Опыты с моим автоматом показали, что из него можно было бы выпустить непрерывным огнем —

[1] По прежней номенклатуре такое оружие относилось к типу ручных ружей-пулеметов, что видно из следующей таблицы (Журнал Оружейного отдела № 381 1916 г.): пулеметы — вес 3—4 пуда, максимальная скорость стрельбы 400—600 выстрелов в минуту; ружья-пулеметы — 20—25 фунтов и 150—200 выстрелов в одну минуту; ручные ружья-пулеметы — 11—13 фунтов и 100 выстрелов в минуту; автоматические самозарядные винтовки — 10—12 фунтов и 20—25 выстрелов в минуту.

очередями по 3—4 патрона подряд 300 выстрелов, но далее, ввиду тонкости и сильного нагрева ствола, получались уже задержки, главным образом, из-за неудовлетворительной экстракции гильз. Необходимо было помнить, что нормальным, наиболее часто применяемым видом стрельбы из автомата при обыкновенных условиях являлась стрельба одиночная; такая стрельба, благодаря металлическому цевью, могла вестись более долгое время со скоростью 25 выстрелов в минуту — у 7,62-миллиметровой винтовки после 100 выстрелов начинает уже тлеть ствольная накладка и деревянная ложа; вес металлического цевья автомата и утяжелял несколько его систему. Только в случае появления весьма крупных целей и для отражения атак применяется непрерывная стрельба из магазина на 25 патронов. Неожиданное открытие такой пулеметной стрельбы производит значительный моральный эффект, но однако такая стрельба должна была вестись лишь в самые редкие исключительные моменты. Автомат никоим образом не мог заменить ручного пулемета, ведь он имел тонкий ствол; соответственно этому ему и было назначено всего три магазина, ружье же пулемет должно их иметь, по крайней мере, около пятнадцати экземпляров. Непрерывная стрельба без упора о какой либо предмет никоим образом не могла быть разрешаема, так как слишком ясно, что такая стрельба не даст ничего иного, кроме напрасной траты патронов; нормальным видом непрерывной стрельбы, которую можно было бы вести более продолжительное время, могла быть стрельба — при непременном использовании упора — очередями в 3—4 патрона.

Что касается до вопроса, на вооружение каких частей было бы предпочтительнее выдать автоматы, то в первую очередь он предназначался для вооружения различных специальных команд: мотоциклистов, бронированных автомобилей, прислуги пешей артиллерии взамен прикрытий, конно-охотничьих команд и т. д. и затем лишь для выдачи отборным стрелкам в пехоте. Как нормальное вооружение пехотинца автомат не был подходящим вооружением, так как он для уменьшения веса имел слишком короткий ствол, даже менее нашего карабинного; прицел также был принят японский карабинный, отличавшийся слишком простым устройством.

По сравнению с обыкновенной неавтоматической винтовкой автомат — как тип оружия — имел следующие выгоды.

1. Сохранение сил стрелка, взамен которого работу по перезаряжанию производили пороховые газы.

2. Ослабление отдачи, поглощаемой возвратными пружинами.

3. Увеличение скорострельности и возможность изменять эту скорострельность в очень широких пределах.

4. Возможность выпустить подряд значительно большее число одиночных выстрелов по сравнению с обыкновенной винтовкой, при стрельбе из которой уже после 100 выстрелов начинает тлеть ствольная накладка и цевье ложи.

5. Возможность превращать автомат в самозарядную винтовку для одиночной стрельбы при заряжании из обоймы с магазином на 10 патронов, а также в самострельную, т. е. универсальность оружия.

6. Для отражения атак и при появлении крупных целей обстреливать их непрерывным огнем и тем производить сильный моральный эффект при неожиданном открытии пулеметного огня.

Автомат появился на вооружении не только у нас, но и в иностранных армиях, когда определилось стремление увеличивать скорость огня

даже обыкновенных магазинных винтовок, когда в Германии появились винтовки Маузера обр. 1898 г., снабженные 25-зарядными магазинами, во Франции — подобные же винтовки Лебеля; у нас была одобрена переделка магазина 7,62-миллиметровых винтовок по способу Кириллова, заказ которых не было выполнен лишь ввиду окончания военных действий. Появилась мысль приспособить такие же 20-зарядные магазины и к автоматическим винтовкам: то были автоматы Мондрагона во Франции и Германии, Федорова — в России, Фаркара-Хилл — в Англии, Маузера — в Германии, Браунинга — в Америке. Невыгода автомата как типа оружия, как это выяснилось впоследствии, заключалась в том, что он занимает среднее место между самострельной винтовкой и ручным пулеметом и из-за этого возможно пред'являть к нему такие требования, которые он не сможет выполнить. В нашем первоначальном уставе «Боевая служба пехоты» к автоматам были отнесены системы как Федорова, так и Шоша, а между тем между этими системами нет ничего общего. Автомат Федорова, помимо возможности ведения непрерывной стрельбы, предназначался преимущественно для одиночного огня при заряжании из обоймы, для чего и пришлось усложнить его устройство; из ручного же пулемета Шоша никоим образом нельзя вести одиночного огня, а также и заряжать его из обоймы.

Много проработав с автоматическими винтовками и автоматами, я могу лишь сказать, что самострельная винтовка, т. е. винтовка, имеющая возможность вести непрерывную стрельбу при магазине всего на 5 или 10 патронов, конечно, является конструктивным недоразумением, выдача самозарядных винтовок на вооружение только отборных стрелков в ротах, а не в виде общего перевооружения всей армии — как это предполагалось ранее — является мерой совершенно нерентабельной, ибо такая выдача, конечно, не сможет даже хотя бы несколько усилить огневую мощь войсковых частей — остается один автомат — этот безусловно хороший, но довольно «путанный» тип оружия, ввиду чего, он обязательно и требует правильных взглядов на свое применение.

Причинами снятия с вооружения первоначальных образцов автоматов как у нас, так и в иностранных армиях были не только недостатки системы, но до некоторой степени и вопросы типа этого оружия...

Работа в технической мастерской Стрелкшколы двигалась довольно успешно и летом 1916 г. началось уже формирование особой команды, вооруженной автовинтовками и 8 автоматами. То была первая часть, вооруженная у нас таким оружием — она была придана 189 пехотному Измаильскому полку. Команда была широко снабжена всеми новыми техническими усовершенствованиями: 1) оптическими прицелами и биноклями, 2) приборами для стрельбы из-за закрытий, 3) переносными стрелковыми щитами, 4) особыми штыками-кинжалами по образцу кавказского казачьего войска. Команда имела второй комплект обученных стрелков для пополнения убыли, причем запасные стрелки были вооружены автоматическими пистолетами Маузера.

В течение лета и осени 1916 г. командой был проведен целый ряд практических стрельб (около 100) и таким образом, 7,62-миллиметровые автовинтовки моей системы были подвергнуты и войсковому испытанию, кроме комиссионных испытаний — журнал Оружейного отдела № 31—1911 г. и полигонных — журнал Оружейного отдела № 51—1912 г.

В декабре 1916 г. команда была отправлена на фронт, причем до окончания войны она находилась на румынском фронте; при стихийной демобилизации армии после Брест-Литовского мира команда, повидимому, постепенно разошлась.

Что касается автоматов под японский патрон, то они по указанию начальника Управления военно-воздушного флота были переданы на испытание в 10-й авиодивизион. Конструкция системы под русский 7,62-миллиметровый и японский 6,5-миллиметровый патроны были одинаковы — последняя отличалась от 3-линейной системы только деталями.

Результаты испытаний были изложены в журнале Оружейного отдела за № 381—1916 г. Заведующий авиацией донес, что «ружье В. Федорова дало прекрасные результаты испытаний на аппаратах — прошу наряда 100 таких ружей для авиоотрядов. Ружье во всех отношениях лучше ружья Шоша. 17644». Нач. 10 авиодива Горшков телеграфировал, что испытания дали отличные результаты и что летчики ходатайствуют о вооружении их ружьями В. Федорова.

Ввиду всех полученных результатов испытания системы как под русский, так и японский патрон, нач. ГАУ приказал мне еще в марте 1916 г. обследовать вопрос о возможности заказа моей системы на одном из частных заводов, чтобы не затруднять казенные оружейные заводы, занятые спешным изготовлением 3-линейных винтовок, причем «выяснилось, что завод Семенова (журнал Оружейного отдела № 381—1916 г.) в Петрограде согласен был бы приступить к их изготовлению, но лишь при условии заказа ему значительного количества ружей, а именно не менее 50.000 экземпляров; такой же ответ был дан и от представителей группы Терещенко. По мнению В. Федорова такой значительный заказ не мог быть дан по той причине, что в то время еще не было произведено войскового испытания винтовок его системы. Ввиду изложенного заключения В. Федорова, вопрос о заказе и был оставлен без движения»...

В сентябре месяце нач. ГАУ вновь приказал рассмотреть вопрос о заказе, что и было поручено Оружейному отделу. Приведя результаты испытаний, Отдел в упомянутом выше журнале «признал необходимым заказать 25.000 автоматов В. Федорова при условии, что стволы (кроме копировки казенного утолщения) будут изготовлены казенными оружейными заводами. При определении данного количества Отдел руководствовался теми соображениями, что 25.000 автоматических винтовок является наименьшим количеством, при котором можно рассчитывать, что заказ этот будет принят солидным заводом, механическое оборудование которого, личный состав и выполнение прежних нарядов допускали бы уверенность в успешном изготовлении заказанных автоматов, несмотря на совершенную новизну этого дела для частных заводов России. Что касается до казенных оружзаводов, то отвлекать их от усиленного производства 3-линейных винтовок и пулеметов, ввиду крайней потребности в них для нужд действующей армии Оружейный отдел в то время считал невозможным. В случае, если бы ГАУ не удалось подыскать ни одного надежного частного завода, которому можно было бы дать на приемлемых условиях указанный выше заказ, то для размещения его, в таком случае, можно было бы об'единить несколько небольших частных мастерских, организовав, кроме того, при стрелковой школе особую мастерскую для производства наиболее ответственных частей и окончательной сборки ружей-пулеметов с тем, чтобы орга-

низация всего этого дела с выбором мастерских и налаживанием всего производства была бы возложена на В. Федорова, причем в этом последнем случае заказ мог бы быть ограничен лишь 5.000 экз.»...

Я, со своей стороны, вообще не считал возможным, чтобы был дан значительный заказ на автоматы, полагая, что в данное время автоматические винтовки находятся еще в стадии разработки (см. мой отчет с фронта, стр. 42) и что на предполагаемый Оружейным отделом заказ необходимо смотреть, как на вопрос о более широком испытании нового автоматического оружия. Как это видно из дальнейшего — заказ Сестрорецкому заводу был ограничен 15.000 экз., а затем при переносе на другой завод был уменьшен до 9.000. Конечно, было бы предпочтительнее установить производство не автоматов, а ручных пулеметов. А. Маниковский в своем труде «Боевое снабжение русской армии»[1] говорит, что «испытание ружей-пулеметов Мадсена, произведенное в Стрелковой школе в Ораниенбауме в присутствии В. Федорова дало благоприятные результаты, причем по мнению В. Федорова заказ этих пулеметов являлся предпочтительным перед заказом его автоматов». Эти пулеметы и были заказаны новому заводу.

Переговоры ГАУ с частными заводами не дали, однако, удовлетворительных результатов, вследствие незначительности, — с одной стороны, — заказа, причем заводчикам было рискованно тратить громадные суммы на одну установку производства, так и ввиду очень большой стоимости автомата, заявлявшейся этими фирмами по сравнению с расценкой, данной казенными заводами — с другой стороны.

Ввиду этого, нач. ГАУ приказал дать заказ Сестрорецкому оружейному заводу при условии некоторого сокращения сдачи 3-линейных винтовок, а именно с 14.000 до 10.000 в месяц, что в то время считалось уже возможным, ввиду значительного улучшения общего положения по снабжению армии винтовками.

Для установки производства Оружейным отделом был выбран автомат под японский патрон, ввиду того, что этот образец — помимо меньшей отдачи и меньшего нагревания ствола при стрельбе японскими патронами — по сравнению с 3-линейным обладал следующими преимуществами: 1) большею легкостью — он был легче на 1 фунт, 2) большей компактностью, 3) большей прочностью запирающихся частей и 4) более целесообразным устройством магазина на 25 патронов с шахматным расположением патронов. Кроме того, Оружейным отделом было обращено внимание на то, что на основании производившихся еще до войны опытов — при новом перевооружении решено совершенно отказаться от патронов со шляпкой, причем в автомате Федорова впервые было выполнено это требование. Имея при том в виду значительное количество японских патронов, поставляемых английскими и японскими заводами, а также громадное число японских винтовок (около 600.000), состоящих на вооружении, можно было считать, что питание — автоматов Федорова, заказанных Сестрорецкому оружейному заводу всего в количестве 15.000, — патронами будет вполне обеспечено. Постановление это было затем подтверждено особым журналом Оружейного отдела за № 441 от 21 октября 1916 г.

---

[1] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 101.

На Сестрорецком оружейном заводе немедленно по получении предписания было приступлено к составлению,—при моем участии,—рабочих чертежей, что же касается дополнительного оборудования завода для возможности выполнить новый заказ, то составленный заводом наряд на станки был переслан в русский заготовительный комитет в Америке; дело это затянулось и после февральской революции 1917 г. был получен ответ, что американское правительство прекратило отпуск кредитов на все русские закупки в Америке. При таких обстоятельствах вопрос о возможности изготовления автоматов на Сестрорецком оружейном заводе, само собой разумеется отпадал, тем более что еще в течение 1917 г. сдача 3-линейных винтовок, т. е. основная работа завода постепенно все уменьшалась и к декабрю 1917 г. упала до 4000 в месяц — нечего было и думать о возможности установки нового производства, которое, конечно, должно было еще более сузить выход винтовок. Было предположено перенести это производство на другой завод, что и было решено постановлением исполнительной комиссии при военном министре от 2 января 1918 г. и утверждено председателем особого совещания 3 января — заказ был ограничен 9.000 экз.

Ввиду переноса заказа, я получил соответствующее предписание от ГАУ выехать на новый завод для наблюдения и общего руководства за изготовлением автоматов моей системы. В феврале месяце 1918 г. Брест-Литовским миром закончилась для России мировая война — одновременно закончилась и моя разнообразная и даже слишком разнообразная деятельность в эпоху этой войны. Если в предвоенный период 1900—1914 гг. моя служба в Оружейном отделе Арт. комитета отличалась некоторой неподвижностью и планомерностью с последовательным выполнением известного плана, то с началом войны для меня началась совсем другая эпоха — эпоха беспрерывных странствий, беспрерывной смены назначений и должностей, эпоха самых разнообразных поручений.

Однако, несмотря на крайнее разнообразие этих поручений — вся эта деятельность имела только одну единственную цель — достать откуда угодно винтовки для русской армии, изнемогавшей в борьбе с могущественным противником, — достать винтовки и путем приобретения готовых партий иностранных систем, и путем установки лучшего сбора оружия с полей сражений и организации на фронте передовых починочных мастерских, и заказа новых партий винтовок и патронов заграницей, а также развитием отечественных оружейных и патронных заводов, и путем разработки более совершенного образца оружия, который мог бы заменить некоторое число обыкновенных винтовок, с всемерным настоянием везде и всюду о необходимости постройки у нас специального завода для изготовления автоматического оружия, без которого немыслимо было существование армии в эпоху развития и распространения этого оружия.

В ряды русской армии за время войны, не считая состоявших в армии к моменту об'явления мобилизации, общими усилиями оружейников всего было влито около 7.000.000 винтовок [1].

---

[1] Главные данные винтовок различных систем, состоявших на вооружении русской армии, а также других государств, принимавших участие в империалистической мировой войне 1914—1918 гг. — см. приложение 5 и 6.

Приложение 1

БОЕВОЙ СОСТАВ ДИВИЗИЙ РУССКОЙ АРМИИ ЗА СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ МЕСЯЦ 1915 г.

Боевой состав дивизий на 1 октября 1915 года (дело Военно-Исторического Архива № 82.538 по Управлению дежурного генерала при Ставке главкома): 75 пехотная дивизия — 6.260 штыков, 5 стрелковая бригада — 2.574, полк стрелковой школы — 863, 17 пех. див. — 7.382, 38 пех. див. — 5.191 (149 Черноморский полк — 821 штык, 150 Таманский — 1.179, 151 Пятигорский полк — 1.919, 152 Владикавказский — 1.272), 33 пех. див. 8.875 (129 Бессараб. — 2.106, 130 Херсон. — 2.337, 131 Тираспольс. 2.389, 132 Бендерс. — 2.045), 44 пехотная див. — 9.386, 20 пех. див. — 7.500 (77 Тенгинский — 2.121, 78 Навагин. — 1.661; 179 Куринский полк — 2.071; 180 Кабардинский полк — 1.647), 53 пех. дивизия — 6.167, 61 пехотная дивизия — 9.712, 3 стрелк. див. — 3.955, 3 кавказ. стрелк. див. — 3.631, 5 пех. див. — 6.054, 42 пехотная дивизия — 4.651, 9 пех. див. — 5.906, 31 пех. див. — 4,626, 48 пех. див. — 5.050, 76 пех. див. — 7.972, 27 пех. див. — 4.975, 21 пех. див. — 5.176, 52 пех. див. — 4.391, 1 гренадерская див. — 3.897, 2 гренад. див. — 3.906, 1 Туркестан. стрел. бригада — 4.148, 2 Турк. стрелк. бригада — 2.365, 3 Турк. стрелк. бригада — 2.914, 11 Сибир. стрел. див. — 1.530 (41 Сиб. стрелк. полк — 249 штыков, 42 полк — 326, 43 полк — 418, 44 полк — 537), 50 пех. див. — 4.188, 6 Сиб. стрел. див. — 5.297, 6 пех. дивизия — 6.401, 8 пех. див. — 6.492; 41 пех. див. — 4.291; 47 пех. див. — 4.079, 3 гренад. див. — 5.931; 46 пех. див. — 6.471; 55 пех. див. — 2.743 (217 Ковровский — 593, 218 Горбатовский — 475, 219 Котельнический — 1.093, 220 Скопинский — 582); 67 пех. див. — 3.049; 7 сиб. стрел. див. — 7.427; 8 сиб. стрел. див. — 6.266; 26 пех. див. — 4.290; 43 пех. див. — 5.172; 2 пех. див. — 4.181; Кавказ. гренад. див. — 3.950; 51 пех. див. — 4.818; 65 пех. див. — 4.248; 2 финлянд. стрел. див. — 5.036; 4 финлянд стрел. див. — 2.802, 84 пех. див. — 5.948; 61 пех. див — 2.818; 62 пех. див. — 3.033; 69 пех. див. — 3.030; 57 пех. див. — 8.070; 111 пех. див. — 6.814.

На 1 сентября 1915 года (дело Военно-Исторического Архива № 82.259) 4 пех. див. — 8.910; 16 пех. див. — 10.421; 23 пех. див. — 6.518; 37 пех. див. — 7.813; 1 финлянд. стрел. див. — 9.514; 3 финлянд. стрел. див. — 9.428; 13 пех. див. 7.839; 34 пех. див. — 7.079; 12 сиб. стрел. див. — 11.712; 13 сиб. стрел. див. — 10.503; 4 сиб. стрел. див. — 5.826; 5 сиб. стрел. див. — 6.678; 79 пех. див. — 2.891; 3 стрел. див. — 2.138 (9 стрел. полк — 478; 10 полк — 813, 11 полк — 69 и 12 полк — 778); 14 пех. див. — 7.238; 15 пех. див. — 7.289; 12 пех. див. — 5.685; 19 пех. див. — 5.331; 3 пех. див. — 8.168; 35 пех. див. — 6.149; 71 пех. див. — 9.657; 4 стрел. див. — 6.952; 11 пех. див. — 9.150; 32 пех. див. — 10.124; 2 стрел. див. — 9.021; 101 пех. див. — 5.068; 103 пех. див. — 7.697; 1 Заамур. пех. див. — 8.160; 2 Заамур. пех. див. — 6.474; 82 пех. див. — 7.699; 74 пех. див. — 4.572; 1 сиб. стрел. див. — 6.493; 2 сиб. стрел. див. — 4.367; 1 Тур. стрел. бригада — 3.512; 2 Тур. стрел. бригада — 3.905; 3 тур. стрел. бригада — 2.570; 11 сиб. стрел. див. — 1.907; 22 пех. див. — 3.777; 24 пех. див. — 2.822; 59 пех. див. — 4.622; 30 пех. див. — 2.266; 40 пех. див. — 2.321; 50 пех. див. — 2.679; 6 Сиб. стрелк. див. — 2.037; 28 пех. див. 9.709; 29 пех. див. — 12.358; 57 пех. див. — 5.481; 111 пех. див. — 7.724; 61 пех. див. — 2.562; 62 пех. див. — 1.904, 69 пех. див. — 2.000, 9 Сиб. стрел. див. — 3.551; 10 Сиб. стрел. див. — 3.761; 30 пех. див. — 2.266; 40 пех. див. — 2.321; 33 пех. див. — 1.410; (129 Бессараб. — 657, 130 Херсон. — 470, 131 Тираспольс. — 108; 132 Бендерс. — 175); 44 пех. див. — 1.399; 78 пех. див. — 1.228 (309 Овручский — 418, 310 Шацкий — 342. 311 Кременецкий — 288 и 312 Васильковский — 180).

Приложение 2.

Производительность русских оружейных заводов в 1914—17 гг.[1]

Годы и месяцы \ Завод	Первый		Второй		Третий		Итого		Всего
	Новых	Исправлен.	Новых	Исправлен.	Новых	Исправлен.	Новых	Исправлен.	
1914 г. Изготовление винтовок началось со второй половины года									
Август	3.850	—	6.446	5.695	—	—	10.296	5.695	15.991
Сентябрь	6.653	9.900	16.036	15.436	—	—	22.689	25.336	48.025
Октябрь	10.255	10.100	21.031	26.536	1.130	—	32.416	36.636	69.052
Ноябрь	13.120	13.120	20.078	28.189	1.990	—	35.188	41.309	76.497
Декабрь	12.000	12.870	18.530	22.041	2.780	—	33.310	34.911	68.221
Годовые итоги	45.878	45.990	82.121	97.897	5.900	—	133.899	143.887	277.786
1915 г.									
Январь	13.445	10.980	18.155	11.817	3.160	—	34.760	22.797	57.557
Февраль	17.755	5.090	18.012	12.172	3.593	—	39.360	17.262	56.622
Март	18.000	2.360	18.523	6.643	3.280	—	40.003	9.003	49.006
Апрель	26.050	2.610	21.730	5.144	3.495	—	51.275	7.754	59.029
Май	26.400	6.832	23.200	5.049	5.300	—	54.900	11.881	66.781
Июнь	27.560	5.450	25.550	4.978	5.730	—	58.840	10.428	69.268
Июль	32.900	3.450	28.950	3.533	6.910	—	68.760	6.983	75.743
Август	33.850	4.250	29.506	4.100	8.000	—	71.356	8.350	79.706
Сентябрь	37.500	3.750	32.252	3.900	7.400	—	77.152	7.650	84.802
Октябрь	37.500	4.000	32.350	4.100	8.270	—	78.120	8.100	86.220
Ноябрь	40.000	2.500	30.800	2.400	9.285	—	80.085	4.900	84.985
Декабрь	41.400	2.000	33.900	2.100	9.535	—	84.835	4.100	88.935
Годовые итоги	352.560	53.272	312.928	65.936	73.958	—	739.446	119.208	858.654
1916 г.									
Январь	43.200	1.100	36.009	2.000	10.205	—	89.414	3.100	92.514
Февраль	45.600	1.600	33.100	1.000	10.000	—	88.700	2.600	91.300
Март	52.000	1.000	37.700	900	10.800	—	100.500	1.900	102.400
Апрель	52.000	—	38.000	700	10.040	—	100.040	700	100.740
Май	52.000	—	38.350	100	12.505	—	102.855	100	102.955
Июнь	53.000	—	38.700	—	12.615	—	104.315	—	104.315
Июль	56.000	—	40.822	—	13.000	—	109.822	—	109.822
Август	57.000	—	43.200	850	13.815	—	114.015	850	114.865
Сентябрь	58.000	—	45.250	350	14.000	—	117.250	350	117.600
Октябрь	59.000	2.186	50.180	—	14.500	—	123.680	2.186	125.866
Ноябрь	60.000	2.800	50.360	1.900	13.302	—	123.662	4.700	128.362
Декабрь	61.000	—	53.200	2.100	13.000	—	127.200	2.100	129.300
Годовые итоги	648.800	8.686	504.871	9.900	147.782	—	1.301.453	18.586	1.320.039
1917 г.									
Январь	62.000	—	55.683	2.000	11.140	—	128.823	2.000	130.823
Февраль	42.000	—	39.020	600	10.960	—	91.980	600	92.580
Март	58.400	—	55.800	200	6.385	—	120.585	200	120.785
Апрель	47.750	2.650	52.668	—	1.300	—	101.718	2.650	104.368
Май	51.500	—	55.086	—	9.850	—	116.436	—	116.436
Июнь	54.100	—	54.000	700	9.750	—	117.850	700	118.550
Июль	40.500	—	46.800	—	8.575	—	95.875	—	95.875
Август	37.500	900	31.250	700	9.840	—	78.590	1.600	80.190
Сентябрь	40.000	—	30.000	—	8.045	—	78.045	—	78.045
Октябрь	28 125	—	32.500	—	10.705	—	71.330	—	71.330
Ноябрь	29.600	—	28.750	—	8.140	—	66.490	—	66.490
Декабрь	15.205	—	24.306	—	4.160	—	43.671	—	43.671
Годовые итоги	506.680	3.550	505.863	4.200	98.850	—	1.1 1.393	7.750	1.119.143
Всего	1.553.918	111.498	1.405.783	177.933	326.490	—	3.286.291	289.431	3.575.622

[1] А. Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 33.

Приложение 3.

Производительность русских патронных заводов за 1914—17 [1]

Годы и месяцы \ Завод	Первый казенный	Второй казенный	Частный	Итого
1915 г.				
Январь	16.512.000	17.604.000	15.763.000	49.879.000
Февраль	23.436.000	21.354.000	23.001.000	67.791.000
Март	33.096.000	22.00[illegible].000	13.881.000	68.979.000
Апрель	40.665.000	25.116.000	25 056.000	90.837.000
Май	19.944.000	22.603.000	21.079.0 0	63.626.000
Июнь	29.515.000	22.272.000	18.472.000	70.258.000
Июль	30.235.000	35.058.000	25.006.000	90.299.000
Август	40.101.000	29.189.000	23.859.000	93.149.000
Сентябрь	40.200.000	26.456.000	23.125.000	89.781.000
Октябрь	50.080.000	34.364.000	26.169.000	110.613.000
Ноябрь	59.000.000	36.768.000	24.061.800	119.830.000
Декабрь	53.720.000	31.678.000	21.711.600	107.110.000
Итого	436.504.000	324.464.000	264.186.400	1.022.152.000
1916 г.				
Январь	56.577.400	34.566.000	18.201.600	109.345.000
Февраль	48.397.200	35.574.000	28.231.800	112.203.000
Март	50.249.000	40.007.400	32.694.600	122.951.000
Апрель	54.514.800	40.010.200	21.024.000	115.549.000
Май	39.970.800	50.060.400	19.396.800	109.428.000
Июнь	57.067.200	50.814.000	21.640.800	129.522.000
Июль	50.150.800	32.130.000	23.008.200	105.289.000
Август	50.018.200	50.136.000	20.200.800	120.355.000
Сентябрь	52.310.400	52.008.000	25.005.600	129.324.000
Октябрь	59.254.000	56.112.000	29.004.000	144.370.000
Ноябрь	58.714.000	60.018.000	32.007.000	150.739.000
Декабрь	44.153.400	55.626.000	33.006.600	132.786.000
Итого	623.318.200	557.122.000	303.421.800	1.481.861.000
1917 г.				
Январь	48.500.000	58.596.000	35.007.000	142.103.000
Февраль	41.500.000	45.000.000	32.002.200	118.502.000
Март	35.600.000	25.992.000	29.826.000	90.818.000
Апрель	51.100.000	40.0 6.000	24.181.200	115.337.000
Май	53.500.000	58.508.000	16.020.000	123.028.000
Июнь	43.700.000	46.886.000	35.568.000	126.154.000
Июль	32.400.000	42.360.000	29.243.400	104.003.000
Август	37.000 000	34.872.000	23.956.400	95.828.000
Сентябрь	38.000.000	37.392.000	24.450.600	99.843.000
Октябрь	40.500.000	29.274.000	24.168.600	93.943.000
Ноябрь	16.600.000	22.686.000	23.023.800	62.310.000
Декабрь	4.600.000	16.950 000	15.507.000	37.057.000
Итого	442.700.000	453.632.000	312.954.200	1.008.927.000
Всего	1.659.394.000	1.426.334.000	973.925.000	4.059.653.000

[1] Маниковский. «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.», часть I, стр. 113.

ТАБЛИЦА ГЛАВНЫХ ДАННЫХ РУЧНЫХ И СТАНКОВЫХ ПУЛЕМЕТОВ,

Государство	Англия	Австрия	Германия		
Система и год принятия	ручной пулемет Льюиса 1915 г.	облегченный пулемет Шварцлозе 1907/12/16гг.	ручной пулемет Максима обр. 1908/15 гг.	ручной пулемет Максима обр. 1908/18 гг.	ручной пулемет Бергмана обр. 1915 г.
Калибр в мм	7,71	8	7,92	7,92	7,92
Принцип автоматического действия	отвод пороховых газов	неподвижный ствол полусвободный раствор.	подвижной ствол с коротким ходом		подвижный ствол с коротким ходом
Вес тела пулемета в кг	11,75	17,2	17,8	14,5	12
Тип установки	сошка или тяжелая тренога	сошка или тренога	сошка	сошка	сошка и подставка под прикладом
Вес установки в кг	2,70 / 11,5	3,2 / 18,5	1,10	1,10	1,10 / 3,50
Вес всей системы в кг	14,5 / 23,25	20,4 / 35,7	18,9	15,6	13,10 / 15,50
Темп	500	400	550	550	550
Скорострельность практическая	150	300	300	300	300
Длина ствола в мм	660	530	720	720	710
Тип ленты или магазина	дисковый магазин	матерчат. лента	матерчат. лента	матерчат. лента	матерчат. лента
Число патронов в магазине или ленте	47	100—250	100—250	100—250	100—250
Система охлаждения	алюмин. радиатор с продольными ребрами	водяное	водяное	воздушн.	воздушн.
Прин. дальность в м	1800	2400 (шагов)	2000	2000	2000
Нач. скорость м/сек.	775	530	870	870	870
Дульная энергия кг/м	327,5	226,3	386	386	386

ВВЕДЕННЫХ НА ВООРУЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ния	Италия			США	Франция
ручной пулемет Дрейзе обр. 1918 г.	станковый пулемет Бергмана обр. 1915 г.	станковый пулемет Дрейзе обр. 1915 г.	ручной пулемет Фиат обр. 1917 г.	ручной пулемет СИА обр. 1918 г.	станковый пулемет Браунинга обр. 1917 г.	ручной пулемет Шоша обр. 1915 г.
7,92	7,92	7,92	6,5	6,5	7,62	8
подвижн. ствол с коротким ходом	подвижн. ствол с коротким ходом	подвижн. ствол с коротким ходом	подвижн. ствол с коротким ходом	неподвижн. ствол полусвободн. затвор	подвижн. ствол с коротким ходом	подвижн. ствол с длинным ходом
9,7	18	14,5	8	11	13,6	8,35
сошка	салазоч. станок и тренога	тренога	сошка	легкая тренога	тяжелая тренога обр. 1917 и 1918 г.	сошка
1,10	32,3 / 19	31,3	1,90	5,3	22,7 / 20,4	0,400
10,8	54,3 (с водой)	49,8 (с водой)	9,9	16,3	39,6 / 37	8,75
550	500—600	500—600	470	400	500	240
—	—	350	—	200	250	120
720	750	704	—	—	610	450
магазин	матерчат. лента	матерчат. лента	коробчат. магазин	коробчат. магазин	матерчат. лента	коробчатый дуговой магазин
25	250	250	25	25—50	250	20
воздушн.	водяное	водяное	воздушн.	воздушн.	водяное	воздушное
2000	2000	2000	—	1500	2400	2000
870	—	785 (тяж. пул.)	—	700	824	—
386	—	403,6	—	262,2	385,8	—

ТАБЛИЦА ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВИНТОВОК, СОСТОЯВШИХ

Система и год принятия	Обр. 1891 г. (пехот)	Винчестера 1915 г.	Арисака 1897 г.	Арисака 1905 г.	Манлихера 1889 г.	Манлихера 1895 г.
Калибр в мм	7,62	7,62	6,5	6,5	8	8
Вес со штыком в кг	4,55	4,8	4,4	4,3	4,9	3,935
Вес без штыка в кг	4,2	4,2	3,9	3,9	4,5	3,65
Длина винтовки со штыком мм	1734	1375	1666	1670	—	1525
Длина винтовки без штыка мм	1304	1175	1270	1270	—	1270
Длина ствола в мм	800	710	790	790	—	765
Прицельная дальность в м	3200 шагов	3200 шагов	2000	2400	3000	2600 шагов
Род магазина	серединн. с вертикал. распол. патронов	серединн. с вертикал. распол. патронов	серединн. с шахмат. распол. патронов	серединн. с шахмат. распол. патронов	серединн. пачечный	серединн. пачечный
Число патронов в магазине	5	5	5	5	5	5
Способ заряжания	обойма	обойма	обойма	обойма	пачка	пачка
Вес пули	9,6 острая	9,6 острая	10,7 тупая	9 острая	15,8 тупая	15,8 тупая
Вес заряда	3,25	3,25	2,14	2,24	2,75	2,75
Вес патрона	21,5—24,5	21,5—24,5	22,4	21,1	28,30	28,30
Начальная скорость м/сек.	860	823	735	770	620	620

[1] Во время войны было установлено производство патронов с бездымным порохом и с пулей в оболочке.

В РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Лебеля 1886/1907 г.	Маузера 1888 г.	Маузера 1898 г.	Бердана 1870 г.	Гра 1874 г.	Гра-Кропачека 1874 85 г.	Веттерли 1870/1887 г.
8	7,92	7,92	10,67	11	11	10,40
4,35	4,2	4,56	4,8	4,76	4,16	4,79
3,8	3,8	4,10	4,35	4,2	4,25	4,2
1750	1450	1460	1830	1778	1778	1839
1300	1245	1250	1360	1244,6	1244,6	1367
804	780	740	830	—	—	—
2400	2000	2000	1500 шагов	2000	2000	1600
серединн. пачечный	середин пачечный	серединн. с шахмат. распол. патронов	одноз.	одноз.	подставольный магазин	серединн. с вертик. распол. патронов
3	5	5	одноз.	одноз.	8	4
пачка	пачка	обойма	одноз.	одноз.	по одному патрону	обойма
12,8 острая	14,7 тупая	10 острая	23,8 тупая	25,04 тупая	25,04 тупая	20,43 тупая
3	2,75	3,05	5,06	5,24	5,24	4,0
27,6	27,5	23,75	39,7	44,85	43,85	32,84
700	620	880	437	448	448	440

хом—все патроны для винтовок Гра, Гра-Кропачек и Веттерли были с бездымным

ТАБЛИЦА ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВИНТОВОК, СОСТОЯВШИХ НА ВООРУЖЕНИИ

Государство / Данные	Россия	Франция		Англия	Бельгия	Сербия	Черногория
Система		Лебель		Энфильд Маузер	Маузер	Маузер	—
Год принятия	1891 (пехотн.)	1886/93	1907 [1]	1914	1889	1889	1891 пехотн.
Калибр	7,62	8	8	7,71	7,65	7	7,62
Род магазина	серед.	подств.	серед.	серед.	серед.	серед.	серед.
Число патронов в магаз.	5	8	3	5	5	5	5
Способ заряжания	обойма	по одному патрону	пачка	обойма	обойма	обойма	обойма
Вес винтовки без штыка в кг	4,2	4,18	3,80	4,15	3,9	4,0	4,2
Вес винтовки со штыком в кг	4,55	4,58	4,55	4,45	4,40	4,5	4,5
Вес пули в г	9,6 (острая)	12,8 (острая)	12,8 (острая)	10 [2] (острая)	14,1 (тупая)	11,2 (острая)	9,6 (острая)
Вес заряда в г	3,25	3	3,1	3	2,50	2,45	3,25
Вес патрона в г	22,5	27,6	27,6	24,65	28	24,2	22,5
Прицельная дальность в м	3200 (шагов)	2000	2400	1510—2380 (боков. диоптр)	2000	2000	3200 (шагов)
Длина ствола в м	800	804	804	660	780	—	800
Нач. скорость в м/сек.	860	700	700	840	620	745	860

[1] Во время войны во Франции был утвержден образец винтовки системы Лебе-
[2] Для английской винтовки приведены данные остроконечного патрона с легкой
[3] Во время войны для американской армии был разработан образец винтовки

ВОЕВАВШИХ ГОСУДАРСТВ В МОМЕНТ ВСТУПЛЕНИЯ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Япония	Италия	Греция	Португалия	Румыния	США	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Болгария
Арисака	Манлихер Каркано	Манлихер Шемауэр	Маузер Фигуейро	Манлихер	Спрингфильд [3]	Маузер	Манлихер	Маузер	Манлихер
1905	1891	1903.14	1904	1893	1903	1898	1895	1903	1889
6,5	6,5	6,5	6,5	6,5	7,62	7,92	8	7,65	8
серед	серед.	серед.	серед.	серед.	серед	серед.	серед	серед.	серед.
5	6	5	5	5	5	5	5	5	5
обойма	пачка	обойма	обойма	пачка	обойма	обойма	пачка	обойма	пачка
3,9	3,82	3,8		3,9	3,94	4,1	3,65	3,9	3,65
4,3	4,16	—	—	4,27	4,9	4,56	3,93	4,52	3,93
9 (острая)	10,50 (тупая)	10,5 (тупая)	10,06 (острая)	10,3 (тупая)	9,72 (острая)	10 (острая)	15,8 (тупая)	10 (острая)	15,8 (тупая)
2,24	2,22	2,45	2,44	2,42	3,24	3,05	2,75	3	4 (черный порох)
21,1	22,8	22,15	24,1	22,5	26,00	23,75	28,30	23,7	29,7
2100	2000	2000	2000	2000	2000	2000	2600 (шагов)	2000	2600 (шагов)
790	780	725	—	725	640	740	765	740	765
770	710	720	715	730	823	880	620	830	530

ки 1907/1916 г. с магазином на 5 патронов, заряжаемым пачкой.
пулей первоначального образца, которая в то время была на вооружении.
1917 г. с магазином на 6 патронов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава 1. Общий взгляд на подготовку к мировой войне. Различие в интенсивности подготовки к русско-японской и мировой войнам. Значение неудач русско-японской войны. Общие мероприятия в отношении оружейного дела: организация Ружейного полигона, реорганизация Оружейного отдела, оживление деятельности периодической печати и выход различных научно-технических трудов по оружейному делу как следствие наметившегося среди командного состава стремления к под'ему военных знаний. Реорганизация „Общества ревнителей военных знаний". Издание газеты „Военный голос". Отдельные мероприятия по поднятию оружейного дела в армии: усиленная организация пулеметных команд, увеличение запасов комплектов патронов Недостаточность отпуска финансовых средств для реформ в армии, в особенности показательная в отношении мероприятий по усилению артиллерийской части. Краткое перечисление этих мероприятий как пример общего положения перед войной в отношении недостатка средств на надлежащие реформы в армии. Заключение о военной и военно-политической подготовке к мировой войне 3

Глава 2. Об'явление войны. Командировка в Японию миссии Э. Гермониуса для приобретения орудий, снарядов, винтовок и патронов. Приемка мексиканских и японских винтовок. Положение русской армии в отношении оружия в конце 1914 г. Дальнейшие заказы оружия американским заводам. 12

Глава 3. Осмотр и исправление оружия в военное время. А.—Положение армии в отношении снабжения оружием и его исправления в начале войны (январь 1915 г.). Б.—Выработка положений по организации передовых починочных мастерских, по сбору оружия с полей сражений и о штаб-офицерах по осмотру оружия. В.—Работы по организации передовых починочных мастерских в условиях военного времени. Г.—Осмотр оружия в войсках в условиях военного времени; состояние винтовок в военное время 22

Глава 4. Катастрофическое положение русской армии в отношении недостатка оружия летом 1915 г. Командировка особой миссии адм. Русина в Англию. Конференция союзников в Лондоне в 1915 г. Размер помощи, оказанной союзниками русской армии. Вопрос о винтовках. Передача русской армии винтовок Гра, Гра-Кропачек и Веттерли. Распределение этих винтовок. Общее заключение о размерах помощи царской армии со стороны союзников 54

Глава 5. Неудачный исход летней кампании 1915 г. как следствие недостатков в снабжении. Назначение нач. ГАУ А. А. Маниковского. Изменение директив в отношении снабжения. Работа наших оружейных и патронных заводов и дальнейшие заказы за границей. Улучшение положения русской армии в отношении снабжения к лету 1916 г. Деятельность А. А. Маников-

283—1

Стр.

ского в отношении нового строительства военных заводов по опыту мировой войны. Сравнение с положением английской армии 79

Глава 6. „Румынский эпизод". Выступление Румынии и работы по снабжению ее армии оружием и огнеприпасами. Обнаружившаяся неподготовленность Румынии к войне. Командировка в Румынию миссии Гибера фон-Грейфенфельс. Ознакомление с положением Румынии в отношении снабжения ее армий; совершенно недостаточное количество мобзапасов и крайне малая сеть заводов военной промышленности. Необходимость снабжения Румынии со стороны ее союзников. Эвакуация Румынии. Заключение конвенций в отношении помощи по снабжению оружием со стороны русского военного министерства, а также по распределению эвакуируемых румынских заводов, рабочего персонала и сырых материалов 95

Глава 7. Возобновление работ с автоматическими винтовками. Недостаток в русской армии ручных пулеметов, получивших к этому времени большое распространение в иностранных армиях. Необходимость приблизить разработку автоматической винтовки к типу ручного пулемета. Появление автомата. Свойства и назначение этого типа оружия. Формирование и отправление на фронт первой команды, вооруженной автоматическими винтовками. Результаты испытаний автоматов в авиации. Заказ автоматов Сестрорецкому оружейному заводу. Необходимость переноса заказа на другой завод, ввиду невозможности получить соответствующее дополнительное оборудование с американских заводов, а также вследствие падения производительности Сестрорецкого оружейного завода по основной его продукции—3-линейным винтовкам. Постановление исполнительной комиссии при военном министре от 2 января 1918 г. 111

Приложения 121

БИБЛИОТЕКА

283—1

Отв. редактор *Благонравов А. А.* Техн. редактор *Борисов А. С.*

Уполн. Главл. Г—4618 Зак. № 2695 Тираж 1600 экз.

Поступило в производство 25/IV 1939 г. Подписано к печати 5/VII 1939 г.

Кол. печ. $8^1/_4$. Кол. авт. л. $11^8/_4$. В 1 печ. 60.000 зн. Формат бумаги $70\times108^1/_{16}$

Центральная типография НКО СССР имени Клима Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

ЦЕНА 8 РУБ.